

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

160

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

160

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора), *Ю. А. Краснов*,
В. В. Кропоткин, *И. Т. Кругликова* (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПСКОВА
(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОРОДА)

В статье предпринята попытка суммировать накопившиеся наблюдения по культурной стратиграфии Пскова. За 40-летнюю историю раскопок¹ в той или иной мере обследованы все основные участки городской территории: вскрыто около четверти площадки городища, почти полностью раскопан Довмонтов город, изучены большие участки в черте Среднего города, обследованы Полонице, Запсковье и Завеличье². Основанием для исследования послужили коллекции, отчетная и полевая документация, а также публикации материалов раскопок³. В данной статье рассматриваются материалы раскопок древнейшего городского ядра Пскова: Кром, включающий площадку городища, Довмонтов город и Средний город (рис. 1). Основное внимание сосредоточено на материалах городища — наименее опубликованных и наиболее дискуссионных.

Характер культурного слоя на разных участках города различен. На площадке городища мощность его колеблется от 0,8 до 2,2 м. Выделяются четыре стратиграфических слоя (рис. 2): 1) светло-серый рыхлый мощностью до 0,5 м (дерновый и поддерновый); 2) прослойка строительного мусора мощностью от нескольких сантиметров до 2 м в прорезающих более ранние напластования ямах; 3) темно-серый, до коричневого и интенсивно-черного, рыхлый, с прослойками глины, песка, золы, угля, древесного тлена мощностью до 1 м; 4) темный плотный мощностью до 0,5 м, лежащий на материке. За чертой городища (в южной оконечности Крома, Довмонтовом городе и Среднем городе) культурный слой разделяется на два стратиграфических слоя: 1) мусорный слой современного города мощностью 1,5—2,5 м (шлейф прослоек строительного мусора, отражающих процесс застройки времени развитого средневековья, достигает 2,5 м в Довмонтовом городе и 10 м — в южной оконечности Крома); 2) темно-коричневый до интенсивно-черного, насыщенный грунтовыми водами, с прослойками навоза, песка, глины, древесного тлена и щепы, с остатками деревянных сооружений (0,9—5,5 м).

Анализ керамики Пскова позволил выделить шесть керамических групп.

1. Сетчатая керамика, составляющая 0,5% лепной глиняной посуды городища (рис. 3, 24, 25)⁴, представлена сильно фрагментированными обломками сосудов, равномерно распределяющимися в слоях городища с незначительным тяготением к нижним пластам.

2. Гладкостенная лепная керамика (18,8%) представлена горшками «стройных пропорций» (рис. 3, 14, 17, 22), сходными с керамикой

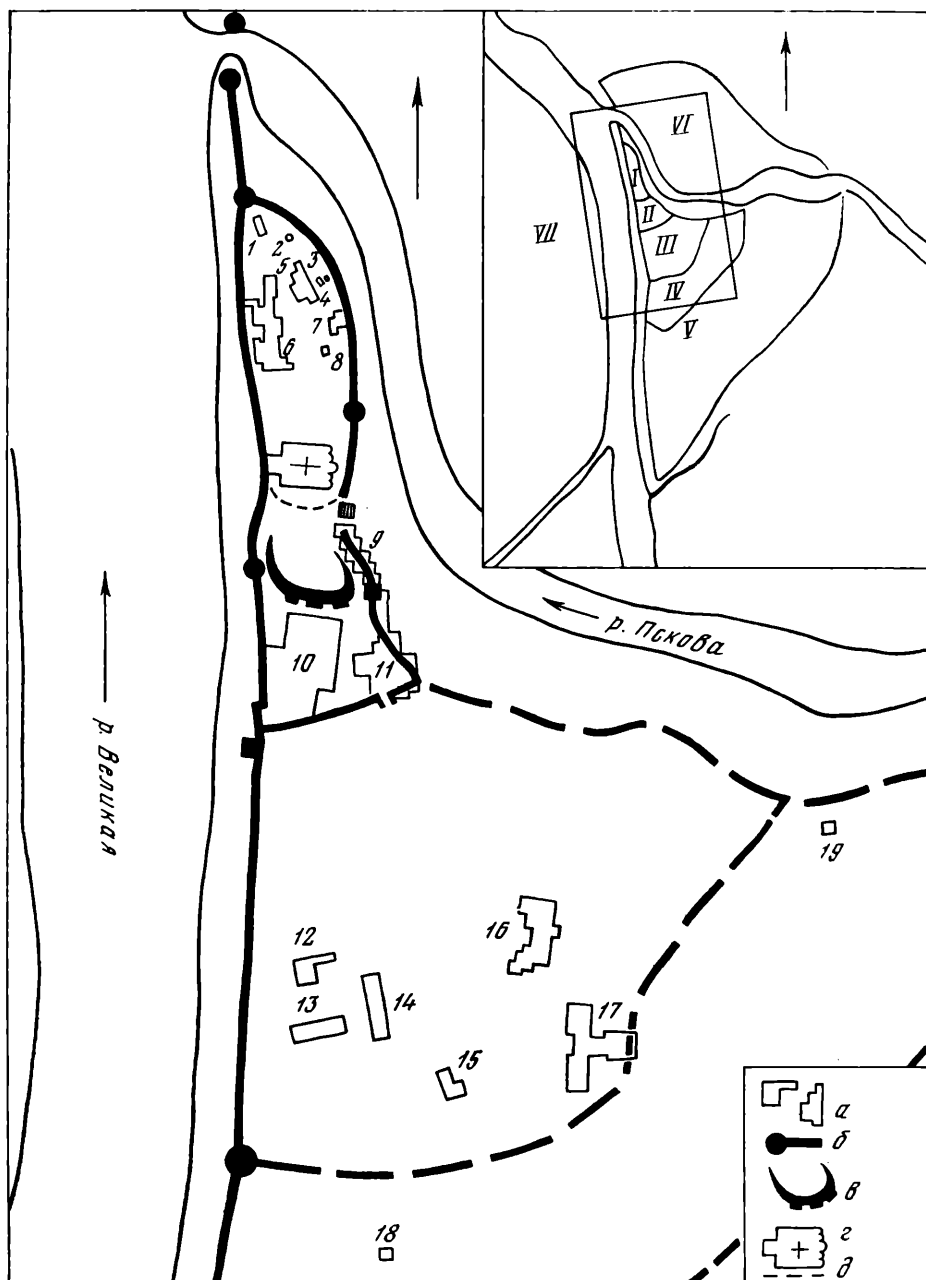

Рис. 1. Схема городского ядра Пскова

а — раскопы: 1 — 1960 г., 2 — 2 (1930 г.), 3 — 1 (1930 г.), 4 — 1936 г., 5 — 2, 3 (1946—1947 гг.), 6 — 1, 4—6 (1946—1949 и 1977 г.), 7 — 1961 г., 8 — 1972 г., 9 — 1973—1974 гг., 10, 11 — 1956, 1958—1977 гг., 12 — 1956 г., 13 — 1972 г., 14 — 1955, 1958, 1959 гг., 15 — 1954 г., 16 — 1968—1970, 1973, 1974 гг., 17 — 1976 г., 18 — 1973 г., 19 — 1972 г.; **б** — крепостные стены и башни; **в** — Перси; **г** — Троицкий собор; **д** — южная граница городища

На врезке: схема Псковской крепости: I — Кром, II — Довмонтов город, III — Средний город (в черте стены 1309 г.), IV — Средний город (между стенами 1309 и 1375—1380 гг.), V — Полонице, VI — Запсковье, VII — Завеличье

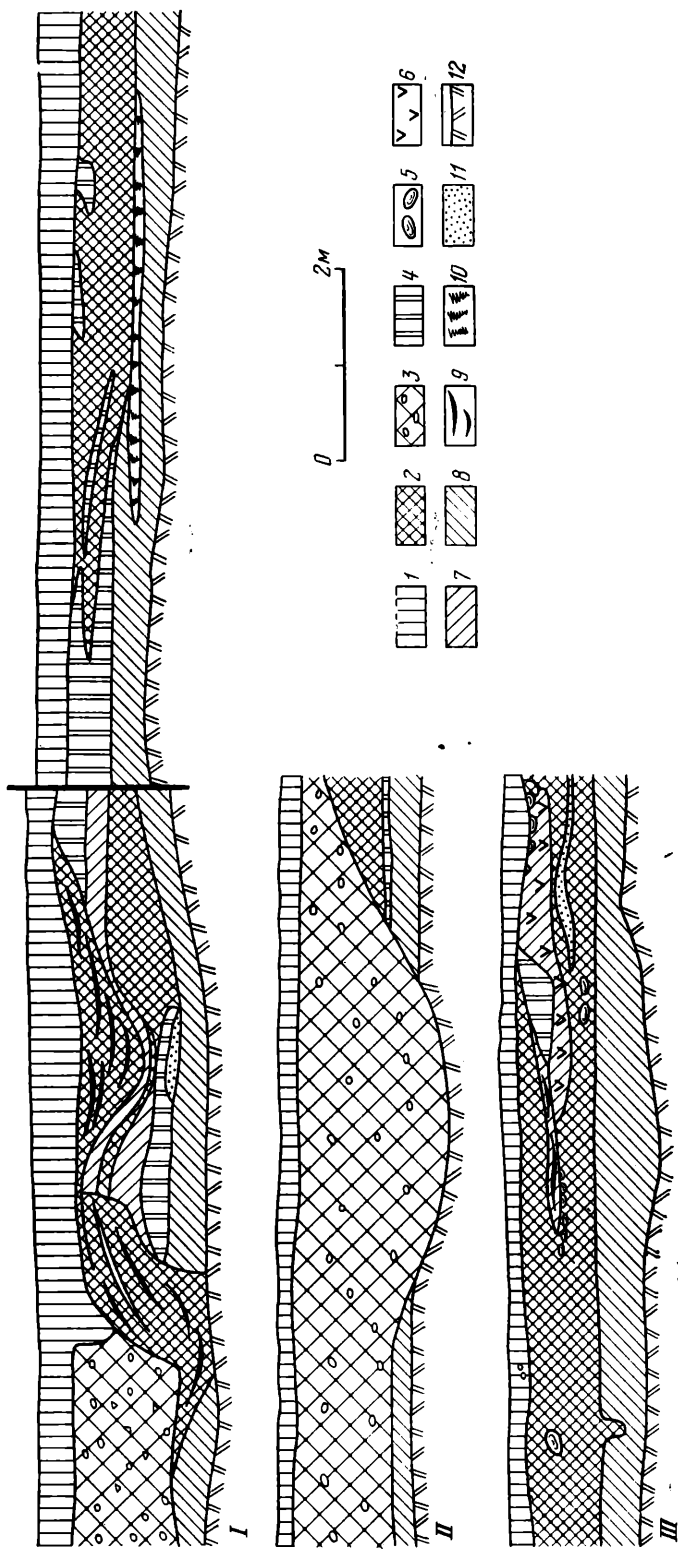

Рис. 2. Стратиграфия культурного слоя Псковского городища

1 — дерновый и поддерновый слой; 2 — темный рыхлый слой; 3 — мусорный слой; 4 — глина; 5 — камень; 6 — зола; 7 — темно-серый рыхлый слой; 8 — темный плотный слой; 9 — уголь; 10 — древесный глен; 11 — песок; 12 — материк

I — раскоп 6 (1949 г.) по линии квадратов 97—100, 69—72, западный профиль; II — раскоп 5 (1948 г.) по линии квадратов 107—110, восточный профиль; III — раскоп 5 (1948 г.) по линии квадратов 13—16, восточный профиль (местоположение разрезов на плане раскопов см. на рис. 5)

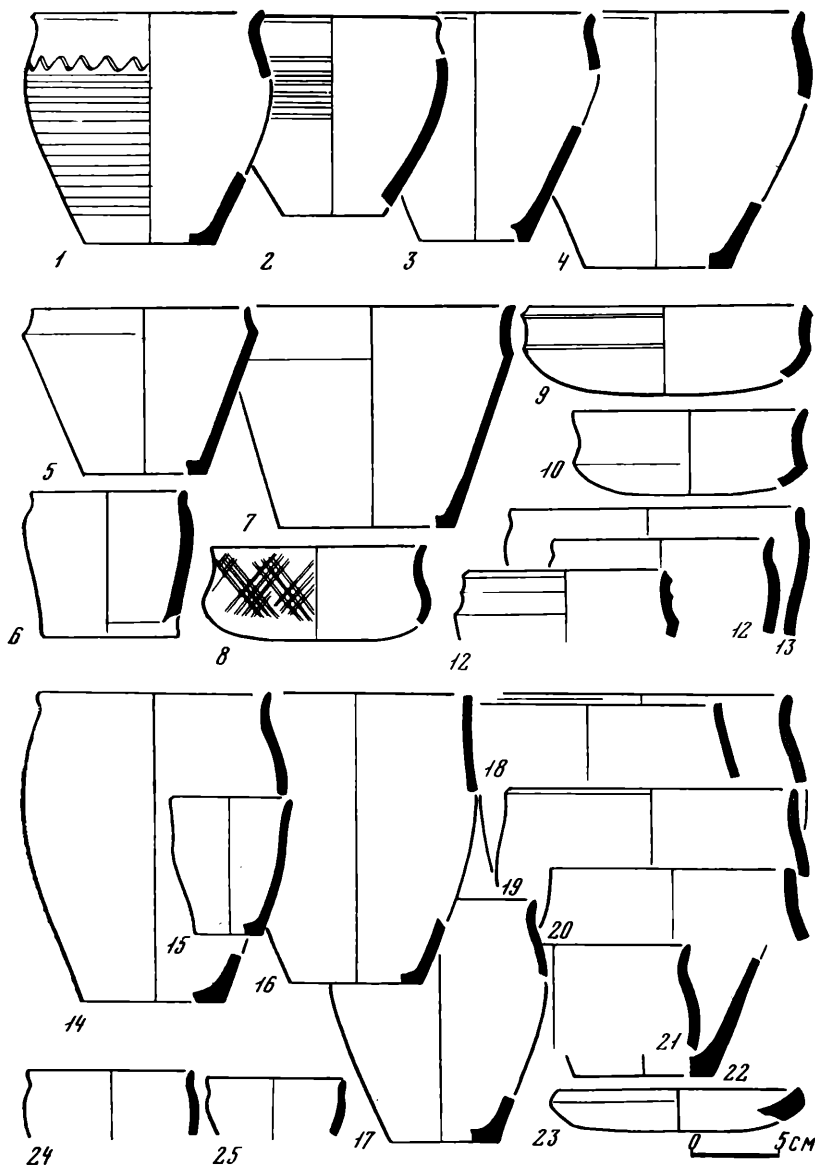

Рис. 3. Керамика Пскова

1—4 — группа 4; 5—13 — группа 3; 14—23 — группа 2; 24, 25 — группа 1
 1 — Средний город, раскоп 1956 г., горизонт Ж; 2 — Довмонтов город, предматеринный слой;
 3, 4 — городище, слой 3, верхние пласты; 5—7, 9, 10 — городище, слой 3, нижние пласты;
 8 — Средний город, раскоп 1956 г., горизонт Е; 11—13 — городище, раскоп 4 (1947 г.), рас-
 чистка пола и очага жилища типа 2; 14—17, 23—25 — городище, слой 4; 18—22 — заполнение
 котлованов жилищ типа 1

пражского типа, а также баночными и тюльпановидными сосудами (рис. 3, 15, 16) типа керамики верхнего слоя Тушемли—Колочина и сковородами (рис. 3, 23). Большая часть этой керамики относится к слою 4 городища.

3. Грубая кухонная (59,5%) и подлощенная столовая (2,8%) лепная посуда (рис. 3, 5—13). Кухонная посуда представлена в основном банковидными сосудами, сходными с керамикой поселений типа Рыуге в юго-восточной Эстонии, а также немногочисленными фрагментами сосудов с ребром или каннелюром на плечике, подобных керамике ладожского

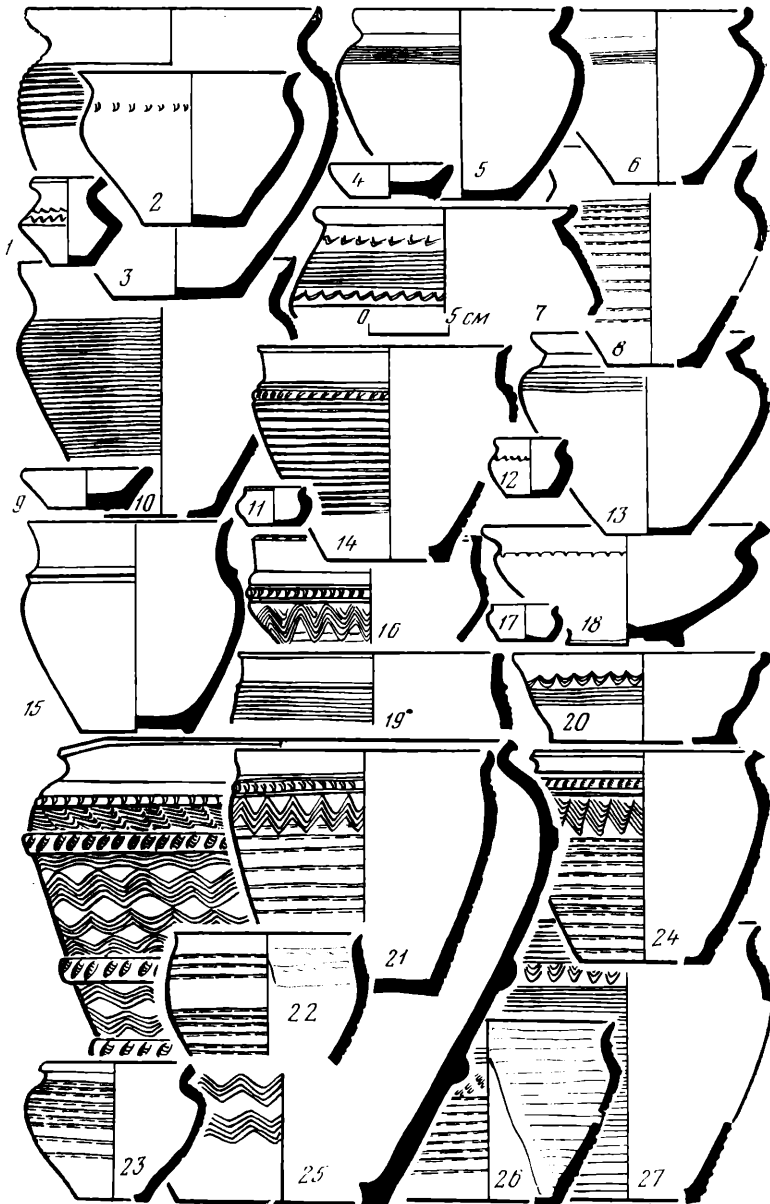

Рис. 4. Керамика Пскова

1—13, 17, 18 — группа 6; 14—16, 19—27 — группа 5; 1, 2, 7 — городище, слой 1; 3 — Довмонтов город, замурован в кладку церкви Дмитрия Солунского (первая половина XII в.); 4—6, 8—13, 17, 18 — Средний город, раскоп 1956 г., горизонты В—Д; 14, 16, 19—27 — Средний город, раскоп 1956 г., горизонт Е; 15 — Средний город, раскоп 1972 г., из печи в постройке пласта 15 (по данным И. К. Лабутиной)

типа. Столовая посуда — ребристые горшки (рис. 3, 7) и округлодонные чаши (рис. 3, 8—10) — находит себе прямые аналогии в подлощенной керамике поселений типа Рыуге в юго-восточной Эстонии и (шире) в прибалтийскофинских древностях. В Пскове керамика группы 3 характерна для нижних пластов слоя 3 городища, отдельные фрагменты столовой посуды встречаются в вышележащих отложениях и в приматериковом горизонте Ж посада.

4. Предкруговая и примитивнокруговая керамика (рис. 3, 1—4), находящая соответствие в круге форм фельдбергерского типа междуречья

нижней Вислы и Эльбы, а также побережья Дании и Швеции. На Псковском городище доля лепной керамики группы 4 достигает 18,4% всей лепной керамики, в целом лепная и примитивнокруговая керамика группы 4 составляет 22,7% всей керамики городища. На посаде керамика группы 4 является основной в горизонте Ж — 81,2% (18,8% составляет различная лепная керамика).

5. Богато орнаментированная керамика развитых форм фельдбергерского, фрезендорфского, торновского и гарцского типов (рис. 4, 14—16,

Таблица 1

Распределение керамики по слоям и горизонтам

Слой городища	Группы керамики	Строительные горизонты посада
3 (верхний пласт) — 1	6	В — Д
3 (верхний пласт) — 1	5	Е
3 (верхние пласты)	4	Ж
3 (нижние пласты)	3	—
4	2	—
Переотложенные	1	—

Таблица 2

Выделение культурно-хронологических комплексов

Домостроительство	Керамика	Культурно-хронологические комплексы
Тип 3	Группа 6 Группа 5 Группа 4	Фаза II Псков Г
Тип 2	Группа 3	Псков В
Тип 1	Группа 2 Группа 1	Псков Б Псков А

19—27), находящая себе аналогии в том же круге древностей, что и керамика группы 4, а также широко представленная в древнейших горизонтах культурного слоя городов Северной Руси (Новгород, Изборск, Ладога (Д), Луки, Белоозеро и др.). Эта посуда встречена в верхнем пласте слоя 3 и в слое 1 городища, на посаде составляет 81,8% керамики горизонта Е.

6. Развитая круговая керамика древнерусского типа (рис. 4, 1—13, 17, 18), фиксирующая несколько периодов развития форм и для раннего периода находящая ближайшие аналогии в Новгороде⁶. На городище эта керамика в раскопах 1946—1949, 1960, 1961, 1972 гг. найдена вместе с керамикой группы 5, на посаде характерна для горизонтов В—Д, где составляет до 100%.

Стратиграфическое распределение керамики в слое Пскова (табл. 1) позволяет наметить относительную хронологию выделенных керамических групп. Керамика группы 1, сильно фрагментированная и более или менее равномерно распределенная в толще напластований, очевидно, относится к переотложенному слою, существовавшему к моменту начала формирования слоя 4. Керамика группы 2 характеризует древнейший из сохранившихся в непо потревоженном виде слоев (слой 4). Ее сменяет керамика группы 3, характеризующая нижние пласты слоя 3. Керамика группы 4 характерна для верхних пластов слоя 3 городища и предметного горизонта посада. Совместное залегание в слоях городища керамики групп 5 и 6 позволило С. А. Таракановой считать их одновременными, однако стратиграфия керамических групп в слое посада показывает, что керамика группы 5 хронологически предшествует керамике группы 6 и сменяется последней.

Выделенные керамические группы не являются звеньями единой эволюционной цепи. Наиболее взаимосвязанными следует признать группы 4 и 5, объединенные единством происхождения и отчасти типологически. Связи между группами 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4 не выявляются. Связь между группами 5 и 6 прослеживается только по отдельным формам⁶.

Раскопками выявлено три принципиально различных типа жилых построек.

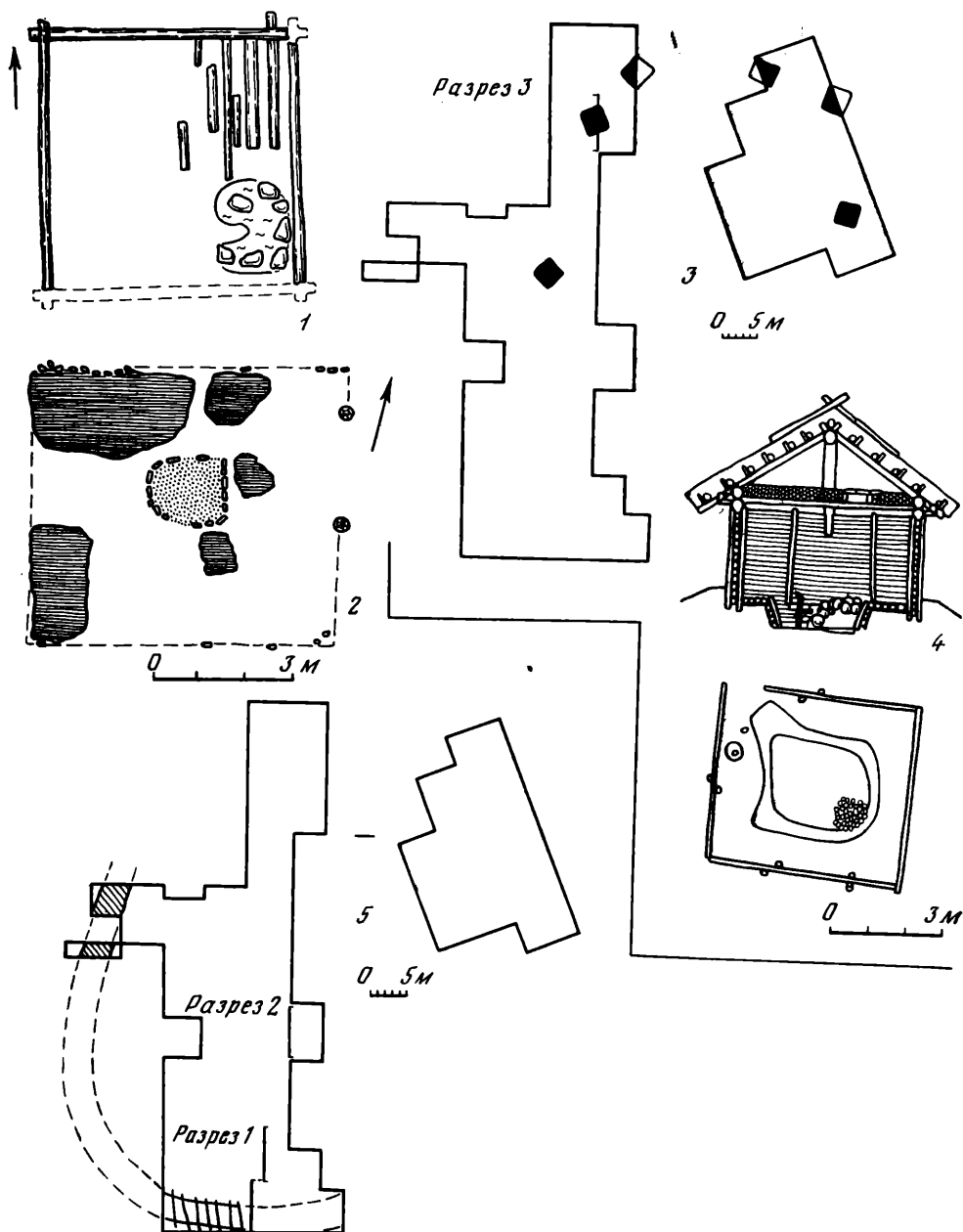

Рис. 5. Домостроительство и оборонительные сооружения Псковского городища
 1 — постройка типа 3, раскоп 6 (1949 г.); 2 — постройка типа 2, раскоп 6 (1949 г.); 3 — план раскопов на площадке городища с обозначением местоположения построек типа 1; 4 — постройка типа 1, раскоп 2 (1946 г.), реконструкция Г. В. Борисевича; 5 — план раскопов на площадке городища с обозначением местоположения обнаруженных остатков вала

Тип 1 — так называемые полуземлянки: наземные жилища с углубленным в материк на 0,16—0,6 м котлованом, площадью 3×3,5 м, со сдвоенными столбовыми ямками вокруг. Развалы печей-каменок находились напротив входа (в виде постепенно понижающегося коридорчика) у стены или в одном из углов котлована (рис. 5, 4). По заключению Г. В. Борисевича постройки можно реконструировать как наземные сооружения

площадью 5×5 м, близкие современным хатам-мазанкам. Раскопками 1946—1949 гг. зафиксированы остатки шести построек, как будто бы располагавшихся по кругу, оставляя центральную часть незастроенной (рис. 5, 3). Остатки еще одной постройки были, возможно, частично исследованы нашими раскопками в 1972 г.⁷: в раскоп попала часть котлована с развалом печи, близ которого найден небольшой известняковый жернов. Аналогии постройкам типа 1 известны на поселениях второй половины I тысячелетия н. э. в междуречье нижней Вислы и Эльбы⁸.

Тип 2 — наземные постройки с глинобитным полом, столбовой конструкцией стен и отопительными сооружениями в виде открытых очагов, обложенных плитняковыми камнями, поставленными на ребро («жертвенники» С. А. Таракановой), или глинобитных печей на каменном опечье («железоплавильные горны» С. А. Таракановой). Выявлено до четырех горизонтов глинобитных полов построек, перекрывающих друг друга и свидетельствующих о долговременности поселения. Размеры построек от 4×6 до 6×7 м, иногда — больше. Имеются однокамерные (рис. 5, 2) и двухкамерные сооружения. Очаги занимали в постройках серединное положение, а в двухкамерных находились в большей камере. Планировка поселения пока остается неясной. Ближайшие аналогии жилищам этого типа известны по материалам раскопок городища Рыуге в юго-восточной Эстонии и городища Камно под Псковом, а также городищ латгалов. По мнению В. В. Седова, появление в низовьях Великой и на смежных восточноэстонских землях построек с глинобитными полами нужно расценивать как следствие инфильтрации сюда групп латгальского населения⁹. В жилищах у латгалов имеются и отопительные сооружения описанного типа. Плановое решение интерьера жилищ находит себе определенное соответствие в постройках селища культуры длинных курганов на оз. Съезжее в Новгородской обл.¹⁰

Тип 3 — наземные срубы с дощатыми полами на лагах и с печью в углу (рис. 5, 1). Размеры построек от $4,5 \times 4,5$ до 6×7 м. В основном дома четырехстенные, хотя есть и пятистенки. Печи двух типов — каменки и глинобитные. Есть случаи бревенчатых подкладок под нижние венцы и столбов под углами. Часто для подкладок использовались плиты известняка. Прослежены гнездовые скопления построек, позднее — усадьбы, ориентированные вдоль улиц. Традиции домостроительства этого типа известны в Северной Руси по крайней мере с VIII в. (Изборск, Ладога, поселения Приильменя).

По материалам раскопок городища выявлена относительная хронология исследованных типов построек: в раскопе 2 (1941—1946 гг.) постройка типа 2 перекрывает постройку типа 1, в раскопах 1 (1946 г.), 1 (1930 г.) и 6 (1949 г.) постройки типа 2 перекрыты постройками типа 3. Для посада характерно домостроительство исключительно типа 3. Таким образом, древнейшими следует признать постройки типа 1, их сменили постройки типа 2, в свою очередь сменившиеся постройками типа 3. Генетическая преемственность между постройками разных типов не прослеживается.

При изучении коллекций керамики из раскопок городища удалось обнаружить керамические комплексы четырех из шести исследованных раскопками С. А. Таракановой построек типа 1. Типологически определяемые фрагменты сосудов все без исключения относятся к группе 2, причем представлены исключительно обломками горшков «стройных пропорций». Фрагменты горшков баночной и тюльпановидной форм в постройках не встречены. С комплексами построек типа 2 (из печей, очагов, между глинобитными полами) связаны находки керамики группы 3. Постройкам типа 3 соответствуют керамические формы групп 4—6, при этом имеются постройки, при расчистке которых найдена керамика группы 4, групп 4 и 5, группы 5 и группы 6. Ни в одной из исследованных построек не встречено одновременно керамики групп 4 и 6 и групп 5 и 6.

Таким образом, деление выделенных керамических групп с типами домостроительства (табл. 2) позволяет фиксировать в Пскове четыре культурно-хронологических комплекса с разделением последнего на две фазы.

К периоду Псков А относятся находки сетчатой керамики. Связанное с этим временем домостроительство на Псковском городище не прослежено. С периодом Псков Б связаны постройки типа 1 и керамика группы 2. В период Псков В функционируют жилища типа 2 и керамика группы 3. В период Псков Г основным типом домостроительства становятся жилища типа 3, фаза Г—I характеризуется вначале керамикой группы 4, а затем появлением керамики группы 5. Керамический набор фазы Г—II представлен исключительно сосудами группы 6.

Хронология выделенных периодов определяется найденными при раскопках предметами. В слое 4 городища найдены предметы середины I тысячелетия н. э.: фибула (рис. 6, 5)¹¹, бляшка-скорлупка (рис. 6, 4)¹², булавка (рис. 6, 1)¹³. Однако ни одна из находок не связана с комплексами построек. Так как на смежных территориях Латвии и Эстонии сетчатая керамика доживает до VI в.¹⁴, можно полагать, что перечисленные предметы относятся к переотложенному слою комплекса Псков А и определяют его верхнюю дату. Начальная дата поселения остается неясной. Судя по небольшому количеству найденной сетчатой керамики, либо оно существовало недолго, либо жизнь на нем была недостаточно интенсивной.

К периоду Псков Б определенно относятся только две находки: шестигранная бусина синего стекла (постройка 6, раскоп 5, 1948 г.), датирующаяся в широких пределах VI—IX вв.¹⁵, и бронзовый пластинчатый браслет с заходящими концами (постройка 5, раскопы 4—5, 1947—1948 гг.), обнаружить который в фондах Псковского музея-заповедника не удалось. К комплексу Псков Б могут быть причислены также три роговых гребня с горбатой спинкой (рис. 6, 2, 3), неизвестные в культурах сетчатой керамики¹⁶, но найденные на памятниках тушемлинского круга¹⁷. Однако надежным основанием для датировки они не могут служить, и поэтому хронология всего комплекса Псков Б определяется промежуток между комплексами Псков А и Псков В.

Дата комплекса Псков В определена VIII—IX вв. по целой серии находок: браслеты с утолщенными (рис. 6, 15)¹⁸ и с расширяющимися (рис. 6, 17)¹⁹ концами, пластинчатые с выпуклыми ребрами (рис. 6, 6)²⁰, блоковидные огнива (рис. 6, 11)²¹, гребни с фигурной спинкой (рис. 6, 10, 13)²², булавка (рис. 6, 12)²³, 14-гранные бусины синего стекла²⁴, пинцеты (рис. 6, 9)²⁵, костяная подвеска-уточка (рис. 6, 16)²⁶, бизовидная подвеска (рис. 6, 8)²⁷. В слоях между глинобитными полами найдены также пряслица, спиральный перстень (рис. 6, 7), трапециевидные подвески (рис. 6, 14), а с очагами связаны находки предметов (тигли, лячки, литейные формы) и отходов (шлаки, кусочки металла) бронзолитейного производства, фиксирующие, по мнению В. В. Седова, заметное латгальское влияние²⁸.

Комплекс Псков Г—I датируется в пределах конца IX — начала XI в. Из датирующих находок назову равноплечную (рис. 6, 24)²⁹ и кольцевую (рис. 6, 22)³⁰ фибулы, бляшку (рис. 6, 20)³¹, незавершенную подвеску (рис. 6, 25)³², диски от вертикального ткацкого стана (рис. 6, 18)³³, наборные односторонние роговые гребни (рис. 6, 26—28, 30, 31), среди которых есть фрагмент накладки VIII—IX вв. (рис. 6, 31)³⁴, детский деревянный меч, сходный с мечами типа X по Я. Петерсену³⁵, бусины (глазчатые, мозаичные, полосатые, лимоновидные, рубленый бисер, 14-гранные синие, хрустальные, призматические сердоликовые и др.)³⁶, дирхемы 914—934 и 940—955 гг.³⁷, золотую византийскую монету 914—944 гг.³⁸, коромысло весов и гирьку (рис. 6, 23, 32)³⁹, иг-

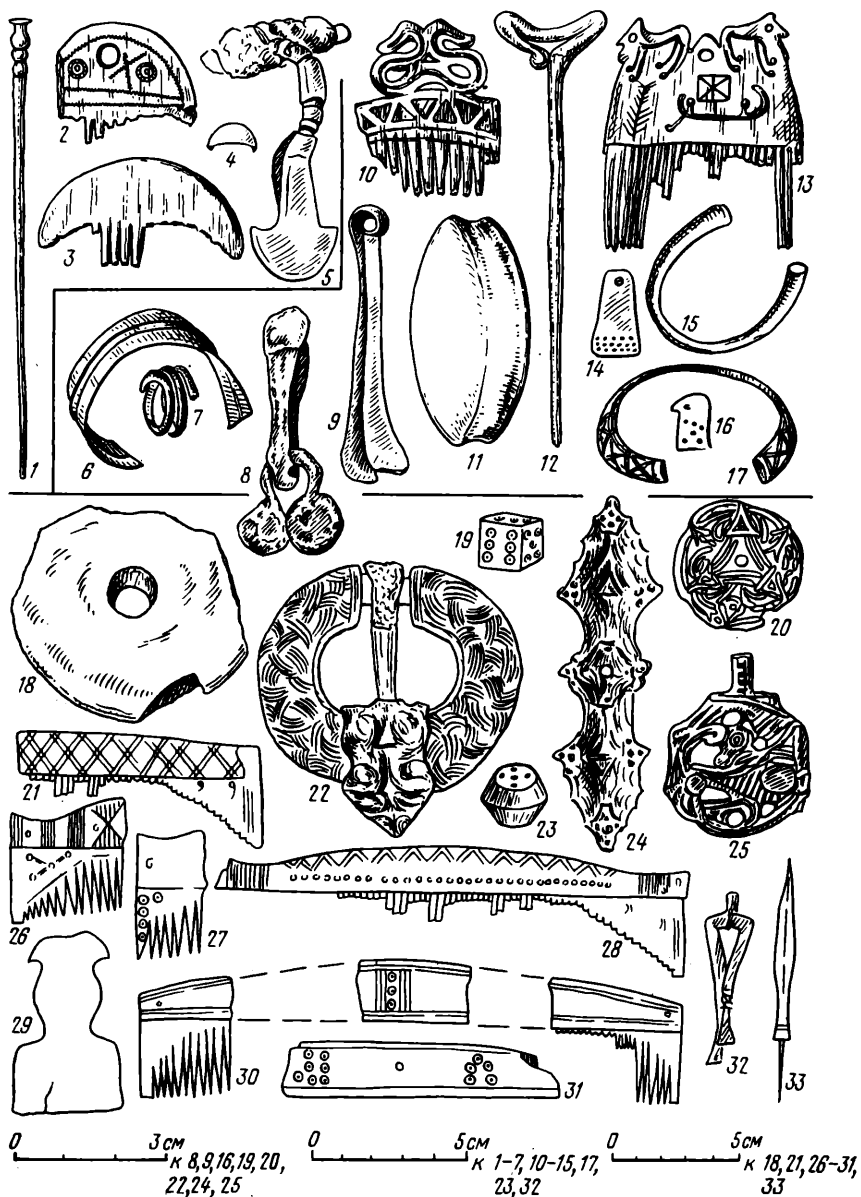

Рис. 6. Некоторые датующие предметы из раскопок в Пскове

1, 12 — булавки; 2, 3, 10, 13, 21, 26—31 — гребни; 4, 20 — бляшки; 5, 22, 24 — фибулы; 6, 15, 17 — браслеты; 7 — перстень; 8, 14, 16, 25 — подвески; 9 — пинцет; 11 — огниво; 18 — диск от ткацкого стана; 19 — игральная кость; 23 — гирька; 32 — коромысло от весов; 33 — наконечник стрелы

1, 4—9, 12, 14, 15, 17, 20, 22—25, 32 — цветные металлы; 2, 3, 10, 13, 16, 19, 21, 26—31 — кость и рог; 11 — камень; 18 — глина; 33 — железо

ральную кость (рис. 6, 19)⁴⁰, ланцетовидные наконечники стрел (рис. 6, 33)⁴¹, заготовку гребня с фигурной спинкой (рис. 6, 29), блоковидные огнива и др. Ранний горизонт с керамикой группы 4 по стратиграфическим соображениям датирован концом IX — первой половиной X в.; поздний горизонт с керамикой группы 5 по тем же соображениям — второй половиной X — первой половиной XI в.

Датировка комплекса Псков Г—II определяется хорошо разработанной хронологией многочисленных вещей древнерусских типов (двусто-

ронные трапецевидные гребни, замки, ключи, кресала, набор украшений, южные импортные вещи, предметы вооружения и др.). Это — вторая половина XI—XIV в. Датировка была установлена еще Г. П. Гроздиловым⁴².

Предпринятая на керамическом материале синхронизация раскопов (табл. 3)⁴³ позволила в общих чертах представить процесс роста территории Пскова, существенный для понимания соотношения выделенных комплексов.

О топографии поселений комплексов Псков А и Псков Б говорить с уверенностью не приходится. Можно лишь констатировать, что оба по-

Таблица 3

Синхронизация приматериковых горизонтов раскопов городского ядра Пскова (по материалам керамики)

Комплексы	Раскопы										
	1, 3—8	9	10, 11	12	13	14	15	16	17	18	19
Псков Г—II	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Псков Г—I	+	+	+	+	+	+					
Псков В	+										
Псков Б	+										
Псков А	+										

селения занимали площадку городища или ее часть (рис. 7, 1, 2). Данных о наличии в это время искусственных укреплений пока нет.

Поселение комплекса Псков В также ограничивалось только площадкой городища, однако в это время наличие искусственных укреплений, судя по городищам Камно и Рыуге, вероятно. По мнению большинства исследователей, древнейшая линия оборонительных сооружений городища проходила в самом узком месте площадки, на ее южном краю, в месте перепада материковой скалы⁴⁴. Тогда площадь поселения определяется площадью городища — около 1,5 га (рис. 7, 3).

С появлением комплекса Псков Г—I происходят заметные топографические изменения: северная часть площадки городища площадью 0,8 га укрепляется кольцевым валом, превращаясь в замок. Вал замка насыпан из плотной глины, по гребню его проходил частокол из толстых бревен. Дата вала определена по находкам керамики групп 4 и 5. Часть вала, вскрытая сплошной площадью (раскоп 6, 1949 г.), как будто бы фиксирует наличие внутривальных деревянных конструкций (рис. 5, 1—5). В Северной Руси IX—XI вв. такие конструкции надежно зафиксированы в Городце под Лугой⁴⁵, на Асотском замке⁴⁶, а также, возможно, в новгородском детинце⁴⁷. Весьма характерны конструкции описанного типа для западнославянских городищ побережья Балтийского моря⁴⁸. Южная часть городища остается за пределами замка. Если укрепления на краю площадки городища продолжали существовать, мы, возможно, имеем дело с двучастной структурой града: замок — окольный город. Аналогичное членение града зафиксировано для X—XI вв. раскопками в Изборске⁴⁹.

За чертой града возникает неукрепленное поселение площадью около 8 га. Границы его были первоначально определены нами по находкам в раскопах 1973 и 1974 гг. (рис. 1, 16, 18) трех погребальных комплексов, перекрытых во второй половине XI в. культурным слоем и являвшихся, как предполагалось, частями большого курганного некрополя, огибавшего поселение с юга⁵⁰. Раскопки последних лет подтвердили это предположение. В 1976 г. под культурным слоем раскопа на ул. Ленина

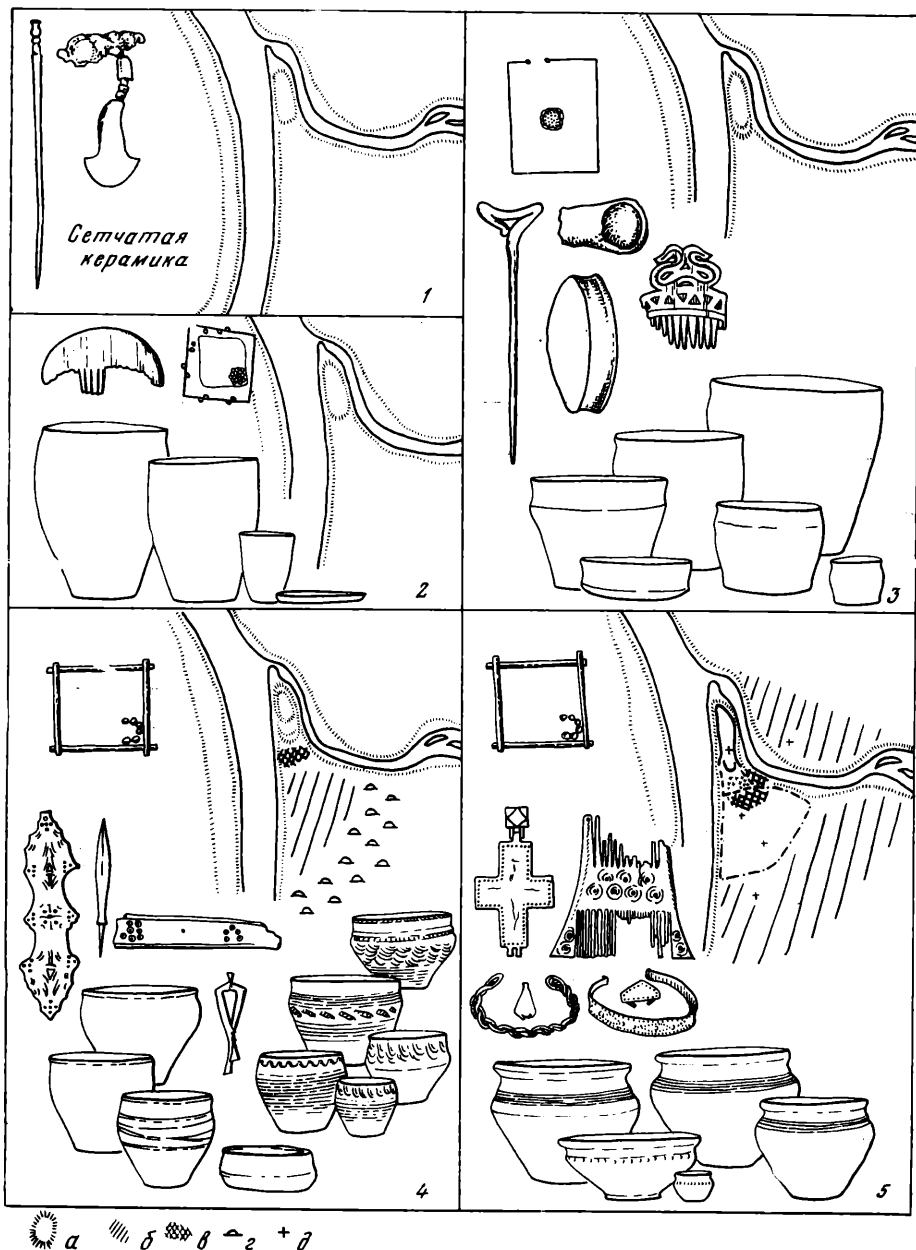

Рис. 7. Культурная стратиграфия Пскова

1 — Псков А; 2 — Псков Б; 3 — Псков В; 4 — Псков Г-I; 5 — Псков Г-II
 а — городище; б — посад; в — торг; г — некрополь (позиция на конец X в.); д — храмы (позиция на XIV в.)

(рис. 1, 17) обнаружено 16 курганных насыпей с погребениями по обряду кремации и ингумации⁵¹, датируемых суммарно концом IX — началом XI в. Таким образом, с появлением комплекса Псков Г-I топография поселения при слиянии Псковы и Великой (рис. 7, 4) приобретает трехчленную топографическую структуру: град — предградье — некрополь⁵².

Новые изменения в топографии Пскова связываются с фазой Г-II (рис. 7, 5). В это время осваивается территория, прежде занятая некрополем, а застройка неукрепленной части приобретает уличную планировку. К этому же времени относятся в Пскове массовые находки атрибу-

тов христианского культа и храмовые постройки. Древнейшие храмы, исследованные археологически, датируются первой половиной XII в. (Троицкий собор, Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря, собор Иоанна Предтечи Ивановского монастыря, церковь Дмитрия Солунского) и связываются исследователями со строительной деятельностью Новгорода⁵³. Фазе Г—II соответствует также появление первых каменных крепостных сооружений. Участок древнейшей стены Крома, датирующийся по находкам керамики групп 5 и 6 (последняя преобладает), исследован вдоль западного края площадки городища. Стена сложена из плитнякового камня насухо и аналогична каменным крепостным стенам рубежа XI—XII вв. в Изборске и Ладоге⁵⁴. В XIII в. появляются стены Довмонтова города, в начале XIV в. (1309 г.) — стены Среднего города⁵⁵.

Суммируя изложенное, можно в общих чертах представить культурную стратиграфию Пскова. Древнейшее поселение на Псковском городище принадлежало носителям культуры сетчатой керамики (рис. 7, 1). Возможно, прав В. В. Седов, связывающий его с поздним периодом культуры Асва⁵⁶. Время возникновения поселения определяется в пределах первой половины I тысячелетия н. э., а прекращается его существование в середине I тысячелетия н. э., вероятно в VI в.

В третьей четверти I тысячелетия н. э. на Псковском городище существует поселение, родственное синхронным древностям лесостепной и юга лесной зон Восточной Европы (рис. 7, 2). Отсутствие генетических связей с поселением предшествующего времени позволяет фиксировать приток нового населения.

В VIII—IX вв. на Псковском городище функционирует поселок, принадлежащий населению, родственному носителям культуры Рыуге и в равной с ними мере находящемуся под сильным латгальским влиянием (рис. 7, 3). Отсутствие генетических связей с поселением предшествующего времени свидетельствует о притоке нового населения.

На рубеже IX—X вв. территория поселения при слиянии Псковы и Великой благодаря появлению обширного неукрепленного предградья увеличивается в шесть раз. С этим временем связывается появление в Пскове профессиональных ремесел (железодельная и гончарная мастерские, предметы ремесленного производства) и торговли (весы, разновес, монетные находки, североевропейские привозные предметы). Учитывая полное отсутствие в Пскове конца IX — начала XI в. орудий пахенного земледелия, можно полагать, что занятия населения предградья в основном носили ремесленно-торговый характер, а образование неукрепленной части поселения свидетельствует о появлении у Пскова ремесленно-торгового посада. Наличие в некрополе несомненно скандинавских захоронений (две камерные гробницы, кремация с черепаховидными фибулами)⁵⁷, а среди предметов североевропейского круга — несомненно изготовленных на месте (заготовки наборных гребней, незавершенная подвеска с плетеным зооморфным орнаментом, глиняные диски от вертикального ткацкого стана, детский деревянный меч) свидетельствует о скандинавском элементе в составе населения Пскова того времени. При этом камерные гробницы — специфические для погребального обряда высших слоев княжеских дружинников⁵⁸ — указывают на прослойку профессиональных воинов в Пскове конца IX — начала XI в.

Традиции изготовления керамики, восходящие к южнобалтийским, вместе с западнославянскими элементами в конструкции оборонительных сооружений замка, подтверждают предположение, что рост территории поселения и новая топографическая структура связаны с притоком населения извне, т. е. древнейший псковский посад формировался, «по всей видимости, из пришлых элементов»⁵⁹. Так как топографическая структура средневекового поселения «является по существу строительной оболочкой... функциональной структуры... общины (социального организма)»⁶⁰, изменения в топографии Пскова несомненно отражают изме-

нения в социальных функциях поселения. Учитывая, что топографические изменения фазы Г—І привели к появлению в Пскове основных компонентов городской топографической структуры: град (замок — окольный город) — посад, и соглашаясь с тем, что «главнейшим признаком социально-экономического облика города является наличие посада, без которого в сущности нет города»⁶¹, полагаю, что Псков рубежа IX—X вв. приобрел функции раннегородского образования (рис. 7, 4). Наличие курганного некрополя свидетельствует, что Псков того времени оставался в основном языческим. Значительные изменения в материальной культуре, сопровождающие топографические изменения, позволяют предположить, что появление новых функций у поселения было обусловлено не только внутренними социально-экономическими условиями, но что важную роль в начальной истории города сыграло пришлое население.

Во второй половине XI в. полностью исчезают предметы североευропейского круга древностей и появляется набор инвентаря общерусского (новгородского?) типа, что указывает на изменение направления контактов Пскова. Расширение городской территории и изменения керамического набора свидетельствуют о притоке в Псков групп нового населения — носителей древнерусской культуры. Фиксируются широкие внутригосударственные связи Пскова, чему свидетельством являются находки в культурном слое вислых свинцовых печатей. Новые изменения как будто бы хронологически сближаются с появлением христианских храмов и предметов христианского культа, т. е. смена компонентов материальной культуры и топографические изменения сопровождают изменения социально-идеологического плана. Материальная культура Пскова этого и более позднего времени получила подробную характеристику в статье Г. П. Гроздилова⁶².

Подведем итоги:

1. Археологические материалы не дают оснований для заключения об эволюционном развитии Пскова из поселка рубежа нашей эры в средневековый город⁶³.

2. Анализ материалов 40-летних раскопок позволяет в предварительной форме наметить сложную и динамичную историю города. Фиксируются по крайней мере четыре иммиграционных процесса, сыгравших роль в исторических судьбах Пскова. Два из них привели к смене населения поселка, третий, связанный с появлением в Пскове групп профессиональных ремесленников, торговцев и воинов, стал фактором сложения раннегородского образования, а четвертый — привел к значительным изменениям в идеологии, и очевидно, скорректировал политический статус города.

После уточнения намеченной схемы новыми целенаправленными раскопками предложенная модель представляется пригодной для дальнейшей исторической интерпретации, прежде всего для сопоставления с летописной историей города.

¹ Раскопочные работы в Пскове производили К. К. Романов (1930 г.), Н. Н. Чернягин (1936, 1940, 1941 гг.), X. И. Мосберг (1940 г.), С. А. Тараканова (1945—1949 гг.), Г. П. Гроздилов (1954—1956, 1958—1962 гг.), В. Д. Белецкий (с 1956 г. по настоящее время), И. К. Лабутина (1967—1970, 1972—1974, 1976 гг.), С. В. Белецкий (с 1972 г. по настоящее время), Л. А. Царькова (1973—1975 гг.), О. В. Овсянников (1974—1976 гг.), Ю. Л. Шапова (1976 г.), В. И. Кильдюшевский (1976—1977 гг.), К. М. Плоткин (1977 г.), А. В. Никитин (1977 г.). В настоящей статье не учитываются материалы наших раскопок на площадке Псковского городища в 1977—1978 гг. Результаты этих раскопок будут опубликованы отдельно.

² Замечу, что проблемы культурной стратиграфии Пскова до сих пор исследовались только С. А. Таракановой (*Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова.* — КСИИМК, 1950, XXXV; *она же.* К вопросу о происхождении города в Псковской земле. — КСИИМК, 1951, XLI).

³ Пользуюсь случаем поблагодарить И. К. Лабутину и Л. А. Царькову, ознакомивших меня с неопубликованными керамическими коллекциями из раскопок

- 1968—1970, 1972—1974 гг., а также Р. Л. Розенфельдта, предоставившего мне возможность воспользоваться его зарисовками ряда предметов из раскопок С. А. Таракановой на Псковском городище, отсутствующих в фондах Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника.
- ⁴ Процентное соотношение керамических групп и стратиграфия керамики городища даны по материалам раскопа 5 (1948 г.) с учетом данных раскопа 2 (1946 г.). Стратиграфия и статистика керамики посада установлены на основе данных раскопа 1956 г.
 - ⁵ Благодарю Г. П. Смирнову за консультации по новгородской керамике.
 - ⁶ См., например: *Белецкий С. В.* Биконические сосуды Труворова городища.— СА, 1976, № 3, с. 327—329.
 - ⁷ *Белецкий С. В.* Раскопки в Псковском кремле в 1972—1974 гг.— КСИА, 1978, 155.
 - ⁸ *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура Пражского типа. М., 1976, с. 184 сл.
 - ⁹ *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики (I—начало II тысячелетия н. э.).— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 301.
 - ¹⁰ *Носов Е. Н., Верхогубова Т. А.* Исследования комплекса культуры длинных курганов на оз. Съезжем в Новгородской области.— АО 1976 г. М., 1977, с. 25, 26; консультация Е. Н. Носова.
 - ¹¹ *Aberg N.* Ostpreussen in der Volkerwanderungszeit. Uppsala, 1919, S. 29—52; Abb. 17, 19, 37. В. Уртан датирует фибулу Псковского городища первой половиной VI в. н. э. (*Urtans V.* Latvijas iedzīvotāju sakari ar slavīņi 1 gt. ortage Rūse.— In: Arheologija un ētnografija, VIII. Rīgā, 1968).
 - ¹² *Шмидгелль М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. V в. до н. э.—V в. н. э. Таллин, 1955, с. 74—79.
 - ¹³ *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., t. II. Tartu, 1938, S. 178, Abb. 26; *Latvijas PSR Arheologija*, Rīgā, 1974, tab. 32, 6.
 - ¹⁴ *Laul S. K.* Teustiiljalgevest keramika leidupel Eestis.— In: Prouksiajast varas feodalismini. Tallinn, 1966; *Cimmermane J.* Latvijas Tekstila keramika un tas sakari ad diakovas kulturas agrebelu.— In: Arheologija un ētnografija, VII, 3. Rīga, 1968.
 - ¹⁵ *Деоник В. Б.* Классификация бус Юго-Восточной Европы. VI—IX вв.— СА, 1961, № 3, с. 218 сл.
 - ¹⁶ Железный гребень сходной формы найден в могильнике Е в Ябара (*Шмидгелль М. Х.* Археологические памятники..., с. 104, рис. 26, 8), но М. Х. Шмидгелль указывает на уникальность таких гребней для территории Эстонии.
 - ¹⁷ *Шмидг Е. А.* Днепродвинские племена в I тысячелетии н. э. [рукопись]. Архив ИА, р. 2, 2152а, 2152б., табл. LXVI, 5.
 - ¹⁸ *Шмидгелль М. Х.* Археологические памятники..., с. 99; *Шмидг Е. А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э.— МИА, 1963, № 108, с. 61, рис. 12, 14.
 - ¹⁹ *Шмидгелль М. Х.* Археологические памятники..., с. 123, рис. 30, 15.
 - ²⁰ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, 1974, вып. Е 1—8, с. 32.
 - ²¹ *Urtans V.* Latvijas 5—9 gs deposit.— In: Arheologija un ētnografija, VI. Rīgā, 1964.
 - ²² *Шмидгелль М. Х.* Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии.— ВЭИИП. М., 1959; *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладogi.— АСГЭ, 1962, 4, с. 103. Учитывая, что древнейшие гребни этого типа на Северо-Западе найдены только на поселениях юго-восточной Эстонии и в окрестностях Пскова, а все остальные находки датируются более поздним временем, полагаю, что этот тип гребней сформировался в последней четверти I тысячелетия н. э. в низовьях Великой и на смежных восточноэстонских землях, возможно не без влияния прикамских образцов.
 - ²³ *Шмидгелль М. Х.* Археологические памятники..., с. 144, рис. 36, 2.
 - ²⁴ *Деоник В. Б.* Классификация бус..., с. 218.
 - ²⁵ *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвьяжья в I и начале II тысячелетия н. э.— МИА, 1960, № 76, с. 119, рис. 77, 5; *Седов В. В.* Длинные курганы..., с. 33.
 - ²⁶ *Седов В. В.* Длинные курганы..., с. 33, табл. 23, 23—25.
 - ²⁷ Там же, с. 32, 33, табл. 21, 23.
 - ²⁸ *Седов В. В.* Жилища..., с. 301.
 - ²⁹ *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1943, Taf. 82; *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца.— В кн.: Скандинавский сборник, VIII. Таллин, 1964, с. 305.
 - ³⁰ *Arbman H.* Op. cit., Taf. 42, 3; 43, 7; 44, 45; см. также: *Корзухина Г. Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладoge.— КСИА, 1973, 135, с. 37—40.
 - ³¹ Аналогичная бляшка найдена в Старой Ладoge, фонды ОИПК ГЭ, инв. № 13/2798. Любезное сообщение О. И. Давидан.
 - ³² *Arbman H.* Op. cit., Taf. 98, 26—29; консультации Г. Ф. Корзухиной и М. В. Седовой.
 - ³³ *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладogi.— АСГЭ, 1962, 4.
 - ³⁴ *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенек Старой Ладogi.— АСГЭ, 1968, 10.
 - ³⁵ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 1.— САИ, 1966, вып. Е 1—36, с. 20, рис. 1. Находка опубликована Г. П. Гроздиловым (*Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова.— АСГЭ, 1962, 4, с. 56, рис. 43).

- ³⁶ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi.— АСГЭ, 1968, 10; *Фехнер М. В.* Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 75, 76.
- ³⁷ Определение И. Г. Добровольского, ГЭ.
- ³⁸ Определение И. В. Соколовой, ГЭ.
- ³⁹ *Недошивина Н. Г.* Торговый инвентарь.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 71 сл.
- ⁴⁰ *Корзухина Г. Ф.* Из истории игр на Руси.— СА, 1963, № 4, с. 85—102.
- ⁴¹ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е 1—36, с. 73.
- ⁴² *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова, с. 57 сл.
- ⁴³ Номера раскопов в табл. 3 соответствуют номерам на рис. 1, в раскопе 2 по наблюдениям К. К. Романова культурный слой городищенского времени отсутствует. Учитывая незначительную мощность исследованных в раскопе напластований, полагаю, что в раскопе 2 слой остался недоследованным, а раскоп был доведен только до уровня поверхности насыпи бастионов 1701 г. Для раскопа 17 сведения взяты из отчета В. И. Кильдюшевского за 1976 г., хранившегося в момент написания статьи в Отделе полевых исследований ИА.
- ⁴⁴ *Белецкий В. Д.* Работа Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1968 г.— СГЭ, 1971, XXXIII, с. 114; *Алешковский М. X.* Начальные этапы каменного строительства псковского Крома.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 326, 327; *Мокеев Г. Я.* Что такое перси Пскова?— Архитектурное наследие, 1972, 19, с. 27—31.
- ⁴⁵ *Розов А. А., Лебедев Г. С.* Городец под Лугой.— ВИ, 1975, № 2, с. 217.
- ⁴⁶ *Шноре Э. Д.* Асотское городище. Рига, 1961, с. 76—88.
- ⁴⁷ *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.; М., 1961, с. 60.
- ⁴⁸ Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1970.
- ⁴⁹ *Седов В. В., Сергеева Л. Е., Харитонов Г. В.* Исследования Изборской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977, с. 33.
- ⁵⁰ Доклад автора на XXII Всесоюзной археологической студенческой конференции (Москва, апрель 1976 г.). Не исключено, что некрополь мог быть открыт еще в 1954 г., когда раскоп (рис. 1, 15) остался по не зависящим от экспедиции ГЭ причинам недоследованным (*Гроздилов Г. П.* Отчет за 1954 г. Архив ИА, р. 1, 982, л. 23, 24).
- ⁵¹ *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове на ул. Ленина.— АО 1976 г. М., 1977, с. 24.
- ⁵² Возможно, топографическая структура этого типа восходит к структуре типа «вик» (см.: *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка. К проблеме становления города.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11—17).
- ⁵³ *Воронин Н. Н.* Зодчество Пскова.— В кн.: История русского искусства, т. 2. М., 1954, с. 310 сл.
- ⁵⁴ *Седов В. В.* Раскопки в Изборске.— АО 1975 г. М., 1976, с. 43; *Кирпичников А. Н.* Первая каменная крепость в Ладoge.— В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 66—71.
- ⁵⁵ *Белецкий В. Д.* Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города в Пскове.— АСГЭ, 1970, 12; *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове...
- ⁵⁶ *Седов В. В.* Жилища..., с. 280.
- ⁵⁷ *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове..., с. 24; *Кильдюшевский В. И.* Отчет за 1976 г.
- ⁵⁸ *Лебедев Г. С.* Камерные могилы Бирки.— Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. М., 1971, с. 11—13; *он же.* Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке.— В кн.: Скандинавский сборник, XXII. Таллин, 1977, с. 147 сл.; *Кольчагов В. А.* Камеры Шестовицкого могильника.— Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, с. 18—20.
- ⁵⁹ *Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф.* Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси.— Вестник ЛГУ, История, язык, литература, 1970, 20, с. 13.
- ⁶⁰ *Мокеев Г. Я.* Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян.— Архитектурное наследие, 1975, 23, с. 8 сл.
- ⁶¹ *Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф.* Энгельс об основных этапах..., с. 9.
- ⁶² *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова.
- ⁶³ Ср.: *Тараканова С. А.* О происхождении...; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.

К ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕГО ЯРОСЛАВЛЯ (ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ)

«Во области же сей, не на мнозе пути от града Ростова, яко на 60 поприщ, при брезе рек Волги и Которосли лежаше некое место, на нем же последи создася славный град Ярославль». Это древнейшее из дошедших до нас топографическое описание города в Сказании о построении града Ярославля, относящемся к XVIII в.¹ Более ранние письменные источники, касающиеся возникновения Ярославля², чрезвычайно скудны и не могут дать сколько-нибудь удовлетворительную информацию по первоначальной истории города. Единственной базой для исследований являются данные, полученные в результате археологических раскопок.

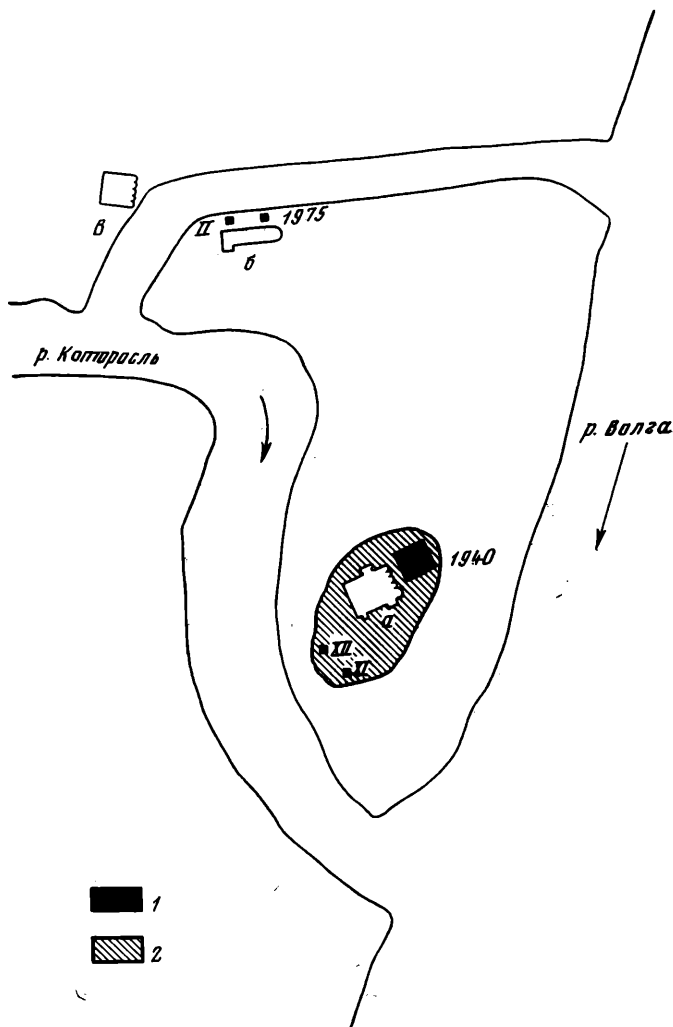
В настоящее время, когда проведены первые раскопки в древнейшей части Ярославля (на Стрелке) и достаточно хорошо изучена округа (ярославские могильники и синхронные им поселения), появилась необходимость подвести итоги и наметить основные направления будущих исследований. Вопрос о возникновении Ярославля — торгово-ремесленного, культурного и политического центра Северо-Восточной Руси — издавна привлекал внимание историков и любителей-краеведов. Достаточно полно и детально многочисленные точки зрения по этому вопросу изложены в статье М. Г. Мейеровича³, из которой видно, что дискуссии историков разворачивались вокруг даты основания города, но при этом ни один из авторов не давал четкого определения критериев городского центра. Многие из заключений неубедительны, так как не имеют теоретической базы, во-первых, и не используют археологический материал, во-вторых.

Археологические работы на Стрелке в Ярославле начались в 1938 г. небольшими по объему работами П. Н. Третьякова и М. К. Каргера, которые заложили траншею у апсид Успенского собора и один шурф на самой оконечности мыса⁴. Широкие разведочные работы, практически на всей территории Стрелки, были проведены в 1940 г. экспедицией под руководством Н. Н. Воронина (рис.)⁵.

В 1975 г. на юго-западной оконечности Стрелки, у церкви Николы Рубленый город, экспедицией Ленинградского университета проведена шурфовка места предполагаемого первоначального вала древнейшей крепости Ярославля. Эти археологические исследования позволяют сделать первые наброски реконструкции топографии Ярославля.

Первоначальная территория Ярославля, по мнению Н. Н. Воронина, состояла из двух одновременных частей — древнейшей, южной, находящейся собственно на Стрелке («Рубленый город» — это название доживает вплоть до XVII в., когда одна из церквей в 1695 г. получает название Никола Рубленый город), и более поздней, северной («Земляной город»).

В результате раскопок Н. Н. Воронина на мысе, образованном Которослью и Медвежьим оврагом (в древности, видимо, одним из рукавов Которосли), выявлены остатки культурного слоя с текстильной керамикой, выше которого шли напластования XII—XIII вв. Исследователь отнес обнаруженное здесь городище к дьяковским и сопоставил его по материалу с такими памятниками, как Городок, Калязинское, Скнятинское II городища, которые датированы П. Н. Третьяковым серединой I тысячелетия до н. э.⁶, а в настоящее время некоторыми исследователями отнесены к первому этапу дьяковской культуры (VIII—IV вв. до н. э.)⁷. Очевидно, что между ранними слоями и отложениями XII—XIII вв. имеется значительная лакуна. Отмечая это, Н. Н. Воронин полагал, что на самой Стрелке в IX—X вв. возник русский поселок Медвежий Угол, с жителями которого и столкнулся Ярослав Мудрый, осваивавший эту

Схематический план Стрелки Ярославля

1 — шурфы и раскоп, содержавшие материал IX—XIII вв. (нумерация шурфов по Н. Н. Ворониному); 2 — зона древнего культурного слоя на Стрелке: а — Успенский собор (ныне не существует), б — церковь Никола Рубленый город, в — церковь Спаса на Городу; II, XI, XII — номера шурфов 1940 г. (по Н. Н. Ворониному)

территорию в начале XI в.⁸ Н. Н. Воронин исходил из славянской (русской) принадлежности ярославских могильников и той же этнической атрибуции культа медведя (по преданию, жители поселения выпустили этого свирепого зверя на князя и покорились только после того, как Ярослав зарубил его топором)⁹.

На основе Медвежьего Угла развивается город Ярославль. Благодаря широкой шурфовке, проведенной в 1940 г., можно очертить раннюю зону на Стрелке. Только в двух шурфах (XI, XII) Н. Н. Ворониному удалось зафиксировать слой древнейшего Ярославля. Ранние слои обнаружены также в траншее 1938 г. у апсид Успенского собора и в раскопе 1940 г., заложенном там же (рис.). Н. Н. Воронин полагал, что некоторые материалы и лепная керамика в особенности (составляющая, кстати, ничтожный процент), позволяют датировать поселение Медвежий Угол IX—X вв.

Лепная керамика этого поселения аналогична материалам ярославских курганных могильников (Тимеревского, Михайловского, Петров-

ского) и Тимеревского поселения. Исследования показали, что этот керамический материал датируется в основном X в. и в отдельных случаях доживает до XI в.¹⁰ Вещевые находки также не дают оснований датировать ранние слои в Ярославле IX—X вв. Наиболее вероятная дата их — конец X — начало XI в.

Шурфовка крайней оконечности Стрелки определила, что в этой части культурный слой отсутствует вообще. Большая серия зондажей была проведена Н. Н. Ворониным к северу от Успенского собора (шурфы IV—VIII). В них обнаружен только поздний материал (XV—XVIII вв.). Многочастная стеклянная бусина, найденная в шурфе VI, не может служить доказательством наличия древнейшего слоя в этой части Стрелки.

Керамика XI в. найдена и при работах 1975 г. Трудно предположить, что первоначальное поселение (X—XI вв.) на месте Ярославля занимало всю территорию Стрелки (около 3 га). Площади древнерусских городов этого периода в среднем составляют примерно 2,5—7 га¹¹. В то же время обычная площадь сельских поселений на верхней Волге не превышает 2 га¹².

Сейчас очень сложно очертить достоверную первоначальную территорию Ярославля. Поселение X—XI вв. занимало, видимо, небольшой участок в южной и центральной частях Стрелки и тянулось вдоль берега Которосли по направлению к Медвежьему оврагу. Северная половина мыса была скорее всего свободна: трудно поверить, чтобы позднее строительство полностью уничтожило здесь следы раннего слоя. Кроме того, судя по уровню материала в шурфах IV—VIII, возможно, что в северной части Стрелки рельеф резко понижался, и потому крутой склон волжского берега в то время не был заселен и застроен.

Одним из ключевых вопросов изучения истории Ярославля является определение облика, структуры, топографического размещения и хронологии городских укреплений. Деревянные стены Рубленого города погибли во время пожара 1658 г.¹³, однако валы его, возможно, некоторое время продолжали существовать. Во всяком случае, как уже упоминалось, построенная в 1695 г. в юго-западной части Стрелки церковь получила название Никола Рубленый город. Известные нам планы Ярославля, относящиеся к XVIII—XIX вв., уже никаких следов укреплений Рубленого города не фиксируют¹⁴.

Место, на котором в XI в. возник город, имело прекрасную естественную защиту — высокие откосы Волги и Которосли и Медвежий овраг с напольной стороны. Если на ранних этапах жители селища Медвежий Угол были удовлетворены такими преградами от врагов, то в XI в. появилась необходимость в создании более надежной оборонительной системы.

В 1940 г. Н. Н. Воронин заложил шурф на краю Медвежьего оврага, у церкви Никола Рубленый город, с целью выявления древнейших укреплений. Сразу же под дерновым слоем была обнаружена красная глина, которую Н. Н. Воронин предположительно определил как остатки вала¹⁵.

Шурф 1975 г. находился в 25 м к востоку от зондажа Н. Н. Воронина, на предполагаемой линии укреплений, идущих по краю Медвежьего оврага. Как и в 1940 г., при работах зафиксирована красная глина, но только на уровне 1,05 м. Оказалось, что она не образует сплошной прослойки, а частично уничтожена в результате строительства XVII—XVIII вв. Ниже красной глины до уровня 3 м идет перемешанный культурный слой. Скорее всего это строительная яма, выкопанная в период сооружения церкви Никола Рубленый город. В ее заполнение попали вещи от X—XI (керамика курганного типа, шиферное пряслице) до XVII—XVIII вв. Особенно много строительных остатков XVII в. — большемерный кирпич, изразцы, изразцовая румпа, фрагменты поливного керамического лемеха и т. д.

На уровне 2,9—3,0 м обнаружена конструкция из полусгнивших полуобгоревших бревен диаметром 10—15 см, утопленных в материковую глину. Бревна ориентированы с северо-запада на юго-восток, т. е. поперек направления предполагаемого вала Рубленого города.

Н. Н. Воронин, видимо, действительно обнаружил след вала, однако дальнейшие раскопки в этом месте были приостановлены. Вскрытая теперь яма конца XVII в., по всей вероятности, прорезала древний вал и оголила его деревянные конструкции. К сожалению, сохранность дерева очень плохая, и это не позволяет провести дендрохронологический анализ. Учитывая крайнюю ограниченность раскопок, можно лишь предполагать, что обнаруженная конструкция принадлежит к валу Рубленого города, сооруженного в XI в.

В XII—XIII вв. Ярославль становится значительным городом. Это укрепленный княжеский центр с хорошо развитой торговлей и ремеслом, а также опорный пункт распространения христианской религии среди язычников. В это время уже существовал посад — слои XII—XIII вв. перекрывают напластования дьяковского времени на Медведицком городище. Некоторые исследователи предполагают, что могли уже появиться и укрепления Земляного города¹⁶. Однако полная неизученность территории посада и Земляного города делает эти предположения преждевременными. Центр Ярославля того периода по-прежнему находится на Стрелке. Именно здесь в 1215 г. ростовский князь Константин Всеволодович «заложил церковь камену... на дворе своем»¹⁷. Таким образом, Лаврентьевская летопись прямо указывает на то, что в начале XIII в. на Стрелке находился княжеский дворец, при котором была выстроена церковь.

Точно установить место княжеской усадьбы до проведения специальных археологических исследований не представляется возможным. Успенский собор XVII в., как удалось выяснить Н. Н. Воронину, стоял на новом месте, не совпадавшем с местоположением первоначальной постройки¹⁸. Однако находки плитфы в траншее 1938 г. и в раскопе 1940 г., заложенных в непосредственной близости от апсид Успенского собора XVII в., свидетельствуют о том, что собор XIII в. находился невдалеке от места последнего.

Проблемы, связанные с архитектурой собора 1215 г. — древнейшей каменной церкви Ярославля, — выходят за рамки настоящей статьи и требуют проведения специальных исследований. Тем не менее мы позволим себе вкратце остановиться на некоторых связанных с ними вопросах.

Первоначальный Успенский собор был выстроен из плитфы с включением белокаменных деталей. Об этом говорит найденная при разборке колокольни XIX в., находившейся к северо-западу от собора, резная белокаменная полузвериная получеловеческая маска, несомненно относящаяся к XIII в.¹⁹ Белокаменные резные детали, найденные в раскопе 1940 г.²⁰, можно отнести к первоначальной постройке с меньшей уверенностью: они могли происходить и из белокаменного собора 1504 г.

Подобное же сочетание плитфяной кладки с резными белокаменными деталями характерно и для другой ярославской постройки князя Константина — собора Спасского монастыря 1216—1224 гг.²¹ Оба собора — и Успенский, и Спасский — очевидно, имели пучковые пилястры с полуколонками, о чем свидетельствуют найденные при разведках этих памятников фрагменты лекальной плитфы²². Интересно, что все остальные постройки князя Константина Всеволодовича в его столице Ростове были выполнены в чисто белокаменной технике — без применения плитфы²³.

Включение резных белокаменных деталей в кладку из плитфы встречается, кроме Ярославля, только в двух древнерусских городах — Чернигове²⁴ и Старой Рязани²⁵, причем в Старой Рязани это связано с работой черниговской артели мастеров. С другой стороны, Н. Н. Воронин

отмечал тождественность ярославской плинфы кирпичу из собора Княгинина монастыря во Владимире 1200—1201 гг., постройки отца князя Константина — Всеволода Большое Гнездо²⁶. Неизвестно, применялись ли в нем белокаменные детали, как в ярославских соборах XIII в., но одна особенность является общей для всех трех построек: судя по находкам локальных кирпичей, все они имели пилястры с полуколонками.

Конечно, сейчас, при полной неисследованности Успенского собора в Ярославле и крайней скудости данных о других постройках Константина Всеволодовича, рано делать какие-либо выводы. Однако уже теперь очевидно, что в начале XIII в. в Ярославле работала своя, независимая от Ростова, артель мастеров. Можно высказать и предварительное предположение, что ее деятельность началась в самом начале века во Владимире постройкой собора Княгинина монастыря, в котором, возможно, отразились традиции черниговского зодчества.

Подводя итоги, можно представить следующую схему возникновения и развития Ярославля. В конце X — начале XI в. небольшое поселение Медвежий Угол при впадении Которосли в Волгу постепенно становится центром довольно большого района. На его основе возникает княжеский центр, связанный с именем князя Ярослава. Первоначально это небольшая крепость на южной оконечности мыса, которая в XII—XIII вв. перерастает в один из крупных городов Ростовского княжества.

Ярославль возникает в то время, когда резко усилилось древнерусское освоение Верхнего Поволжья и здесь укрепилась княжеская власть, активизирующая процесс христианизации края. Не случайно с основанием города связана легенда о борьбе православного князя со священным языческим зверем. Эта легенда безусловно имеет более раннюю подоснову. В ней нашел свое отражение общефинно-угорский культ медведя. В ранних материалах городских слоев Ярославля финно-угорские вещи отсутствуют. Поселение, видимо, с самого начала было древнерусским, но отдельные проявления язычества, носителями которого были местные жители, входившие в состав нового этнического образования, еще долго давали о себе знать.

Город Ярославль сменяет старые центры — Тимеревское и Михайловское поселения, связанные с Волжским путем и носившие торгово-ремесленный протогородской характер. Эти центры местных племенных княжеств не выдержали острой борьбы, характеризующей начало феодализации Ярославского края, и уступили свое место на исторической арене княжескому городу-крепости.

Дальнейшее археологическое изучение Ярославля поможет найти более полные ответы на все вопросы, связанные с начальными страницами истории города. Ближайшими же задачами мы считаем а) исследование полосы территории вдоль берега Которосли с целью более полного выявления древнейшей части города; б) поиски и изучение раннегородских укреплений — вала Рубленого города, определение его структуры, конструкции и облика; в) определение места и исследование Успенского собора 1215 г. и связанной с ним княжеской усадьбы.

¹ См.: *Лебедев А.* Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877, с. 6.

² Сообщение Лаврентьевской летописи под 1071 г. о восстании язычников на северо-востоке Руси (ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 175).

³ *Мейерович М. Г.* К вопросу о времени основания города Ярославля.— Краеведческие записки, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 5—24.

⁴ Вещевая коллекция из раскопок хранится в Ярославском музее-заповеднике.

⁵ *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле.— МИА, 1949, № 11, с. 177—192.

⁶ *Третьяков П. Н.* Древнейшие городища Верхнего Поволжья.— СА, 1947, IX, с. 74, 75.

⁷ *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 189, 190.

⁸ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье.— Краеведческие записки, вып. 4. Ярославль, 1960, с. 36—40. Предание о существовании здесь городища дожи-

вает до более поздних времен. Очевидно, с ним связано название церкви XVII в. Спас на Городу, стоящей на территории городища.

⁹ Там же.

¹⁰ *Мальм В. А.* Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 49, 50; *Дубов И. В.* Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 9, 10.

¹¹ *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140, с. 187, примеч. 9. Города, площадь которых превышала бы 40 га, редки; как правило, это главные города земель.

¹² *Успенская А. В., Фезнер М. В.* Поселения древней Руси.— Труды ГИМ, 1956, 32, с. 16.

¹³ *Добровольская Э.* Ярославль. М., 1968, с. 101.

¹⁴ *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII в. Л.; М., 1953, с. 121 (план Ярославля до перепланировки 1778 г.); Полное собрание законов Российской империи (собр. 1-е). Книга чертежей и рисунков (планы городов). СПб., 1893, л. 406; Центральный государственный военно-исторический архив, ф. Военно-учетного архива, № 21528, ч. 2, л. 10; Ярославский музей-заповедник (план благоустройства Стрелки в 30-е годы XIX в.).

¹⁵ *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле, с. 182.

¹⁶ *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле, с. 178; *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105, с. 27; *Добровольская Э.* Ярославль, с. 101.

¹⁷ ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 438.

¹⁸ Первоначально Н. Н. Воронин высказал предположение, что постройка XVII в. не связана с собором 1504 г., выстроенным вместо разрушившегося при пожаре 1501 г. (*Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле, с. 187). Впоследствии, проанализировав план и фотографии внешнего вида собора XVII в., он пришел к выводу, что в состав последнего собора вошли части постройки 1504 г. (*Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. II, М., 1962, с. 63).

¹⁹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., т. II, с. 63, 65.

²⁰ *Воронин Н. Н.* Раскопки в Ярославле..., с. 188.

²¹ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., т. II, с. 66.

²² Там же, с. 63, 66.

²³ Там же, с. 55—61. Сведениями о строительной технике последней постройки князя — церкви Воздвиженья на Торгу во Владимире — мы не располагаем ввиду ее неизученности.

²⁴ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11, с. 86, 88, 89; *Асеев Ю. С.* Архитектура Южной и Западной Руси в XII—XIII вв.— В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 3, М., 1966, с. 572—574.

²⁵ *Корзухина Г. Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв.— В кн.: Сборник аспирантов ГАИМК. Л., 1928, с. 79, 80; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49, с. 94—97.

²⁶ *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси..., т. II, с. 66.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Г. С. ЛЕБЕДЕВ, В. А. БУЛКИН,
И. В. ДУБОВ, В. А. НАЗАРЕНКО

РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ СВЯЗИ ЭПОХИ ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Обзор литературы

Основными предпосылками современного этапа исследования «варяжского вопроса» были фундаментальные достижения советской археологии 1940—1960-х годов, связанные с изучением формирования древнерусского государства. Марксистская концепция образования государства позволила правильно осветить этот вопрос. В 1962 г. на VI Международном конгрессе по доисторическим и протоисторическим наукам в Риме

А. В. Арциховский констатировал, что предметом дискуссии является не наличие или отсутствие на Руси скандинавских памятников — они, бесспорно, есть, а их интерпретация¹. Б. А. Рыбаков дал характеристику «норманского периода» русской истории, охватывающего конец IX — начало X в. (время правления Олега Вещего)². Б. А. Рыбаков справедливо подчеркнул кратковременность участия варягов в управлении государством и ограниченность их культурной и другой деятельности на Руси. Континентальная Русь, как писал ученый, была полной географической противоположностью западным морским государствам: на просторах русской равнины варяги не могли появляться внезапно — следовательно, условия для неожиданного захвата того или иного города или района практически отсутствовали. Количество варяжских воинов, постоянно живших на Руси, было сравнительно невелико и устанавливалось самим киевским великим князем. Действия северных пришельцев ограничивались и направлялись государством. Роль варягов в истории Руси, заключал Б. А. Рыбаков, была «несравненно меньше, чем их роль в Англии, Северной Франции (Нормандии), Италии»³.

Эти положения являются программными для дальнейших исследований. Основывающаяся на них исследовательская позиция, как справедливо отмечал И. П. Шаскольский, противостоит стремлению к огульному отрицанию всяких следов скандинавской материальной культуры на Руси. «Подобная линия была связана с недостаточным знанием материалов скандинавской, особенно шведской археологии; поэтому такого рода полемические выступления не были достаточно аргументированы в научном отношении и не достигали цели»⁴.

И норманизму, оценивавшему скандинавские древности Руси как свидетельство вовлечения славян в экономическую, политическую и культурную орбиту северных государств, и антинорманизму как полному отрицанию наличия этих древностей была противопоставлена марксистская концепция «варяжского вопроса». Согласно ей норманны в Восточной Европе оказывались в сфере действия закономерностей развития восточнославянского общества и не были создателями государства. Задача, следовавшая из этой посылки, — выяснить, насколько это позволяют данные археологии, процесс взаимодействия скандинавов и славян.

Последние годы характеризуются прежде всего напряженной источниковедческой работой. В статьях М. В. Фехнер, В. А. Мальм, В. П. Левашевой, В. С. Дедюхиной систематизированы различные категории украшений IX—XI вв. (в частности, скандинавские фибулы). Завершен цикл исследований древнерусского оружия⁵. Продолжается систематизация находок восточного серебра, которое в IX—X вв. было одним из важнейших стимулов русско-скандинавских отношений (труды В. Л. Янина, В. В. Кропоткина, В. М. Потина, В. П. Даркевича и др.). Появились новые виды источников: выявлена особая отрасль письменных памятников — клинковая эпиграфика, в ряде случаев перевернувшая представления историков и оружейников. Неожиданный источник открыт при изучении монетных кладов. Это древнерусские граффити на арабских монетах: процарапанные на дирхемах значки, надписи, рисунки несут интереснейшую информацию, в том числе и о русско-скандинавских отношениях. Среди граффити есть рунические надписи и отдельные руны⁶.

Наряду с известными вещами скандинавского происхождения выявлены изделия, подражающие северной моде, или произведения-гибриды, в отделке которых улавливается смешение мотивов скандинавского и русского ювелирного искусства (им посвящены несколько статей Г. Ф. Корзухиной). Углубленному анализу подвергнуты материалы одного из древнейших русских городов — Ладоги (работы О. И. Давидан, З. А. Львовой, Е. И. Ояевой). Гребни, бусы и другие категории массовых находок позволяют представить не известную ранее картину широких связей Ладоги IX в. со Скандинавией и странами Запада.

Систематизируются не только вещевые находки, но и погребальные комплексы. Норманские погребения Старой Ладogi атрибутированы Г. Ф. Корзухиной, исследовавшей могильник в урочище Плакун. Попытки выявления и подсчета норманских захоронений предпринимались на материалах некрополей IX—XI вв. в юго-восточном Приладожье (С. И. Кочуркина, Н. В. Тухтина), Смоленском Поднепровье (Д. А. Авдусин, Е. А. Шмидт, С. С. Ширинский), Ярославском Поволжье (М. В. Фехнер). В ходе этой работы обсуждались критерии выделения скандинавских комплексов. Выдвигались принципы индивидуальной этнической диагностики по характерным элементам обряда и инвентаря (работы Д. А. Авдусина, М. В. Фехнер, И. П. Шаскольского, Н. В. Тухтиной, Т. А. Пушкиной и др.). Статистически обоснованные критерии выделения скандинавских погребений предложены на основе анализа больших серий комплексов из могильников Средней Швеции⁷. Прослежены интересные явления «гибридизации» обряда на русской почве (В. Я. Петрухин), выявлены общие тенденции развития погребального ритуала ряда крупных могильников⁸.

Археологическими исследованиями последних лет охвачены все поселения, связанные с летописной «варяжской легендой». Речь идет о Ладoge, Изборске, Белоозере. Кроме того, определенные суждения о русско-скандинавских связях стали возможными после исследований Новгорода, новгородского Рюрикова городища, открытия Гнездовского поселения под Смоленском и Тимеревского под Ярославлем, новых раскопок в Пскове.

Расширяющаяся источниковедческая база проясняет многие вопросы, бывшие спорными. В ряде пунктов с норманскими древностями X в. были открыты, в частности, комплексы и привозные находки IX столетия (Ладога, Ярославское Поволжье, Смоленщина)⁹. Новые материалы и наблюдения позволяют уточнить, а иногда и пересмотреть некоторые конкретные построения конца 50 — начала 60-х годов, обобщенные в книге И. П. Шаскольского, специально посвященной анализу и критике «норманской теории»¹⁰.

Эти коррекции закономерны на фоне общего развития славяно-русской археологии. «Норманские древности» Восточной Европы изучаются не изолированно, а в связи с культурой древнерусской народности и государства. Обобщающие работы Б. А. Рыбакова, И. И. Ляпушкина, М. И. Артамонова, П. Н. Третьякова, В. В. Седова, И. П. Русановой и других, вышедшие за последние десять лет, при всех расхождениях в оценке отдельных групп древностей стали базой для качественно новых представлений о сложении раннесредневековой Руси. Еще в 1966 г. А. В. Арциховский справедливо выступал против утверждения (бытующего в буржуазной науке), «будто норманны действовали в Восточной Европе, окруженные какой-то пассивной средой»¹¹. Сейчас бесспорным является тот факт, что Восточная Европа во второй половине I тысячелетия н. э. была ареной активных и многосторонних этнокультурных взаимодействий. Особенно бурный характер они приняли к концу I тысячелетия н. э., когда в ходе славянского расселения в лесной зоне устанавливались тесные межплеменные связи, завершалось разложение патриархально-родовых отношений, складывались иной раз разноэтничные союзы племен, шло формирование новых социальных групп. Попадая в Восточную Европу, норманны оказывались в сложной и динамичной обстановке¹². Особенно интенсивно в это время шел процесс стирания этнокультурных различий и консолидации новых общественных сил, часто различных по происхождению, но объединенных по социальному признаку. Как же в этом новом контексте выглядят «норманские древности» Киевской Руси, точнее — основные, связанные с ними археологические памятники? Речь прежде всего пойдет о некоторых самостоятельно развивавшихся славяно-русских торгово-ремесленных центрах, цепочкой

расположившихся вдоль магистральных путей Восточно-Европейской равнины. Все вместе они в эпоху раннего средневековья создали своеобразный транспортный мост, который расширил тогда до небывалых прежде масштабов регулярное общение восточных и западных народов.

Ладога

В середине VIII в. в низовьях Волхова образуется Ладожская округа, состоящая из гнезда, вероятно соседских, поселков. Их строительство совпало или, может быть, несколько опередило начало проходившей через Волхов евразийской торговли. Путем слияния поселки преобразовались в единое «открытое торгово-ремесленное поселение» (см. ниже, с. 33), которое в конце IX в. трансформировалось в древнерусский город. Уже в IX столетии Ладожское поселение становится международной пристанью и важным пунктом трансбалтийской серебряной и пушной торговли и само выступает в роли организатора международного судоходства. Его представители, судя по некоторым данным, селятся в Хедебю и в Волжской Болгарии. В самой Ладоге возникает торжище общеевропейского значения, появляются работавшие на вывоз косторезные, бронзолитейные, стеклодельные мастерские.

Высказано поспешное мнение, что раннесредневековая Ладога выпадает из истории собственно древней Руси. Нет спору, начальное развитие поселения в низовьях Волхова достаточно сложно. В составе жителей Ладоги, как и многих крупных европейских городов, были представители разных этнических групп. Однако космополитический в культурном отношении облик Ладоги не отрицает определенного этнического адреса основной части ее жителей. Первым это отметил еще древнерусский летописец, который уверенно (если судить по наиболее достоверной версии Сказания о призвании варягов) признал Ладогу городом словен — первым на пути «из-за моря» в глубь русской равнины¹³. Существование доваряжской, связанной со славянским миром Ладоги не отрицает ее, так сказать, повышенную полиэтничность, что вполне объяснимо ее положением на магистральном евразийском торговом пути. В Ладоге естественно искать и первых приехавших на Русь норманнов. Славяно-варяжское взаимодействие в этой точке Европы, учитывая географическое положение Ладоги, особенно показательно для понимания экономического, культурного и технического обмена Восточной и Северной Европы в период раннего средневековья. После цикла работ Ладожской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР¹⁴ интересующий нас сюжет (с учетом новых дендрологических дат, установленных Н. Б. Черных) может быть изложен следующим образом.

В древнейших слоях Староладожского городища, относящихся к 750—830 гг. (горизонт Е₃), встречены немногочисленные вещи северного облика¹⁵. Появление первых норманнов в низовьях Волхова в 840—850 гг. (горизонт Е₂) выдают некоторые культовые вещи, которые не могли быть предметом торговли (например, палочка с рунической надписью). По-видимому, время можно уточнить — это 840-е годы, когда начинается массовое распространение дирхема из Восточной Европы в страны Балтики¹⁶. Благоприятная международная торговая конъюнктура и выгодное положение Ладоги не могли не привлечь к ней викингов. Однако первые «находники» высадились в уже существовавшем поселении, когда великий евразийский торговый путь по Волге был проторен и уже функционировал в своей восточной ветви. Около 860 г. (на стыке горизонтов Е₂—Е₁) произошел тотальный пожар Ладоги. Не связан ли он с событиями, предшествовавшими приглашению варяжских правителей, когда славянские и чудские племена пребывали, как гласит летопись, в междоусобной войне? К 60-м годам IX в. (что соответствует горизонту Е₁, датированному 860—890 гг.) Ладога развилась настолько, что,

если верить наиболее надежной версии Сказания о призвании варягов¹⁷, временно становится одним из центров Верхней, или Внешней, Руси. Впервые в низовьях Волхова появляется немногочисленная группа постоянных скандинавских поселенцев — двор конунга, его стража. В урочище Плакун сохранилось обособленное кладбище норманских пришельцев, по уточненным датам существовавшее в 850—925 гг. Заупокойные дары этих комплексов свидетельствуют, что погребенные здесь люди не отличались особой знатностью. По сообщению Никоновской летописи, использовавшей какие-то не дошедшие до нас источники, варяги, откликнувшиеся на приглашение славян и чуди, «едва избрашася»¹⁸. Скромные по своему составу материалы Плакуна, если соотносить их с погребениями окружения заурядного по богатству двора норманского князька Ладоги, этому летописному замечанию не противоречат. После 882 г. в Ладоге строится вместо прежней деревянной первая на Руси каменная крепость (археологически она найдена в 1974 г.). Это укрепление было направлено против разбойничьих набегов норманнов, что более ста лет давало безопасность северной границе, торговле и купеческим сделкам. Не исключено, что норманны, вероятно находившиеся в то время в составе ладожского гарнизона, призваны были выступать против своих же соплеменников, если последние являлись с пиратскими целями. Так на земле Ладоги столкнулись ставшие противоположными интересы пришлых скандинавских «находников» и местных русских варяжских дружинников. Это, видимо, в конце концов и привело к мстительному нападению норвежского ярла Эйрика¹⁹ и разрушению в 997 г. каменной крепости. Прошедший погром и упадок восточной торговли в конце X в. не снизили, однако, особого значения Ладоги как крупнейшего на севере Европы международного порта и главного северного въезда в пределы Киевской державы. В первой половине XI в. здесь создается русско-варяжское наместничество. В начале XII в. (1114 г.) новгородский князь Мстислав Владимирович строит в Ладоге новую цельнокаменную крепость.

На примере Ладоги обнаруживается поразительное совпадение летописных и археологических данных, подтверждающее, в частности, и реальную основу Сказания о призвании варягов.

Юго-восточное Приладожье

За последние годы в юго-восточном Приладожье раскопано свыше полусотни курганов. Выявлен ряд новых, ранее ускользавших от внимания исследователей фактов; некоторые из них имеют принципиальное значение для понимания этих погребальных сооружений²⁰ и новой оценки динамики развития приладожской курганной культуры.

В I тысячелетии н. э. обширные территории к югу, юго-востоку и востоку от Ладожского озера населяли немногочисленные финноязычные коллективы, не составлявшие широких этнических и тем более политических объединений, а напротив, в значительной степени обособленные друг от друга. Основной общественно-хозяйственной формой их организации была большая патриархальная семья, средством существования — подсечное земледелие, скотоводство, отчасти охота и рыболовство. Во второй половине I тысячелетия н. э. в жизни финно-угров и балтов лесной зоны Восточной Европы происходят изменения, возможно, связанные с появлением здесь нового населения. На территориях, расположенных в непосредственной близости от Приладожья, в VIII в. появляются ранее не известные здесь погребальные сооружения — сопки. Другими факторами, во многом предопределившими дальнейшее развитие приладожского общества, стали оформившийся в VIII в. северный отрезок Великого Волжского пути, возникновение в низовьях Волхова торгово-ремесленного поселения — Ладоги и проникновение сюда выходцев из

Скандинавии. Заметно освоившись здесь в IX в., норманны начали проникать в глубь Приладожья, выменивая у местного населения меха на изделия из железа, бронзы и стекла. Первоначально спорадически вступающая в контакты с аборигенами, скандинавы наряду с торговыми операциями не брезговали также прямым разбоем и грабежом. На рубеже IX—X вв. характер контактов норманнов с приладожским населением меняется. В низовьях Паши, возможно, в среднем течении Сяси и междуречье Сяси, Паши и Тихвинки, на западных границах мест обитания финноязычных коллективов появляются скандинавские и русские поселения, постоянно выступающие в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с аборигенами. Погребальный обряд осевших в Приладожье норманнов стал (наряду с сопками) одним из источников заимствования местным чудским населением курганного способа захоронения. Включение в сферу ладожской торговли, а впоследствии государственная дань и связанная с этим ориентация на пушной промысел привели не только к внешним (курганный обряд, прибалтийско-финский облик материальной культуры), но и к серьезным внутренним изменениям в жизни местного населения. Развитие отношений частной собственности, имущественных различий подрывало экономическую основу большой патриархальной семьи, вызывая к жизни новую общественно-хозяйственную организацию — малые парные семьи. Значительно расширились и упрочились связи между отдельными приладожскими коллективами в целом. На этой основе в Приладожье конца X — начала XI в. начинается процесс формирования новой этнокультурной общности, имя которой источники не сохранили и которую мы называем «приладожской чудью». Этническая консолидация, т. е. образование малой финно-угорской народности, вроде ижоры или карел, здесь не завершилось в связи с военно-политической активностью Ладоги и включением Приладожья в состав Новгородской земли. Что же касается норманнов, то они в X—XI вв. растворились среди приладожской чуди, не сыграв заметной роли в развернувшихся здесь процессах.

Ярославское Поволжье

В IX в. скандинавские древности появились на Великом Волжском пути, где в это время возникли торгово-ремесленные центры протогородского характера. Находки скандинавских вещей известны в культурном слое Сарского городища, в погребальных комплексах Ярославских могильников, на Тимеревском поселении. Наиболее широко северные вещи представлены в Тимеревском комплексе памятников, в состав которого входят курганный могильник и поселение площадью до 10 га²¹. К IX в. относится серия скандинавских погребений в курганах с каменными конструкциями. Оставившая их группа норманнов попала в Ярославское Поволжье вместе с волной славянской колонизации из новгородских земель. К IX в. относятся монетные клады, в состав которых входят дирхемы с руническими граффити. В ранней части поселения (IX — первой половине X в.), окруженной деревянной столбовой оградой, также найдены отдельные вещи северного облика.

Полиэтничность Тимеревского поселения в X в. проявляется и в обряде и инвентаре курганов его жителей, в составе находок поселения, где сочетаются славянские, финно-угорские и скандинавские элементы. В Ярославских могильниках X в. (Тимеревском, Петровском, Михайловском) распространяется сформировавшийся на месте обряд — сожжение с деревянными погребальными конструкциями (имитация «домиков мертвых»). В этих погребениях встречаются финно-угорские амулеты — глиняные лапы и кольца, русские вещи обычных курганных типов и скандинавские привозные. Ассортимент и количество привозных северных вещей в это время резко увеличиваются, но количество погребений,

совершенных по норманским обрядам, снижается. Можно констатировать, что если в IX в. в Ярославское Поволжье проникали отдельные дружины варягов, то в X в., в связи с усилением процесса формирования древнерусской государственности и народности, они на северо-востоке Восточной Европы не играли самостоятельной роли, влившись в новую общественную структуру. В конце X — начале XI в. скандинавские элементы на Волге не прослеживаются. Волжский путь в связи с прекращением ввоза восточного серебра теряет международное значение. Тимевский протогородский центр, с которым главным образом здесь были связаны норманны, уступает место в начале XI в. княжеской крепости — Ярославлю, одному из форпостов Руси на финно-угорской окраине.

Гнездово

Проникновение норманнов в область Верхнего Поднепровья относится ко второй половине IX в. Одним из вероятных путей их продвижения, засвидетельствованным серией находок, была Западная Двина и ее притоки, выходящие к смоленскому течению Днепра, — Лучеса и Каспля. Скандинавские древности этого времени, в отличие от последующего, отмечены в разных местах речного пути и представляют собой либо единичные вещи, либо отдельные немногочисленные погребальные комплексы (Новоселки, Гнездово), иногда включенные в контекст местных культур.

Появление норманнов в районе Гнездова — в географическом центре скрещения двух водных магистралей: Западная Двина — Днепр — Ока — Волга и Волхов — Ловать — Днепр — вполне закономерно. Здесь, на месте поселка древних обитателей Верхнего Поднепровья, балтов и славян, в IX в. возник, а в X в. пережил эпоху расцвета центр, консолидирующий не только различные этнические группировки, но и наиболее активные социальные силы. Выгодное географическое и топографическое (открытый берег Днепра) расположение позволяло жителям Гнездова в течение столетия контролировать обстановку вдоль расходящихся отсюда водных артерий.

Поселок второй половины IX — начала X в. занимал площадь около 4 га и имел небольшое курганное кладбище²², принадлежавшее, судя по материалам, группе хорошо вооруженных людей. Предводитель, по крайней мере в погребальном обряде, не противопоставлялся существенным образом остальным членам коллектива.

В X в. происходит расцвет Гнездова как торгового, военного и политического центра Верхнего Поднепровья. Площадь поселения увеличивается в четыре раза, составляя более 15 га. На берегу Днепра возникает ремесленный квартал. В середине X в. оформляется укрепленный центр (Большое Гнездовское городище). Курганный могильник, охватывающий полукольцом места поселений, насчитывает к исходу X в. более 3 тыс. насыпей.

Во второй половине X в., по мере возрастания роли Днепровско-Волховского пути в жизни древней Руси²³ и упадка значения магистрали Западная Двина — Днепр — Ока, связанной с Волжским путем, облик Гнездова меняется. Стремясь укрепиться на одном из днепро-двинских волоков, часть гнездовского населения отходит к устью р. Ольшанка (приток Днепра в нескольких километрах к западу от Гнездова). Новый комплект — городище, селище, курганный могильник — значительно меньше прежнего. Начинается упадок Гнездова, который завершается перемещением политического центра земли поднепровских кривичей на место Смоленска, археологически известного пока лишь с XI в.²⁴

Динамика развития Гнездова выступает вполне отчетливо в результате исследований последних лет. Раскопки и систематические наблюдения над Гнездовскими поселениями (работы И. И. Ляпушкна, Д. А. Ав-

дусина, Е. А. Шмидта) определили новый этап в изучении этого сложного и яркого памятника. Заметно продвинулось и выявление норманского компонента в Гнездове. В последних работах Д. А. Авдусина дана развернутая характеристика серии погребальных комплексов, из которых 42 определены как норманские, или погребения «скандинавов второго поколения», а 17 — как содержащие «норманские вещи, но они единичны и недостаточны для окончательных выводов»²⁵. Оценивая все эти комплексы, следует иметь в виду, что погребальный обряд характеризует не столько непосредственно погребенного, сколько коллектив, к которому он принадлежал и который выработал и поддерживал определенный погребальный ритуал. У нас нет оснований предполагать обособленное существование в Гнездове разноэтничных групп населения. Индивидуальные комплексы важны прежде всего как показатель тенденций в развитии гнездовского коллектива, в соотношении его компонентов. Эти тенденции требуют особого, детального и многостороннего изучения. Насколько сложными были в Гнездове этносоциальные взаимодействия, показывает анализ «больших курганов», располагавшихся на возвышенности в Центральной группе. Их расстановка, обряд, наличие женских захоронений позволяют связать эти насыпи с привилегированной частью гнездовского населения. Ее можно рассматривать как «русских варягов», смешавшихся со славянской знатью. Пышный обряд, в отдельных звеньях унаследованный от скандинавских предков, во второй половине X в. утрачивает этнический смысл, отражая принадлежность к древнерусской господствующей верхушке. Сходные большие курганы появляются в это время в Киеве и Черпигове, где нет уже никаких оснований связывать их с варяжскими элементами и где они принадлежали славянским воеводам и боярам киевского князя²⁶.

Заметно расширяет представления о норманском компоненте Гнездова открытие здесь камерных могил, специфически дружинного обряда²⁷. Два таких погребения раскопаны в 1976 г. Д. А. Авдусиным²⁸. Еще одно, судя по анализу архивных данных, находилось в кургане 97 из раскопок С. И. Сергеева²⁹. Открытие гнездовских камерных труположений заполняет лакуну в распространении этого рода памятников. Наряду с открытиями в Ладого, Пскове, Киеве, Шестовицах (в последнем случае норманскую принадлежность камер подтверждают и антропологические данные)³⁰ гнездовские комплексы открывают новые возможности для детальной характеристики положения варяжских дружинников, находившихся на службе русских князей.

Оказавшись в новой активной среде, норманны внесли некоторый отенок в этническое, социальное и культурное развитие Гнездова. Роль их нельзя определять однозначно, хотя в целом она подчинена местным условиям. Район Гнездова стал ареной, где развернулось, по выражению П. Н. Третьякова, «этническое состязание» трех групп населения: местной (балтской) и пришлых (славянской и скандинавской). Итог этого процесса бесспорен: Гнездово IX—X вв. — центр формирования группы кривичей, ассимилировавших как местную балтскую, так и пришлую норманскую культуры³¹. Кривичское, славянское население и его культура стали доминирующими в области Смоленского Поднепровья.

Среди задач, которые стоят перед исследователями норманских древностей в Гнездове, большой интерес представляет определение тех районов Северной Европы, которые стали исходными для варяжских элементов гнездовского комплекса. Сейчас как будто не вызывают сомнений связи Гнездова с торговыми поселениями Средней Швеции. Наряду с этим своеобразные варяжские захоронения в курганах с плоской вершиной, а также некоторые находки IX в. из окрестностей Гнездова (полубрактеат Хедебю в составеклада восточных монет у д. Кислая) потребуют в дальнейшем с особым вниманием отнестись к синхронным древностям западного побережья Балтийского моря, в частности Дании.

Русско-варяжские связи: социально-политический аспект

Итак, всюду, где можно проследить известную эволюцию норманского компонента, она происходит, во-первых, в условиях тесного взаимодействия со славянами; во-вторых, принимает специфически древнерусские формы, т. е. связана со включением норманнов в те или иные слои древнерусского общества. Чем дальше заходит процесс феодализации государства, тем больше варяжские пришельцы утрачивают свой северный облик.

Так называемое призвание варягов относится к тому времени, когда на севере Руси существовала федерация славян и финских племен. На юге, в Среднем Поднепровье, еще в начале IX в. сложилось крупное восточнославянское объединение в границах «Русской земли». Таким образом, государственные образования появились у славян до варягов. Характерна их растущая объединительная тенденция. Северные предводители — экзотические по своей сущности — в какой-то момент оказались на «политическом гребне» этого процесса, который к моменту призвания Рюрика уже стал непреложной реальностью своего времени.

Варяги-купцы и их вооруженная охрана, насколько можно судить по монетнымкладам, появились на торжищах Восточной Европы вряд ли ранее 840-х годов, когда давно уже была налажена славяно-мусульманская торговля. С этим связаны единичные случаи варяжской инфильтрации на Русь и наиболее ранние находки скандинавских изделий.

В 860-х годах в северной, Верхней, Руси оказываются первые отдельные пришлые скандинавские коллективы, вроде двора и дружины норманского конунга в Ладоге. Эти группы проживали в городах, сначала — достаточно обособленно. Во втором-третьем поколениях пришельцы полностью теряли свой этнографический облик и смешивались с местной средой. В сельской глубинке, вдали от городов и магистральных путей, норманны, за немногими исключениями, не селились. Изучение норманских древностей в древнерусском контексте доказывает полную несостоятельность тезиса Т. Арне о норманской колонизации древнерусского государства. Такой колонизации реально никогда не существовало.

В конце IX в. в связи с появлением общерусского войска наблюдается следующая волна варяжских переселений. Варяжские военные отряды, судя по тому, что в битвах конца IX—X в. они образовывали самостоятельные части, составляли в походах от шестой до тринадцатой части общерусских военных сил. Летописи сообщают об отдельных отрядах варяжских наемников между 882 и 1043 гг. Военные поселенцы этого периода располагались в подгородских лагерях (Шестовицы) или отдельных дворах (Новгород)³². Сохранявшие по данным летописи организационную обособленность варяжские наемники в инородной среде проявляли высокую приспособляемость к местным условиям. Сближению способствовала и популярность скандинавской дружинной моды (в буржуазной науке, правда, в целях прославления так называемой викингской колонизации нередко смешиваются представления о моде и человеке, ее принявшем). Викинги в составе русского войска в свою очередь усваивали обычаи и атрибуты славянской дружинной иерархии.

Со времен Олега Вещего варяжские дружины находились полностью под контролем государства. Владимир Святославич в 980 г. даже выгнал варягов из Киева. Это были платные наемники. Им противостояли обрусевшие варяги, представители старшей дружины и княжеского двора, воеводы, сборщики дани, городские наместники. В русских городах X в. можно было видеть и северных купцов, и мастеров-ремесленников. Изделия северных стран потреблялись преимущественно феодальной знатью. В целом мы видим картину, типичную для крупного европейского государства. Скандинавы — частые гости на Руси, но они неудивительны в много-

язычной толпе городских рынков и окружении киевского князя и его вассалов. Таковы в общих чертах этапы варяжского присутствия в Киевской Руси IX — начала XI в. Ни в одном из обрисованных случаев не приходится говорить о колонизации, тем более — организованной и массовой, или культурной, экспансии.

Социально-экономический аспект

Деятельность норманов на Руси начиная со второй половины IX в. (т. е. со времени, когда они опознаются археологически) во многом связана с особым этапом развития протогородских центров Восточной и Северной Европы. Такого рода поселения в западных письменных источниках назывались «виками». Термин многозначен. Видимо, сохраняя его для скандинавских и северогерманских центров, следует близкие по функциям восточноевропейские «протогорода» обозначать иначе³³. С формально-типологической стороны их можно определить как «открытые торгово-ремесленные поселения» (далее ОТПП). Тем самым они отделяются и от укрепленных поселений, городов и замков, и от сельских открытых поселений. Речь идет об особой стадии развития, переходной к городу форме, выступающей ныне как интернациональное по масштабам явление, зафиксированное в археологических памятниках синстадиальных обществ славянских, скандинавских и других европейских народов.

В Северной Руси к ОТПП IX—X вв. полностью или на какой-то стадии существования относились Ладога, Гнездово, Тимерево. По-видимому, такого же рода поселение находилось на Рюриковом городище под Новгородом. Все ОТПП объединяют общие формальные признаки: наличие торгового и капища, связь с водными путями, сравнительно большая заселенная площадь, нерегулярность и мозаичность застройки, отсутствие или временный характер укреплений, начатки ремесленного производства, клады, зарытые на территории поселения или в ближайших окрестностях. Как правило, ОТПП окружены сложными по составу языческими могильниками, что нередко отражает полиэтничный состав жителей, населявших разные кварталы. Совпадает в целом их хронология: ОТПП возникают не позднее IX в., переживают расцвет в X в., испытывают перенос места или трансформацию в средневековый город в том же X или в начале XI в. Общие черты обусловлены сходной социальной природой этих поселений. ОТПП возникали как межплеменные центры на торговых путях, с колеблющимся («пульсирующим») за счет сезонного прилива и отлива купеческого и военного сословия и транспортных рабочих) составом населения. На базе дальней торговли здесь развивается собственное ремесло (кузнечное, ювелирное, косторезное, стеклотельное), следующее не столько местным, племенным, сколько новым, международным модам. Можно говорить об общей тенденции к сложению культуры, сходной на пространстве от Северного моря до Волги в ряде проявлений (общие типы оружия, украшений, одежды, обуви, предметов личного туалета, столовой посуды, а также единые средства транспорта, монетное серебро, особенности строительной техники и городского благоустройства, некоторые типы обрядов и т. п.). Эта культура по сути интернациональна, так как интернациональны факторы, ее породившие. Однако ни в одном случае она не становится ведущей, не вытесняет местных традиций. Наряду с процессом межплеменного взаимодействия и в связи с ним активно идет социальная дифференциация. Выделяются новые общественные группы — дружина с ее высшим слоем, купцы, ремесленники. По мере стабилизации раннефеодального общества ослабевает питательная среда ОТПП (разлагающиеся патриархально-родовые общины, отмирающие военно-демократические племенные союзы). Роль ОТПП снижается, они попадают под контроль феодальной администрации и сменяются средневековыми городами.

Культурный аспект

Динамичная социальная среда «протогородских центров» была притягательна для северных викингов — ведь и в самой Скандинавии дружины викингов были порождением аналогичных социальных процессов³⁴. Кристаллизующиеся в новых центрах общественные группы создают собственный культурный пласт. На фоне «городской культуры Балтики» выделяется ее высший, дружинный слой, специфическая для господствующего класса материальная и духовная культура, ставшая непосредственной основой культуры феодальной. Важнейшая ее особенность, как подчеркивает Б. А. Рыбаков, разрыв «земской» замкнутости³⁵, интенсивное культурное взаимодействие, эклектичность, преодолеваемая гибридизацией. Смешанный евроазиатский характер дружинной культуры, ранее всего выявленный в ювелирном ремесле, проявляется буквально во всех сферах: вооружении, конской сбруе, костюме, наборе украшений, пиршественной утвари, погребальном обряде. Явление это отнюдь не составляет специфики древней Руси. По сути дела, столь же эклектична и «гибридна» культура самой Скандинавии эпохи викингов, где взаимодействуют северогерманские и финские, балтийские и славянские, английские и ирландские, франкские и фризские, восточные и византийские культурные компоненты.

Господствующий класс Киевской державы, дружинный слой, черпает новые технические и репрезентативные возможности из всех доступных источников: местных племенных, восточных, византийских, венгерских, романских, скандинавских. Этому способствовал и сам принцип дружинного пожалования. Князь вознаграждал своих воинов и представителей двора оружием, одеждой и всяким «узорочьем», изготовленным порой в разных странах и мастерских, но с одним непременным условием: лишь бы отделка и вид этих вещей соответствовали социальному рангу их потенциального владельца. Так развивался международный синкретизм дружинной моды, подстегиваемый страстью нарочитых мужей к «золату и паволокам, серебру и аксамитам». Отсюда ясно, как ослабляется точность этнической диагностики, например, при анализе погребений с набором разнородных, нередко привозных изделий. Тщательный их анализ не всегда позволяет установить происхождение владельца, однако это не дает права расширительно трактовать масштабы варяжского или какого-либо другого «находничества» в Киевском государстве.

Следует особо остановиться на вооружении, которое, как никакая другая (кроме украшений) категория вещей, полностью или частично приписывалось скандинавам. Специальным исследованием установлено, что военно-технический вклад варягов в строительство русского военного дела не носил оттенка превосходства и представляется в виде одного из источников, питавших рост и укрепление славянской силы. При посредстве викингов на Русь попадали каролингские мечи, скрамасаксы, северные наконечники ножей, некоторые образцы иноземных копий, топоров, стрел, круглые щиты, детали (впрочем немногие) конского снаряжения. Сами пришельцы в свою очередь испытали воздействие местных условий. На русских просторах и в восточных скитаниях они усвоили саблю, стали более широко употреблять кольчугу, получили конический шлем, кочевническую пику, восточный чекан, русские боевые топоры, возможно сложный лук, округлые стремяна и другие принадлежности упряжи, освоили новые приемы конного боя³⁶.

Актуальной задачей становится выявление русского вклада в культуру Севера эпохи викингов. Для ее решения есть определенные предпосылки: в Бирке можно выделить десятка два категорий вещей, попавших в Среднюю Швецию из Руси или при русском посредничестве: это (помимо куфических и византийских монет) — некоторые типы подковообразных пряжек, бубенчики (с пояском и крестопрорезные), большая

серия подвесок, наборные пояса, сумки-ташки, стремяна, боевые топоры, кольчуги, ажурные кресала. Насколько глубокими были культурные взаимодействия, показывает анализ изделий-гибридов. Вещественным символом русско-скандинавских культурных связей может служить меч из Фощеватой с оригинальной композицией северо-европейских орнаментов на рукояти, рейнской техникойковки и клеймом русского оружейника на клинке³⁷.

Перспективы исследования

Не следует, конечно, считать, что с «варяжским вопросом» покончено. Традиции норманизма живы в современной буржуазной науке, хотя сейчас нет фигур, подобных Арне или Арбману. Под давлением аргументов советских ученых западные археологи практически отказались от разработки концепций норманского завоевания, колонизации и т. п. Упор делается на изучение международных связей, продуктивные результаты получены при исследовании раннегородских центров. Выявляется синстадиальность, синхронность и взаимосвязь многих процессов в славянских и скандинавских странах.

Объективно и глубоко изучить эти процессы мешает методологическая ограниченность буржуазной науки. Характерное ее проявление — модернизация истории. Она особенно сказывается в оценке торговли эпохи викингов. При этом вовсе не учитывается, что торговля в тот переходный период выполняла специфические общественные функции. Она обслуживала в разное время разные, нередко антагонистические социальные слои (на раннем этапе — общинников, на позднем — феодальную знать). Нельзя забывать, что не торговля, даже не интенсивная городская жизнь, а натуральное аграрное хозяйство было экономическим базисом феодализма. Расцвет «северной» или «восточной» торговли IX—X вв. сам по себе феномен, требующий углубленного исследования. А между тем ссылка на торговые связи для объяснения всех без исключения культурных взаимодействий превратилась в общее место, «топос». Для западной науки он закономерен, так как подразумевает неизменность и естественность определенных экономических отношений.

На этой базе происходит реанимация некоторых положений норманизма. Так, по В. Холмквисту, именно купеческие объединения шведов принесли на Русь «традиции государственности», распространив их (мирным путем!?) из «шведского силового центра»³⁸. Сходную картину рисует Г. Янкун. Норманские древности Руси оцениваются как свидетельство вовлечения славян в экономическую, политическую и культурную сферу могущества «Свейской державы» V—X вв. (мифической «Великой Швеции» Т. Арне). По существу этот норманизм традиционен.

Норманистским положениям о «шведском силовом центре», мирным или военным путем распространявшем свое влияние на Балтике, советская наука противопоставляет теорию о выделении новых социальных сил и их активизации в период, переходный к классовому (раннефеодальному) обществу, и о широком процессе разложения «варварского», в основе военно-демократического общества. Этот процесс в Северной Европе IX—XI вв. принял форму «движения викингов». На Руси в IX—X вв. он обозначается как процесс формирования древнерусской народности и древнерусского государства. Его характерные черты: кризис «племенного строя»; появление межплеменных объединений; активизация свободных общинников; расцвет новых форм деятельности — дальней торговли, грабительских походов; скопление населения в торговых-ремесленных центрах; развитие ремесла и транспорта. На этой базе идет кристаллизация военных дружин, опирающейся на них знати, которая по мере роста своего могущества «оседает на землю» и закабляет смердов.

Эти процессы примерно одновременно развернулись в странах Балтийского бассейна, особенно интенсивно — у славян, уже в VIII в. включившихся в «восточную» торговлю, и у норманнов, активизировавшихся в начале IX в. Естественно возникает тесное социальное и культурное взаимодействие.

Норманны проникли в Восточную Европу в поисках источников арабского серебра, важного тогда социального стимула. На речных путях они вступили в контакт со славянскими, балтийскими и финно-угорскими племенами. К этому времени у восточных славян сформировались раннегосударственные объединения, по социальной динамике и целям притягательные для дружин викингов. Оказавшись в этой обстановке, варяги приняли участие в деятельности новых социальных сил древней Руси. Надо отметить, что по мере укрепления Киевского государства оно ставило под свой контроль международную торговлю на водных путях. Важной политической задачей была борьба с Хазарией. Решение этой задачи во второй половине X в. привело к упадку Волжского пути. Таким образом, варяги, вошедшие в состав русских дружин, объективно действовали вопреки интересам викингов, связанных с «восточной» торговлей и возвращенных ею. Приток арабского серебра на Север прекращается раньше, чем на Русь (с этим связан, видимо, упадок Бирки). В XI в. дружины викингов (варягов) полностью сошли с европейской сцены.

Скандинавский элемент в культурной, социальной, экономической жизни древней Руси подчинен внутренним закономерностям восточно-европейского общества, которые требуют дальнейшего углубленного изучения.

Сходным образом, судя по археологическим материалам Скандинавии, славяне (восточные и западные) приняли участие в развитии социально-экономических и культурных процессов в скандинавских странах.

Перспективы исследования русско-скандинавских связей в эпоху образования древнерусского государства выдвигают на первый план следующие задачи: 1) дальнейшая систематизация «норманских древностей» Восточной Европы; 2) выявление «русских импортов» в Скандинавии; 3) разработка детальной хронологической шкалы и исследование синхронных археологических материалов Руси, стран Балтики и Скандинавии; 4) сравнительно-исторический анализ социального развития, формирования города, дружины, торговли и ремесла этих стран; 5) изучение трансбалтийских связей, места и роли протгородских центров Восточной и Северной Европы.

Дальнейшая источниковедческая проработка, анализ и интерпретация археологических материалов с позиций марксистско-ленинской исторической науки позволят глубже и полнее представить многообразные и разносторонние отношения народов Северной и Восточной Европы в сложную, противоречивую и яркую эпоху становления классового общества, раннесредневековых народностей и государств.

¹ *Artsikhovskiy A.* Archaeological Data on the Varangian Question.— In: VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Reports and Communications by Archaeologists of the USSR. Moscow, 1962, p. 3. В целях экономии объема мы сочли возможным ограничиться ссылками лишь на цитируемые работы, либо на те, в которых дана развернутая аргументация излагаемых нами положений. В остальных случаях в тексте названы фамилии исследователей без указания их работ.

² *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII в.— ВИ, 1962, № 4, с. 36; *он же.* Варяги. Норманская теория.— В кн.: История СССР, первая серия, т. I. М., 1966, с. 488—491.

³ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 297.

⁴ *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965, с. 106.

⁵ О русско-скандинавских связях в этом аспекте см.: *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 1.— САИ, 1966, вып. Е1—36, с. 18—48, 72; *он же.* Древнерусское

- оружие, вып. 2.—САИ, 1966, вып. Е1—36, с. 6—12, 27—41; *он же*. Древнерусское оружие, вып. 3.—САИ, 1971, вып. Е1—36, с. 24 и сл.; *он же*. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 25 и сл.
- ⁶ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические надписи и скандинавская символика на куфических монетах.—Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, ч. II. Л.; М., 1976, с. 61—63.
- ⁷ Лебедев Г. С. Разновидности обряда трупосождения в могильнике Бирка.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 180—190; *он же*. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов).—КСИА, 1977, 148, с. 24—30.
- ⁸ Булкин В. А. Типы погребального обряда в курганах Гнездовского могильника.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 207—210; Дубов И. В. Проблемы хронологии предметов скандинавского происхождения из Ярославских могильников.—Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. М., 1971, с. 21—24.
- ⁹ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 239—245.
- ¹⁰ Шаскольский И. П. Норманская теория., с. 96—181.
- ¹¹ Арцизовский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 41.
- ¹² Lebedev G. S., Nazarenko V. A. The Connections between Russians and Scandinavians in the 9th — 11th Centuries.— Norwegian archaeological review, 1973, v. 6, N 1, p. 5—9.
- ¹³ Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. 1, 1962, с. 20, примеч. 38.
- ¹⁴ Экспедиция работала в составе трех отрядов: раскопками Ладожской крепости руководил А. Н. Кирпичников; раскопками Земляного городища, давшими новые и в научном плане блестящие дендрохронологические материалы,—Е. А. Рябинин (при участии Е. Н. Носова), раскопками на посаде Ладоги — В. П. Петренко.
- ¹⁵ Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией.— В кн.: Скандинавский сборник, XVI. Таллин, 1971, рис. 1, 1, 2.
- ¹⁶ Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.).— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 68.
- ¹⁷ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 42—53.
- ¹⁸ Никоновская летопись. ПСРЛ, т. 9-10, 1965, с. 9.
- ¹⁹ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе.— КСИИМК, 1945, XI, с. 55.
- ²⁰ Назаренко В. А. О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами.— КСИА, 1974, 140, с. 39—45.
- ²¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным).— Вестник ЛГУ, История, язык, литература, 1975, 2, с. 65—70.
- ²² Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнездове.— МИСО, 1974, 8, с. 159, 160.
- ²³ Лебедев Г. С. Путь из варяг в греки.— Вестник ЛГУ, История, язык, литература, 1975, 2, с. 37—43.
- ²⁴ Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 33—37; Алексеев Л. В. О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии).— СА, 1977, № 1, с. 83—103.
- ²⁵ Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнездове.— Вестник МГУ, история, 1974, № 1, с. 74—86.
- ²⁶ Булкин В. А. Большие курганы Гнездовского могильника.— В кн.: Скандинавский сборник, XX. Таллин, 1975, с. 134—145.
- ²⁷ Лебедев Г. С. Камерные могилы Бирки.— Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. М., 1971, с. 11, 12.
- ²⁸ Авдусин Д. А. Скандинавские ингумации в Гнездове.— Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, ч. II. Л.; М., 1976, с. 122, 123.
- ²⁹ Булкин В. А. Некоторые данные о комплексах со скандинавскими вещами Гнездовского могильника.— Там же, с. 151—153.
- ³⁰ Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги.— АО 1968 г. М., 1969, с. 16, 17; Лабугина И. К. Раскопки в Пскове.— АО 1974 г. М., 1975, с. 22; Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.; Л., 1958, с. 185—187 (погребение 114); Кольчатов В. А. Камерные гробницы Шестовицкого могильника.— Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. М., 1971, с. 18, 19; Алексеева Т. И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы.— В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974, с. 61, 62.
- ³¹ Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнездова.— СА, 1970, № 3, с. 108.

- ³² Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории..., с. 37; Клейбер Б. Два древнерусских местных названия.— *Scando-Slavica*, V, 1959, с. 139 и сл.
- ³³ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 11—17.
- ³⁴ Лебедев Г. С. Шведские погребения в ладе VII—XI вв.— В кн.: Скандинавский сборник, XIX. Таллин, 1974, с. 155—185.
- ³⁵ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 28.
- ³⁶ Kirpičnikov A. N. Connections between Russia and Scandinavia in the 9th and 10th centuries, as illustrated by weapon finds.— In: *Varangian problems. Scando-Slavica, Suppl. I*, 1970, p. 50—76.
- ³⁷ Курпичников А. Н. Древнейший русский подписной меч.— СА, 1965, № 3, с. 196—201.
- ³⁸ Holmqvist W. Helgö, eine Vorform der Stadt? — In: *Vor- und Frühformen der europäischen Stadt in Mittelalter, Teil II. Göttingen*, 1974, S. 21—29.

С. С. КАКАБАДЗЕ

К ИЗУЧЕНИЮ ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ IV—VI ВВ.

Церковная архитектура — одно из наиболее важных проявлений художественной культуры средневековья. Но ее необходимо рассматривать в первую очередь с точки зрения функционального содержания как места отправления богослужения. В этом отношении основное значение имеет алтарь, развитие которого связано с развитием литургии. Совершенно ясно, что каждая данная форма алтаря приспособлена именно для определенного обряда богослужения, и если изменялся характер литургии, отпадал смысл строить неприспособленный для нее тип алтаря, хотя архаичные формы могли быть использованы в отдельных элементах здания.

Между тем при периодизации всей раннехристианской грузинской архитектуры, как и при датировке отдельных памятников основное внимание обычно уделяется художественно-стилистическому анализу, но не развитию литургии¹. Правда, Г. Н. Чубинашвили и Ш. Я. Амиранашвили отмечают, что развитие алтаря в Грузии шло от одночастного к трехчастному², но при изучении и датировке памятников эта сторона отодвигается на задний план.

Анализ раннесредневековой грузинской архитектуры с учетом форм алтаря и его связи с литургией позволяет значительно полнее представить себе наиболее ранние этапы развития грузинского христианского зодчества.

В Грузии засвидетельствованы одночастные алтари двух типов: примыкающая к основному зданию выступающая полукруглая или многогранная апсида (таковы алтари базилик Болнисского Сиона в первоначальном виде, Акаурта, Эрүшети, Пицунды и др.; рис. 1, 1, 2) и вписанная в прямоугольник плана алтарная апсида без выделенных камер в боковых нефях (базилика в Хашми в первоначальном виде; рис. 1, 4).

Развитие алтарей первого типа прослеживается на примере Болнисского Сиона, где к алтарю было пристроено здание для жертвенника с единственным входом из церкви, пробитым рядом с алтарем (рис. 1, 2)³. Затем жертвенник включается в план храма, и это влечет создание помещения для диакона. Таким образом создается трехчастный алтарь с тремя выступающими апсидами (рис. 1, 3).

Второй тип одночастных алтарей привел к созданию трехчастного путем выделения помещений для пастофорий в восточной части боковых

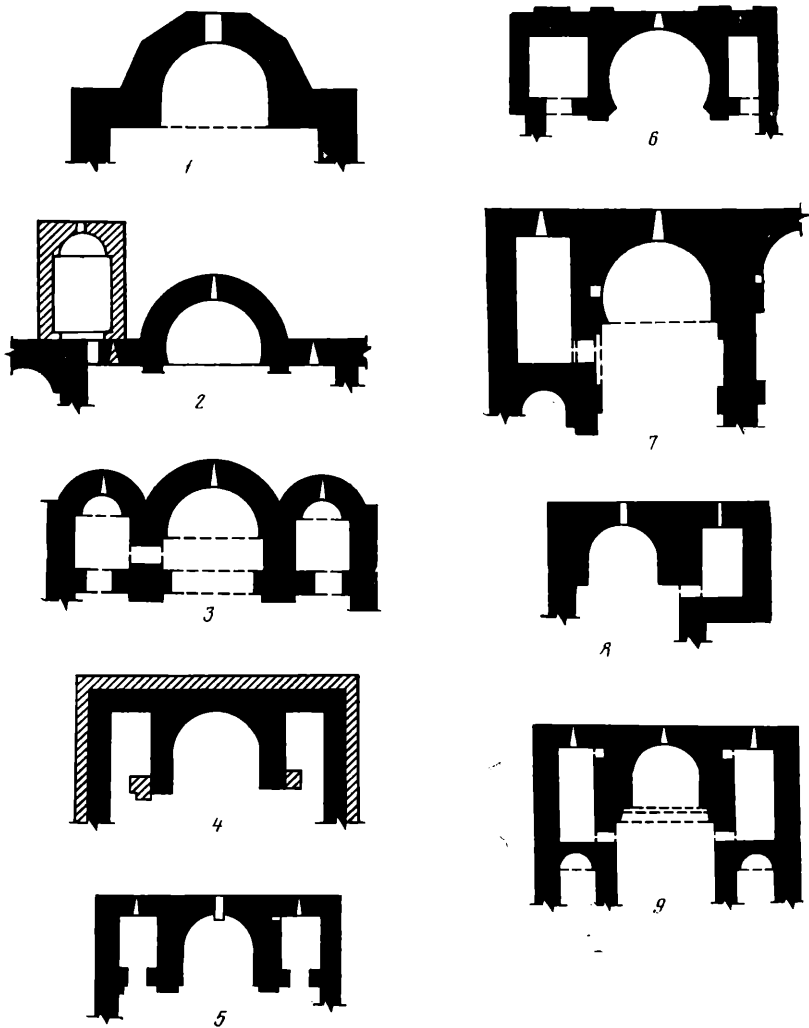

Рис. 1. Типы алтарей грузинских церквей

1 — Акаурт; 2 — Болнисский Сион; 3 — Бодбе; 4 — Кацаретская Самеба (Троица) в Хашми; 5 — Урбниси; 6 — Гурджаани; 7 — Руиспири; 8 — Унагори; 9 — Некреси

нефов. Так, базилика в Хашми первоначально имела одночастный алтарь, но позднее в боковых нефвах были выделены жертвенник и диаконник (рис. 1, 4). Это завершилось созданием базилик с вписанным в прямоугольник плана алтарем типа храмов Анчис-Хати, Урбниси и др. (рис. 1, 5)⁴. С VII в. на восточном фасаде появляются разгрузочные ниши между тремя частями алтаря.

Три части алтаря вначале были разъединены, но с конца VII в. пастофории уже непосредственно соединялись со средней апсидой. Например, в мцхетском храме Джвари, как показала расчистка пола, солея первоначально была только у средней апсиды: видимо, во время строительства храма в первой трети VII в. не предполагалось соединять три части алтаря, и лишь позднее они были соединены расширением солей⁵.

Кроме того, прослеживается еще одна линия развития алтарей, известная по однозальным церквам и некоторым трехцерковным базиликам, в которых имеются алтарная апсида и одно из боковых помещений, либо оба, но пастофории во всех случаях соединены не с алтарем, а не-

посредственно с залом церкви, а от боковых частей храма отделены глухой стеной. Таковы церкви с жертвенником в Руиспири и др. (рис. 1, 7), церкви с диаконником в Укангори, Акванеба и др. (рис. 1, 8) и церкви с обоими пастофориями в Некреси и др. (рис. 1, 9). Однозальные церкви этой группы имеют приделы, чаще с апсидами, два — с севера и юга, или один из них. Но есть и исключения: например, церковь в Укангори не имеет приделов. Наконец, в некоторых из них, особенно имеющих и жертвенник, и диаконник, основное помещение с трех сторон охвачено галереей, обычно с апсидами на восточных концах⁶.

Эта система выделения пастофорий в церквях как бы с пристроенным жертвенником и диаконником отражает ранние ступени развития — процесс организации трехчастного алтаря⁷.

В Восточной Грузии после создания трехчастного алтаря сохраняется преимущественно прямоугольная композиция фасада, а в Западной, по-видимому, под влиянием Византии, живучими оказались также и выступающие апсиды. С этого времени отпала необходимость в алтарях с пастофориями, соединенными непосредственно с залом церкви, и такая композиция вытесняется.

По сведениям грузинских источников сразу после крещения «царь и весь народ картлийский быстро обратились в христианство», и интенсивное строительство церквей началось уже в IV в.⁸

По общепринятому теперь мнению Г. Н. Чубинашвили, в IV в. в Грузии строили только маленькие церкви с внутренней площадью 4—5 кв. м, а большие базилики — со второй половины V в. Этот взгляд аргументируется тем, что конструкция базилик, совершенно чуждая Грузии, была занесена из Передней Азии и осваивалась с трудом. Поэтому до постройки зданий больших размеров «нужно было пройти ряд подготовительных ступеней, которые сделали бы нужным переход к таким объемам зданий»⁹. Г. Н. Чубинашвили фактически исходит из тезиса о начале развития грузинской архитектуры только после принятия христианства¹⁰. Этот взгляд сформировался в начале 20-х годов¹¹, когда дохристианские памятники Грузии почти не были известны.

Между тем в последующие годы было открыто много значительных памятников античного периода. Поэтому высокий уровень и широкий размах строительства крупных сооружений в Грузии дохристианской эпохи теперь не вызывает сомнений. Следовательно, освоение новой архитектурной темы для строителей вряд ли могло быть таким трудным, чтобы это заняло полтора столетия. Встает вопрос о преемственности раннехристианской грузинской архитектуры от древней — христианских памятников от языческих. В свете сказанного строительство в Грузии больших храмов сразу после принятия христианства в начале IV в. становится вполне вероятным.

Периодизация раннехристианских церквей Грузии опирается на некоторые основные памятники, отталкиваясь от которых датируются остальные, сходные с ними по тем или иным признакам. Надо, однако, сказать, что датировка именно этих основных памятников вызывает сомнения. Для иллюстрации приведу один пример.

Основой периодизации раннехристианских памятников для Г. Н. Чубинашвили является реконструированная им совместно с Н. П. Северовым в 1922 г. маленькая базилика в Некреси, которая якобы была перестроена в башню и использована в качестве жилья¹². Но, во-первых, в Некреси вплоть до середины XIX в. без перерывов находилась кафедра епископов, и маловероятна перестройка под жилье древнейшей церкви и, следовательно, главной святыни. Во-вторых, и это главное, реконструкция основана на обмере 1922 г., ошибочность которого показал более тщательный обмер 1949 г., выполненный В. Г. Цинцадзе после расчистки памятника. Таким образом, ошибочна также сама реконструкция базилики (на это указывали Д. П. Гордеев, Т. Карумидзе и М. А. Чхик-

вадзе). Позднее Г. Н. Чубинашвили опубликовал оба обмера, и хотя отметил, что после обмера 1949 г. он памятник не обследовал, выводы оставил без изменений¹³. Вместе с тем Г. Н. Чубинашвили подчеркивает, что трехцерковные базилики он смог датировать лишь после того, как эту малую некресскую базилику отнес ко второй трети IV в., а базилику в Дзвели Шуамта — к V в.¹⁴ Таким образом, для датировки большой и значительной группы памятников исходной оказалась ошибочно реконструированная базилика в Некреси.

Для выяснения первых этапов церковного строительства в Грузии рассмотрим несколько памятников.

1. На месте мцхетского храма Свети-Цховели согласно источникам церковь была построена в первой половине IV в.¹⁵ Она разрушилась и была вновь построена Вахтангом Горгасалом в третьей четверти V в.¹⁶ Сохранился, однако, крестовокупольный храм XI в. со следами позднесредневековых восстановлений.

До последнего времени общепринятым было мнение, что постройка V в. ко времени строительства купольного храма не сохранилась и что, следовательно, этот последний построен полностью заново¹⁷. Между тем купольный храм сохранил ряд элементов, опровергающих это.

Д. П. Гордеев отмечал, что сохранились две пары нижних частей пилонов с началом закругления подковообразных арок, принадлежавших базилике V в. (рис. 2, I, *д—з*)¹⁸; при создании подкупольного пространства две пары столбов базилики были расширены, третья вместе с соответствовавшими им тремя парами пилонов (рис. 2, I, *п—т*) — разрушена. Базилика была расчленена на три нефа пятью парами крестообразных в сечении столбов: одну пару составлял самый «свети цховели» («столп животворящий») ¹⁹, на месте которого сохранился большой куб, не несущий конструктивной нагрузки (рис. 2, I, *г*) и соответствовавший ему столб²⁰. Мнение Д. П. Гордеева подтвердилось в 1950 г., когда были обнаружены база столба в основании юго-западного подкупольного устоя (рис. 2, I, *е*) и капители всех угловых пилястров V в. в диаконнике (рис. 2, I, *б*)²¹. Вместе с сохранившимися на фасаде апсиды алтаря двумя скульптурами бычьих голов V в. (рис. 2, I, *а*)²² это показало, что сохранились по крайней мере нижняя часть апсиды и полностью диаконник V в. Следовательно, алтарь базилики был трехчастным²³.

Западная часть среднего нефа значительно уже подкупольного квадрата. Между тем в крестовокупольных храмах Грузии внутренняя ширина среднего нефа не отличалась от ширины подкупольного пространства и апсиды алтаря²⁴. Две пары пилонов образуют во втором ярусе западной ветви креста над пилонами с остатками подковообразных арок первого яруса три пары глубоких ниш с арками полуциркульной формы (рис. 2, I, II, *д—о*), но они не несут конструктивной нагрузки²⁵. Следовательно, они относятся к разным строительным периодам: пилоны первого яруса — к V в., а пилоны и ниши второго яруса, без сомнения, созданы при постройке купольного храма, с целью расширить фасады западной части среднего нефа до ширины барабана купола. Это подтверждается и формой арок — они подковообразны в первом ярусе и полуциркульны во втором. Надо еще отметить, что купол расположен точно в середине продольной оси храма, что противоречит нормам X—XI вв.: в этот период купол был всегда придвинут к алтарной части. Ясно, что строителя и в этом сковывали остатки перестраиваемой базилики²⁶.

Все это окончательно подтвердилось ведущимися В. Г. Цинцадзе с 1969 г. работами, когда были обнаружены базы всех разрушенных столбов и пилонов V в., крестообразные в сечении столбы, укрытые в толще увеличенных при постройке купольного храма устоев, и т. д. Из сказанного следует, что при постройке купольного храма были использованы сохранившиеся части всех стен и столбов базилики, т. е. факти-

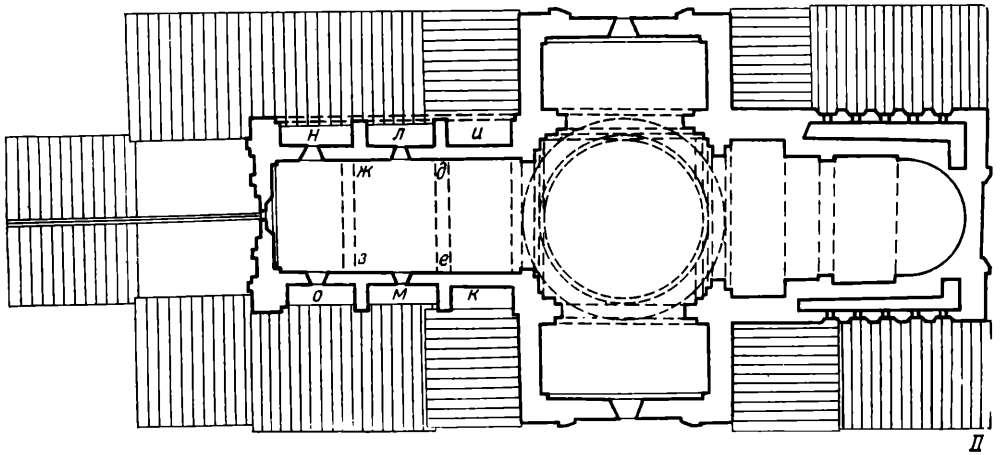
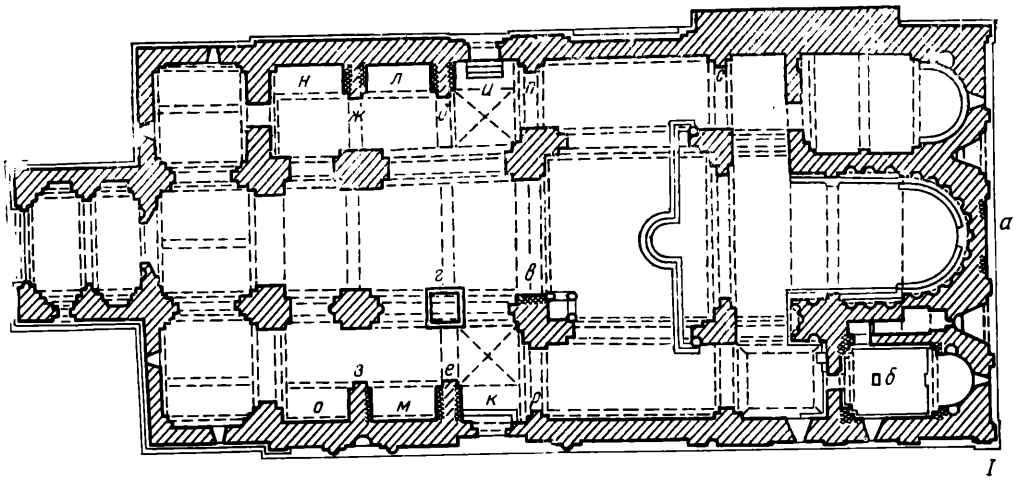

Рис. 2. Свети-Цховели

I — план с отмеченными остатками V в.: а — рельефы бычьих голов, б — пилястры в диаконнике, в — база устоя, г — куб на месте «свети цховели» («столпа животворящего»), д — з — остатки пилонов, и — о — остатки арок между ними, п — т — разрушенные пилоны; II — план на уровне главных сводов: д — з — пилоны, и — о — арки второго яруса

чески это была перестройка базилики в купольный храм с сохранением ее абсолютных размеров²⁷.

2. Так называемая базилика Анчис-Хати (Анчийской иконы) в Тбилиси по сведениям источников построена на рубеже V—VI вв.²⁸ Базилика восстановлена в XVII в. От древнего храма сохранились полностью алтарная часть, почти полностью — западная стена и продольные стены с внутренней стороны, а также входы — полностью западный и частично северный. Оба имеют открытые сквозные люнеты подковообразной формы над каменной перемычкой²⁹.

Алтарь состоит из несоединенных между собой трех частей с подковообразной в плане средней апсидой и прямоугольными пастофориями, причем жертвенник шире диаконника и выступает на северном фасаде. Пастофории с восточной стороны имели входы, заложенные позднее³⁰. Все сохранившиеся древние своды и арки — подковообразной формы.

4. В Цкаростави (ныне в пределах Турции) сохранилась купольная церковь, обычно датируемая временем около X—XI вв.³¹ Однако по све-

дениям источников она также построена на рубеже V—VI вв.³² Восточную половину здания занимают купол и трехчастный алтарь с прямоугольными, более короткими, чем средняя апсида, пастофориями, так что средняя апсида, заключенная в наружный прямоугольник, выступает на фасаде. Западная часть тремя парами столбов разделена на три нефа, из которых боковые с восточной стороны образуют тупики (аналогично южному нефу купольного храма Степан-Цминда в Хирса, перестроенного из базилики, чем и вызвана эта особенность). Эту часть храма с юга, запада и, очевидно, с севера³³ охватывала открытая галерея, от которой на южном и западном фасадах сохранились пристроенные к основным стенам церкви ложные арки подковообразной формы³⁴, позднее заложенные. Поэтому возможно, что западная часть здания имела открытые арки, входившие в наружную галерею.

В северной галерее находится прямоугольное помещение с апсидой на запад, возможно являвшееся крещальней³⁵. Вынесение крещальни в отдельное помещение свойственно первым периодам христианства и не согласуется со временем строительства купольного храма. Архаичен для X—XI вв. и нынешний алтарь, отдельные части которого первоначально, по-видимому, между собой не соединялись³⁶. Поэтому можно предположить, что абсолютные размеры купольного храма соответствуют размерам трехнефной базилики, которая, очевидно, также имела открытую галерею.

Рассмотренные твердо датированные базилики Свети-Цховели и Анчис-Хати (и менее уверенно реконструируемая базилика в Цкаростави) говорят о том, что во второй половине V в. в Грузии уже былработан трехчастный алтарь с несоединенными с алтарной апсидой пастофориями. Следовательно, процесс формирования трехчастного алтаря падает на IV и первую половину V в. Поэтому возникновение перечисленных выше типов церквей должно быть отнесено также к этому времени: в IV и в первой половине V в. возникли сперва трехнефные и трехцерковные базилики с одночастными алтарями и затем однозальные церкви со средней апсидой и жертвенником или диаконником, а во второй половине V в. уже сформировались церкви с трехчастными алтарями. Однако до конца VII в., по-видимому, строили отдельные церкви более ранних типов, поскольку каноны литургии еще не были окончательно выработаны.

Разнообразие церквей IV—V вв., особенно в организации алтарной части, объясняется неустановленностью обряда богослужения. Это обусловило повышение внимания к устройству алтаря, следовательно, к интерьеру церкви.

Таким образом, мы приходим к заключению, что строительство крупных храмов Грузии началось не с конца V в., а сразу после принятия христианства — в первой половине IV в.

¹ В этом аспекте вопрос рассмотрел Ш. Я. Амيرانашвили, но только в связи с неотипными алтарями базилики Болнисского Сиона и тетраконха в Дзвели Гавази (*Амيرانашвили Ш. Я. История грузинского искусства*, I. Тбилиси, 1944, с. 136 (на груз. яз.): то же: М., 1963, с. 93, 101). На необходимость такого акцента указывал в беседе Д. П. Гордеев. Недавно этого вопроса коснулся Т. Саникидзе, считающий, что разнообразие грузинских церквей VIII—IX вв. (по периодизации Г. Н. Чубинашвили) объясняется неизвестными нам изменениями в литургии, обусловленными арабским владычеством и общим политическим и экономическим упадком (см.: Мнатоби, 1973, № 11, с. 159—168). Развитие архитектурных форм церквей здесь верно увязано с вопросами литургии, но поскольку маловероятно появление весьма разнообразных крупных и значительных памятников в период общего упадка, вызывает сомнение сама периодизация: церкви, о которых идет речь в статье Т. Саникидзе, очевидно, относятся к периоду IV—VI вв., т. е. ко времени еще не установленной литургии, а не к периоду новых поисков в VII—IX вв. Ср. аналогичную картину в Армении, где после интенсивного развития церковной архитектуры в IV—VII вв. наступил застой, также вызванный арабским завоеванием.

- ² В Сирии и Малой Азии одночастные алтари в основном характерны для базилик IV в., а с V в. общеприняты трехчастные. То же в Армении. Трехчастный алтарь здесь повсюду, как и в Грузии, возникает в результате развития одночастного алтаря: видимо, во всех этих странах формировался ритуал христианского богослужения. Связанные с ним изменения церковной архитектуры проходили в условиях тесных взаимоотношений названных стран.
- ³ *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства, I, 1944, с. 135—137, 142.
- ⁴ Г. Н. Чубинашвили определяет одну общую линию развития алтаря в Грузии, считая исходным Болниси, переходными — Хашми и Уриат-Убани, а третьей ступенью — Урбиси и Анчис-Хати (*Чубинашвили Г. Н.* Болнисский Сион. — ИИЯИМК, IX, 1940, с. 154). Развитие это, по хронологии Г. Н. Чубинашвили, падает на конец V и VI в.
- ⁵ Аналогично этому в некоторых ранних церквях позднее были пробиты проходы в пастофори, первоначально не соединенные со средней апсидой.
- ⁶ Некоторые однозальные церкви этой группы Г. Н. Чубинашвили относит к типу так называемых средневековых базилик.
- ⁷ Такое объяснение на примере базилики в Эредви см.: *Мепишавили Р. С.* Памятник архитектуры в сел. Эредви. Тбилиси, 1955, с. 126, примеч. 1 (на груз. яз.).
- ⁸ ПГАЛ, I, 1963, с. 87, 88, 91—95, 137; русск. перев. см.: СМОМПК, 1900, 28, 1, с. 22, 28 и сл., 90; Картелис цховреба (История Грузии), грузинский текст, I. Тбилиси, 1955, с. 111, 131, 137, 138, 199.
- ⁹ *Чубинашвили Г. Н.* Болнисский Сион, с. 79, ср. с. 3; *он же.* Архитектура Кахетии, текст. Тбилиси, 1959, с. 37 и сл.
- ¹⁰ Так, в его «Истории грузинского искусства» (Тифлис, 1936, на груз. яз.) глава, посвященная архитектуре IV — первой половины V в., озаглавлена «Период образования древнего грузинского искусства».
- ¹¹ *Чубинашвили Г. Н.* Архитектура Кахетии, с. 12, примеч. 4.
- ¹² *Чубинашвили Г. Н.* История грузинского искусства, с. 25—27.
- ¹³ *Чубинашвили Г. Н.* Архитектура Кахетии, с. 37—45.
- ¹⁴ Там же, с. 156, примеч. 2.
- ¹⁵ ПГАЛ, I, с. 84; СМОМПК, 28, с. 19, 20.
- ¹⁶ ПГАЛ, I, с. 93; СМОМПК, 28, с. 35.
- ¹⁷ Наиболее подробное обоснование этого положения см.: *Чубинашвили Г. Н.* К вопросу о первоначальных формах мцхетского кафедрала Свети-Цховели. — *Argis Georgia*, 5. Тбилиси, 1959, с. 123—134 (работа посвящена реконструкции купольного храма XI в.).
- ¹⁸ Подковообразные арки в архитектурных конструкциях Картли встречаются до VI в. включительно, а позднее — лишь в декоре. Н. Я. Марр считал, что в Армении такие арки были распространены до арабского завоевания, а может быть, только до конца VI в. (см.: *Марр Н. Я.* По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма». — ЗВОРАО, XIX, 1909, с. 057).
- ¹⁹ Храм Свети-Цховели освящен во имя этого столпа.
- ²⁰ См.: *Гордеев Д. П.* Предварительное сообщение о древнейших частях Свети-Цховели. — В кн.: Саисторию кребули (Исторический сборник), 1928, I, с. 108, 109. Это мнение разделял С. Н. Какабадзе (там же, с. 98).
- ²¹ *Мшвениерадзе Д. М.* Строительное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1952, с. 80 и сл., рис. 151, 156—157а. Автор дал также реконструкцию базилики, но он на план купольного храма нанес план Болнисского Сиона, не учтя пропорций и форм сохранившегося храма Свети-Цховели, и реконструкция на таблице противоречит реконструкции в тексте книги.
- ²² *Амиранашвили Ш. Я.* История грузинского искусства. Тбилиси, 1961, с. 144, 145, табл. 3 (на груз. яз.). Ср. рельеф головы быка с крестом между рогами, т. е. христианизированное изображение священного животного, в Болнисском Сионе (там же, с. 144, табл. 35).
- ²³ Жертвенник теперь больше диаконника, поэтому северная разгрузочная ниша на восточном фасаде меньше. Это результат перестройки XI в.
- ²⁴ От этого правила отступают лишь центрические многоапсидные церкви, церкви типа мцхетского Джвари, а также церковь Самтавро в Мцхета, в которых подкупольное пространство шире апсиды алтаря.
- ²⁵ В архитектуре средневековой Грузии внутренняя композиция всегда соответствовала внешней, и поэтому такие элементы, как пилоны, арки и т. п., применялись только тогда, когда они были обусловлены конструктивными требованиями.
- ²⁶ Полную реконструкцию базилики дали М. А. Чхиквадзе в докладе в Государственном музее искусств Грузии 15 января 1960 г. и автор этих строк 23 марта 1965 г. на сессии Кавкаского кабинета ЛОИВ. То же мнение высказала Т. Карумидзе.
- ²⁷ Ср. аналогичную перестройку базилики Степан-Цминда в Хирса (см.: *Чубинашвили Г. Н.* Архитектура Кахетии, с. 325—339) и в Пипунде (см.: *Якобсон А. Л.* О дате большого храма в Пипунде (Абхазия). — КСИА, 1972, 132, с. 38—45). Это показывает, что и купольный храм Свети-Цховели должным образом не изучен и неверно определено его место и значение в истории грузинской архитектуры, поскольку до сих пор его рассматривали как самостоятельную постройку, совершенно независимую от бывшей здесь древней церкви.

²⁸ ПГАЛ, I, с. 94; СМОМПК, 23, с. 37.

²⁹ Ср. такие же люнеты в Болнисском Сионе, в малой церкви в Эгудери и др.

³⁰ Назначение их неясно. Алтарь двухкупольной базилики в Гурджаани аналогичен этому, но не имеет входов с востока (позднее здесь прорезан проход из жертвенника в апсиду). Все арки и своды подковообразны, как и апсида в плане, а строительная техника аналогична наблюдаемой на городище V в. Уджарма. Поэтому думаю, что датировка памятника VIII—IX вв. (*Чубинашвили Г. Н.* Архитектура Кахетии, с. 273—286) неправильна: время его постройки — примерно вторая половина V — первая половина VI в.

³¹ Описание, обмер и фотографии см.: МАК, 1909, XII, с. 45—51.

³² Картлис цховреба, с. 205.

³³ Северный фасад закрыт пристроенным поздним минаретом.

³⁴ Другие арки как будто полуциркульной формы.

³⁵ Е. С. Такайшвили эту камеру из-за ее необычной ориентировки на запад считал мусульманской переделкой (МАК, 1905, XII, с. 48). Ср., однако, двухапсидную крещальню в Болнисском Сионе.

³⁶ Теперь со средней апсидой соединен жертвенник, но возможно, что это результат перестройки базилики в купольный храм. Предположение, что базилика имела выступающий одночастный алтарь на месте внешнего купола (*Чубинашвили Г. Н.* Болнисский Сион, с. 126), мне представляется маловероятным.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

КАМЕННЫЕ МОГИЛЫ ПОДЛЯШЬЯ И ДРЕВНИЙ ДРОГИЧИН

Польский археолог К. Мусянович, плодотворно исследующая археологические памятники северной Польши, попыталась определить этнический состав населения Подляшья по могильным памятникам двух типов, известных на этой земле. К первому из них относятся курганы с обрядом трупосожжения и трупоположения. Второй тип погребальных сооружений представлен памятниками, вошедшими в русскую и советскую литературу под наименованием «каменных могил»; в Польше они называются «*ścmentarzyska w obudowie kamiiennej*».

Как полагает К. Мусянович, курганы Подляшья оставлены восточнославянским населением — дреговичами, в то время как каменные могилы, которые исследовательница датирует XI—XIII вв., принадлежали западным славянам — переселенцам из Мазовии. По ее мнению, этническую границу между двумя группами славянского населения трудно установить, поскольку те и другие памятники встречаются вперемешку¹.

В 1971 г. в Польше вышла в свет работа Л. Раухута, посвященная каменным могилам Мазовии и Подляшья. Автор исчерпывающе анализирует эту категорию памятников на территории Мазовии, устанавливает их типологию и хронологию и приходит к заключению, что каменные могилы оставлены специфическим мазовецким сельским населением, колонизовавшим Подляшье не ранее XII в. и заселявшим его также в XIII в.²

Уточнение датировки каменных могил Подляшья делает невозможным сопоставление их с восточнославянскими курганами, поскольку последние относятся преимущественно к более раннему времени — к концу X и XI в., т. е. к тому периоду, когда на Подляшье еще не появилось мазовецкое население, оставившее каменные могилы. Древнерусские погребальные сооружения XII и XIII вв. в этой земле почти не изучены³.

Погребальные памятники Подляшья, состоящие из каменных могил, распределены крайне неравномерно. Около 40 из более чем 50 памятников этого типа сосредоточено на правом берегу Буга, на территории,

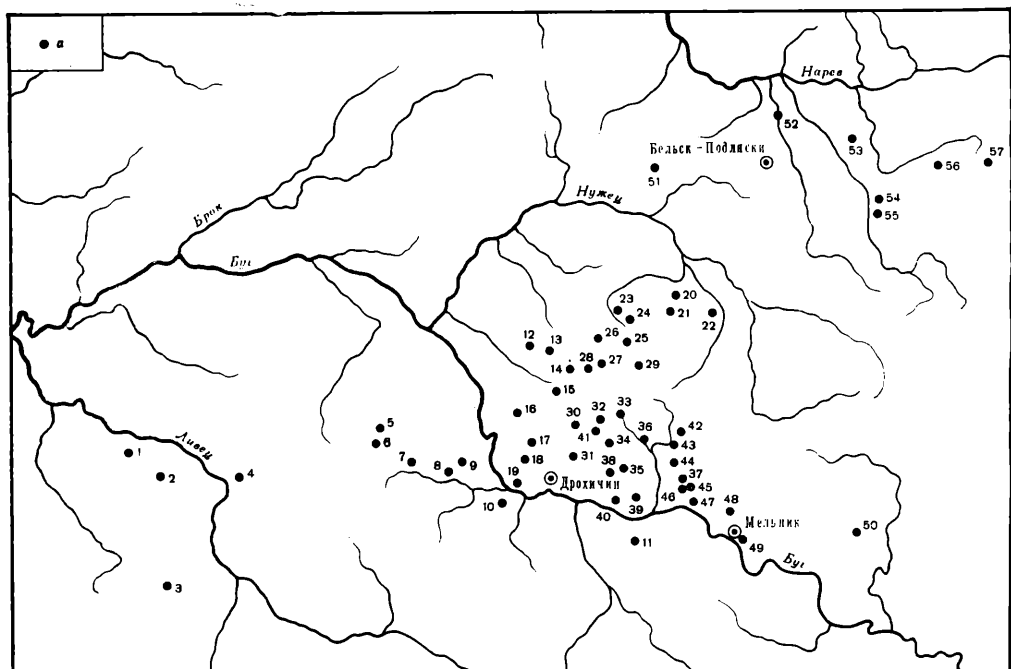

Рис. 1. Каменные могилы Подляшья (по К. Мусянович и Л. Раухуту) и древнерусские летописные города

1 — Ровиско; 2 — Пыхов; 3 — Жарновка; 4 — Венгров; 5 — Гродзиск; 6 — Невядома; 7 — Вербицы; 8 — Чеканов; 9 — Лужки; 10 — Могильница; 11 — Липно; 12 — Твароги; 13 — Жале; 14 — Каменка; 15 — Острожаны; 16 — Обнизье; 17 — Мелковицы; 18 — Минчево; 19 — Вулька Замкова; 20 — Замяново; 21 — Смолуги; 22 — Андреянки; 23 — Чарна Церковна; 24 — Чарна Средня; 25 — Чарна Велька; 26 — Гродзиск; 27 — Неверово-Сохи; 28 — Рыбалты; 29 — Малиново; 30 — Наройка; 31 — Сады; 32 — Скивы; 33 — Красевицы; 34 — Цецеле; 35 — Клюково; 36 — Чартаев; 37 — Рогавка; 38 — Крупица; 39 — Слохи Аннопольски; 40 — Огородники; 41 — Коревка; 42 — Бацки Дальни; 43 — Бацки Средни; 44 — Бацки Ближни; 45 — Боратинец Лядски; 46 — Боратинец Руски; 47 — Мацкевичи; 48 — Александровка-Радзивилловка; 49 — Мельник; 50 — Вулька; 51 — Свириды; 52 — Хатьки; 53 — Саки; 54 — Кшива; 55 — Шиты Делюлово; 56 — Курашево; 57 — Котовка

Границы Подляшья определены по данным К. Мусянович

ограниченной с севера р. Нурец. К этой же группе примыкают могильники, расположенные на левом берегу Буга — Чеканов, Лужки, Вербицы, Липно, Могильница и др. (рис. 1). Нетрудно заметить, что максимальная концентрация каменных могил Подляшья отмечается вблизи древнерусского Дрогичина. Случайно ли, что погребальные памятники западнославянского мазовецкого населения XII и XIII вв. были расположены по соседству с летописным древнерусским городом? В свое время один из первых исследователей памятников Подляшья Н. П. Авенариус писал: «Сравнение предметов, найденных в Дрогичине и в каменных могилах, убеждает в том, что они принадлежали одному племени и веку»⁴.

Современный археологический материал Подляшья свидетельствует, что Н. П. Авенариус был прав лишь в части своих наблюдений, — установившая синхронность существования Дрогичина и каменных могил Подляшья. Но и это заключение может быть принято с оговоркой, поскольку раскопки Дрогичина широкой площадью, произведенные К. Мусянович, показали, что этот город возникает в XI в. и лишь расцвет его падает на XII и XIII вв.⁵ Таким образом, памятники с каменными могилами концентрируются вблизи Дрогичина в период максимального развития этого города, что само по себе представляет немалый интерес.

В Подляшье насчитывается более 250 раскопанных каменных могил, однако недостаточная публикация материалов не дала возможности

Л. Раухуту классифицировать эти памятники с той степенью подробности, с какой исследованы каменные могилы Мазовии. Исследователю удалось установить, что могильники Подляшья содержат большее количество могил, чем это наблюдается в Мазовии. Если на территории последней встречаются могильники, содержащие не более 150 погребений, то в Подляшье известны памятники (Наройка, Чарна Велька, Кореневка), состоящие из нескольких сотен каменных могил⁶. По обряду же погребения каменные могилы Подляшья не отличаются от мазовецких памятников этого типа.

Остановимся кратко на описании одного из могильников этой территории, отчет о раскопках которого хранится в Ленинградском отделении Института археологии⁷. В 1910 г. С. А. Дубинский раскопал могильник у с. Рогавка, находящегося к северо-востоку от Дрогичина. На горе, находящейся вблизи селения, он открыл около 60 каменных могил, но каменные ограды сохранились лишь у 30 могил. Могильные ограды были выложены из крупных камней. Внутри оград лежали вымостки из камней. Из 13 раскопанных могил у 12 ограда имела овальную форму и лишь у одной была прямоугольной. Наиболее ранние могилы, находившиеся в центре могильника, имели общие ограды. Все погребения совершены по обряду трупоположения, три — на горизонте, а остальные — в могильных ямах, глубина которых достигала 70 см. Слегка скошенные ямы были заполнены камнями. В отдельных могилах встречены угли и зольно-углистые пятна.

В наиболее систематически раскопанном могильнике Подляшья у с. Неверово-Сохи каменные ограды имели прямоугольную и квадратную форму. Погребения находились на горизонте. Из 35 исследованных каменных могил в 29 открыты погребения по обряду ингумации, в четырех могилах костяки были частично обожжены, а в двух находились остатки кальцинированных костей⁸.

Погребение по обряду трупосожжения открыто в могильнике у с. Рыбалты, причем по наблюдению Л. Раухута, исследовавшего этот памятник, могила с остатками кремации датируется более поздним временем, чем открытые там погребения по обряду трупоположения⁹.

Единственный памятник, в котором все погребения совершены по обряду трупосожжения, находится в северо-восточной части Подляшья. Это могильник Курашево. Ограды из камней там почти не сохранились. Могилы покрыты каменными вымостками. Под ними открыты ямы, ориентированные с востока на запад, в которых лежали кальцинированные кости¹⁰.

Все признаки, характерные для каменных могил Подляшья, типичны и для погребальных памятников Мазовии. Согласно Л. Раухуту, они соответствуют тем могильникам, которые в Мазовии были распространены в XII и XIII вв.¹¹

Еще не получили своего объяснения различия в устройстве могил, помещение умерших на горизонте или в ямах, биритуализм в обряде погребения и, наконец, особенность могильника Курашево, где, как упоминалось, все погребения совершены по обряду трупосожжения.

Инвентарь каменных могил Подляшья не обилен. В мужских погребениях очень редко встречается оружие. Здесь находят ножи, калачевидные и овальные кресала, пряжки, перстни и некоторые другие вещи. Для каменных могил с женскими погребениями характерны разнообразные височные кольца, металлические браслеты и перстни, стеклянные и металлические бусы, глиняные и шиферные пряслица, металлические крестики, а также ножи и кресала. Как в мужских, так и в женских могилах встречены фрагменты глиняных горшков.

Таким образом, в XII в. в Подляшье появляется мазовецкое население, которое оседает главным образом вблизи Дрогичина. Можно предположить, что оно было довольно многочисленным, поскольку здесь

Дрогичин

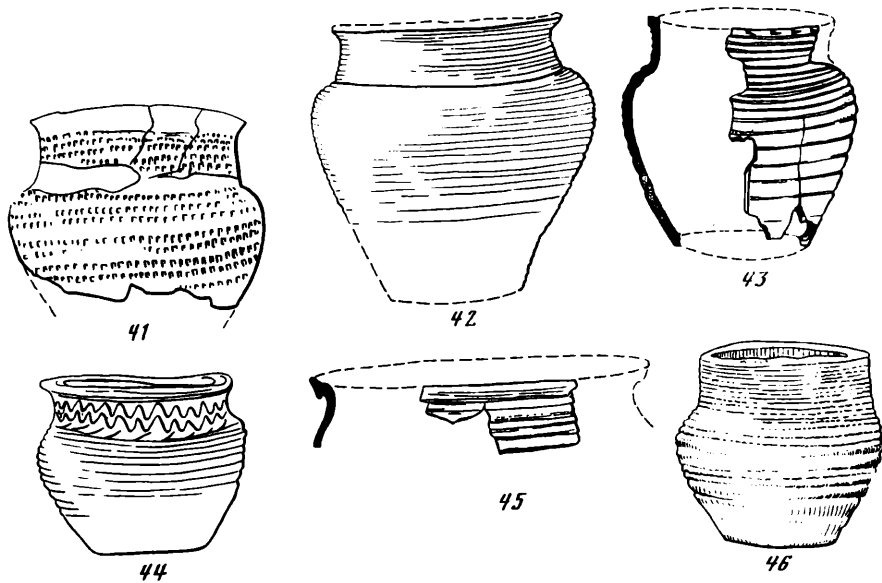
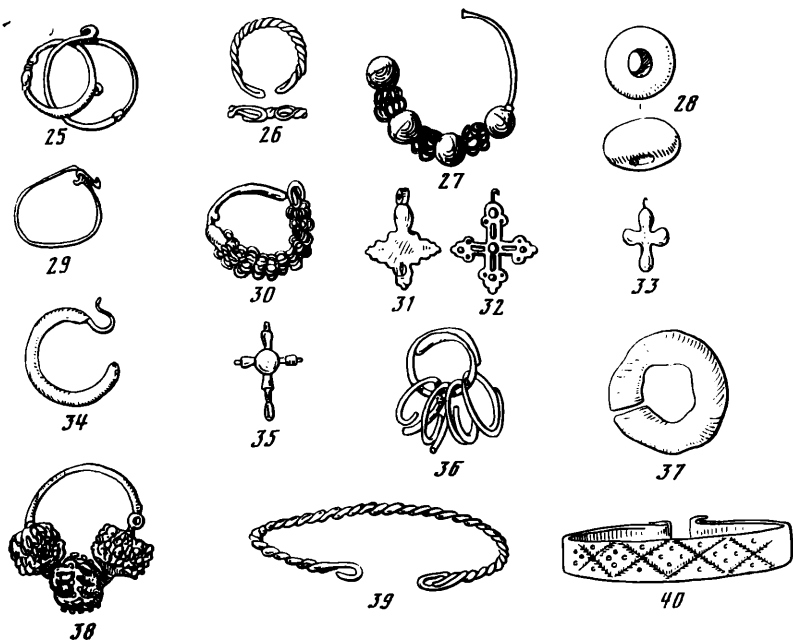
Рис. 2. Археологический материал из раскопок Дрогичина и каменных могил Подляшья

1, 2, 4—7, 9—11, 13, 14, 18—24 — по К. Мусянович и Н. П. Авенариусу; 3, 8, 12, 15—17 — вещи, приобретенные Н. А. Редько; 25, 29, 34, 38 — Рогавка (вещи, добытые во время раскопок С. А. Дубинским); 26 — Жарновка; 27, 28, 31—33, 36, 41, 42, 44—46 — Неверово-Сохи; 30, 35, 39 — Лужки; 37 — пункт неизвестен; 40, 43 — Невадома

имеются памятники с несколькими сотнями могил. Почти полное отсутствие оружия в погребениях дает основание считать, что переселение мазовшан происходило мирным путем.

Передвижение мазовецкого населения на территорию Подляшья известно и в более раннее время. Примером может служить поселение у с. Огородники недалеко от Дрогичина. Среди керамики этого поселения встречена характерная штампованная мазовецкая посуда X—XI вв.¹² В XII и XIII вв. переселение мазовшан в Подляшье становится массовым.

Каменные могилы Подляшья

По мнению Л. Раухута, Дрогичин, вблизи которого открыто больше всего памятников, состоявших из каменных могил, являлся для населения, оставившего эти могилы, административным и ремесленно-торговым центром¹³. Чтобы в полной мере оценить соотношение культуры каменных могил Подляшья с культурой древнего Дрогичина, необходимо отметить специфику последнего.

Выдающейся особенностью культуры Дрогичина являются свинцовые пломбы, найденные на его территории. Дрогичинские пломбы известны очень широко, но, вероятно, немногие имеют представление о том поисти-

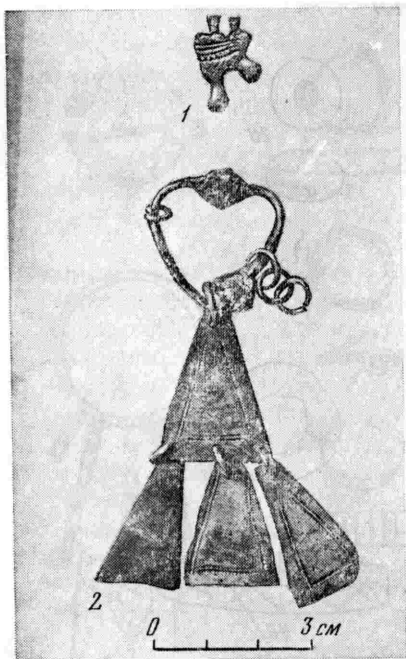

Рис. 3. Височные кольца из Дрогичина

не гигантском количестве, в котором они найдены в этом городе на берегу Буга. В 1910 г. Ф. Коханский (дрогичинский житель, промышлявший добычей и продажей древних свинцовых пломб) сообщил С. А. Дубинскому, что за 30 лет он собрал и добыл в Дрогичине более 10 тыс. пломб¹⁴. Эта цифра не является предельной, поскольку пломбы из Дрогичина хранятся в ряде музеев как нашей страны, так и Польши, и полностью еще не учтены. Не будет преувеличением сказать, что многотысячная коллекция дрогичинских пломб занимает в археологических материалах этого города второе место после керамики. В настоящей работе нет возможности осветить вопрос об атрибуции дрогичинских пломб, существующей в литературе. При различных взглядах на эти изделия почти никто из исследователей не сомневается в том, что дрогичинские пломбы отражают широкие внешние связи этого города. Нам представляется, что большая часть мазовецкого населения устремляется к Дрогичину именно потому, что этот город на русско-польском пограничье играл совершенно необычную роль.

К. Мусянович характеризует Дрогичин как древнерусский город, в котором было представлено и западнославянское население. Кроме того, как полагает исследовательница, в нем могли существовать колонии еврейских купцов, а также других иноземных торговцев¹⁵. Археологический материал Дрогичина позволяет отметить, что древнерусское население города не было однородным. Об этом можно судить по разнообразным височным кольцам, которые, как известно, служат этноопределяющим признаком. Височные кольца, найденные на территории города, происходят из разных областей Руси. Так, здесь встречены полутораоборотные височные кольца (рис. 2, 4), характерные для убора дреговичей и волынян¹⁶. Южнорусские аналогии имеет височное кольцо, обмотанное проволокой (рис. 2, 9)¹⁷. С южными древностями связаны также височные кольца с напускными зерновыми и гладкими бусинами¹⁸. К древностям северо-запада Восточной Европы следует отнести провололочное височное кольцо с трапециевидными привесками (рис. 2, 10)¹⁹. В Эрмитаже хранятся вещи из Дрогичина, собранные в начале XX в. Н. А. Редько. Среди них имеются височные кольца ромбоцитковое с трапециевидными привесками (рис. 3, 2) и многобусинное (рис. 2, 8). Эти украшения также характерны для северо-западных земель²⁰. К этой же коллекции относится обломок бронзового лопастного кольца (рис. 3, 1). Подобные кольца типичны для центральных районов Руси²¹. Что касается западнославянского населения, то оно представлено височными кольцами с S-видными завитками (рис. 2, 5).

Таким образом, в Дрогичине имелись выходцы из различных областей Руси, и они жили здесь совместно с западными славянами.

Близость к Дрогичину отражается в инвентаре мазовецких могил. Если в обряде погребения каменных могил Мазовии и Подляшья пока не установлено резких отличий, то в вещевых находках они весьма ощутимы. Так, из 70 височных колец, найденных в могильниках Лужки, Не-

верово-Сохи и Рогавка²², 50% представлены западнославянскими кольцами с S-видным завитком (рис. 2, 34). Среди остальных изделий этого рода встречены полутораоборотные (рис. 2, 36), с напускными зернеными бусинами (рис. 2, 38), а также обмотанное проволокой (2, 30). Есть и некоторые другие формы височных колец, на которых мы остановимся ниже.

С дрогичинскими украшениями сходны витые перстни с петлевидными окончаниями (рис. 2, 6, 26) и браслеты таких же форм (2, 39)²³. Отметим также идентичность подковообразных пряжек Дрогичина и каменных могил (рис. 2, 1, 37). Прибалтийские по своему происхождению, пряжки этого типа в XII в. стали составной частью древнерусского убора²⁴. Некоторые украшения из каменных могил не имеют параллелей в Дрогичине, но и они принадлежат к древнерусским изделиям, которые, вероятнее всего, могли попасть к окрестному населению через посредство этого города. Таково многобусинное височное кольцо с напускными гладкими и ажурными бусинами (рис. 2, 27). Аналогию ему укажем среди находок Луцка²⁵.

В могильнике у с. Рогавка найдено височное кольцо со сцепленными окончаниями (рис. 2, 29). Подобное кольцо встречено в курганном могильнике вблизи Новогрудка²⁶, который датируется временем не позднее XI в. К русским древностям относятся загнутоконечные пластинчатые браслеты (рис. 2, 40)²⁷. Отметим также зерненные бусы — характерные украшения дреговичей. Они встречены в могильниках Бацки Дальние, Корневка и др.²⁸ Из могильника Чарна Велька происходит бронзовая плетеная гривна с окончаниями в виде полых трубочек. Такие гривны, по мнению исследователей, выделялись на Волини²⁹. К древнерусским изделиям относятся разнообразных крестиков, найденные в каменных могилах (рис. 2, 31—33, 35).

В каменных могилах Подляшья нередко встречаются пряслица из розового шифера (рис. 2, 28), вывезенные из Руси и несомненно попавшие в эти погребальные памятники через Дрогичин, где они встречены в значительном количестве (рис. 2, 30)³⁰.

При сопоставлении вещевого инвентаря Дрогичина и каменных могил обращают на себя внимание находки в могилах характерных горшков, получивших в литературе наименование «горшков дрогичинского типа». В Лужках они составляют 90%, в Невядоме — 40%, а в Неверово-Сохе — 55% всей погребальной керамики. Горшки дрогичинского типа — это сосуды с отогнутым венчиком, короткой, резко отделенной от тулова шейкой и орнаментом, который нанесен не только по тулову, но и по шейке сосуда (рис. 2, 42, 43, 45). Однако большая часть таких горшков из каменных могил отличается от собственно дрогичинских (рис. 2, 24) более грубым тестом и худшей выработкой³¹. К. Мусянович видит в горшках дрогичинского типа, найденных в указанных могильниках, продукцию сельских гончаров³². Что касается керамики из могильника Неверово-Сохи, то, по мнению К. Мусянович, она имеет локальные особенности, характерные для того района, где находится могильник³³.

С XII в. Дрогичин стал крупным керамическим центром. Наряду с другой посудой здесь вырабатывались и горшки дрогичинского типа. Часть этих сосудов проникала за пределы Дрогичина. В то же время в Подляшье и Восточной Мазовии местные гончары изготовляли горшки, представлявшие собой подражания горшкам дрогичинского типа³⁴.

Если согласиться с мнением К. Мусянович, что горшки дрогичинского типа происходят из Мазовии³⁵, то их распространение как в Дрогичине, так и остальном Подляшье следовало бы связывать с появлением мазовецкого населения, оставившего каменные могилы XII в. В этом случае более ранние формы этой керамики следовало бы искать на территории Мазовии. Однако там до сих пор не найдены даже горш-

ки древнее XII в. Ранние же формы горшков этого типа (X—XI вв.), как показала М. В. Малевская, встречены на территории Подляшья и юго-западной Волины³⁶. В свете наблюдений М. В. Малевской данная керамика в Подляшье может рассматриваться как дальнейшее развитие местной, более ранней формы сосудов подобного типа, а в Восточной Мазовии — как принесенная из соседнего Подляшья и его керамического центра Дрогичина.

Горшки дрогичинского типа в могилах мазовецких пришельцев могли быть продукцией самих мазовшан. Они могли быть также изготовлены в дрогичинском округе местными гончарами, воспроизводившими ведущий тип керамики Дрогичина XII и XIII вв. Возможно, что в отдельных каменных могилах были горшки дрогичинского типа из самого города. В любом случае эти горшки каменных могил Подляшья составляют еще одну группу вещей, связывающих культуру этих памятников с местной культурой Подляшья, в первую очередь с культурой Дрогичина.

Таким образом, Дрогичин был не только административным и ремесленно-торговым городом для мазовецкого населения Подляшья. Под его воздействием, по-видимому, в XII и XIII вв. происходит постепенное слияние пришлого западнославянского и местного древнерусского населения, что проявляется в инвентаре каменных могил Подляшья, заметно отличающемся от вещевых находок аналогичных памятников Мазовии.

Нам неизвестно, что представляли собой могильники дрогичинских горожан. Отметим, что каменные могилы известны под Мельником — другим древнерусским городом на Буге³⁷ — и под Бельском, в округе которого имеется группа памятников интересующего нас типа и в их числе уже упоминавшийся могильник у с. Курашево. Есть основание полагать, что дрогичинцы, в первую очередь его жители западнославянского происхождения, тоже имели на территории города или в непосредственной близости от него свое кладбище, состоявшее из каменных могил того типа, который характерен для Подляшья.

Можно предположить, что, кроме Дрогичина, в процессе слияния западнославянского и местного населения сыграли роль и другие древнерусские города Подляшья — Мельник и Бельск.

¹ *Musianowicz K.* Granica mazowiecka-drehowicka na Podlaśiu we wczesnym średniowieczu.— *Materiały wczesnosredniowieczne*, 1960, V, s. 191—194.

² *Rauhut L.* Wczesnosredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu.— *Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne*, t. 1. Wroc'aw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 435—486.

³ За последнее время на территории Подляшья исследованы курганы с каменно-земляными насыпями, причем обряд трупосожжения в этих курганах, верхняя хронологическая граница которых относится к XIV—XV вв., существует очень долго. Автор раскопок находит аналогии этим курганам в Литве. См.: *Chilmon K.* Badania wykopaliskowe wczesnosredniowiecznych kurhanow w Czarne Wielkiej i Czarne Cerkownej pow. Siemiatycze.— *Sprawozdania archeologiczne*, 1974, XXVI, s. 301—315.

⁴ *Авенариус Н. П.* Дрогичин Надбужский и его древности.— *МАР*, 1890, 4, с. 24.

⁵ *Musianowicz K.* Drohiczyn we wczesnym średniowieczu.— *Materiały wczesnosredniowieczne*, VI. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1969, s. 223.

⁶ *Rauhut L.* Wczesnosredniowieczne cmentarzyska..., s. 451.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 35 79/1910, л. 106—113.

⁸ *Musianowicz K.* Przyczynki do osadnictwa mazowieckiego na Podlasiu w XII—XIII wieku.— *Światowit*, 1955, XXI, s. 247—265.

⁹ *Rauhut L.* Nowe odkrycia grobów ciałopalnych na cmentarzyskach wczesnosredniowiecznych w obudwach kamiennych na Mazowszu i Podlasiu.— *Wiadomości archeologiczne*, 1973, XXXVIII, 2, s. 363, 364.

¹⁰ *Jaskanis D.* Materiały z badań wczesnosredniowiecznego cmentarzyska z gróbbami ciałopalnymi z okolic Kuraszewa w pow. Hainowka.— *Rocznik Białostocki*, 1966, VI, s. 244—252.

¹¹ *Rauhut L.* Wczesnosredniowieczne cmentarzyska..., s. 457.

¹² *Musianowicz K., Zawadzka B.* Wczesnosredniowieczna osada w Ogrodnikach pow. Siemiatycze.— *Wiadomości archeologiczne*, 1961, XXVII, 2, s. 169.

- ¹³ *Rauhut L. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska...*, s. 481, 482.
- ¹⁴ Архив ЛОИА, ф. 35 89/1911, л. 132, 138.
- ¹⁵ *Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu*, s. 225.
- ¹⁶ *Тимофеев Е. И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.— СА, 1961, № 3, с. 69.
- ¹⁷ *Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w Państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie.— Materiały wczesnośredniowieczne*, 1960, V, tabl. XXI, 9.
- ¹⁸ *Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu*, s. 189, 191.
- ¹⁹ *Левашева В. П.* Височные кольца.— Труды ГИМ, 1967, 43, с. 16.
- ²⁰ Там же, с. 19, рис. 3, 4.
- ²¹ Там же, с. 36, 37. Коллекция Н. А. Редько хранится в ОИПК ГЭ, колл. № 735.
- ²² Вещи из могильника Рогавка хранятся в ОИПК ГЭ, колл. № 738.
- ²³ *Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu*, s. 193.
- ²⁴ *Ворониц Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41, рис. 31, 6; *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Помеманья. Л., 1962, рис. 98, 13; *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. Минск, 1975, рис. 14, 4.
- ²⁵ *Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiały...*, tabl. X, 12.
- ²⁶ *Павлова К. В.* Раскопки могильника вблизи Новогрудка.— КСИА, 1965, 104, с. 105, рис. 38, 2.
- ²⁷ *Левашева В. П.* Браслеты.— Труды ГИМ, 1967, 43, с. 235, 236, рис. 30, 4.
- ²⁸ *Авенариус Н. П.* Дрогичин Надбужский., с. 24.
- ²⁹ *Gorska I. Wczesnośredniowieczny naszyjnik srebrny ze wsi Czarna Wielka, pow. Siemiatycki.— Rocznik Białostocki*, 1970, IX, s. 396—399.
- ³⁰ *Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu*, s. 193.
- ³¹ *Musianowicz K. Materiały i problematyka lokalnych grup wczesnośredniowiecznej ceramiki Podlasia.— Swiatowit*, 1962, XXIV, s. 594—596, 600.
- ³² *Ibid.*, s. 596.
- ³³ *Musianowicz K. Przyczynki do osadnictwa...*
- ³⁴ *Musianowicz K. Materiały i problematyka...*, s. 602—606.
- ³⁵ *Ibid.*, s. 606.
- ³⁶ *Малевская М. В.* О некоторых исторических связях городов Черной Руси (по материалам керамики).— Тезисы докладов на конференции «Этногенез белорусов». Минск, 1973, с. 39.
- ³⁷ *Rauhut L. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska...*, s. 334.

Л. Г. ПАНИЧЕВА

ПОЛОЦКАЯ АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАТИВНАЯ КЕРАМИКА XIV—XVII ВВ. *

К одной из наиболее многочисленных групп находок, характеризующих материальную культуру белорусского позднесредневекового города, относится архитектурно-декоративная керамика. Наши сведения об этом важном источнике изучения материальной культуры и надежном датированном материале явно недостаточны. Так, до сих пор не разработана типология позднесредневековых белорусских изразцов, их хронологическая классификация. В связи с этим возрастает ценность каждой находки изразцов.

Исследованию одной из новых коллекций изразцов посвящается эта статья. Рассматриваемые материалы получены летом 1976 г. при раскопках древнего Полоцка архитектурно-археологической экспедицией под руководством П. А. Раппопорта. За полевой сезон было обнаружено более 130 фрагментов изразцов, относящихся в основном к XIV—XVII вв. Полоцкие изразцы этого времени довольно разнообразны по размерам, конструкции румпы, лицевой пластины и ряду других признаков, позволяющих разделить архитектурно-декоративную керамику Полоцка на две большие группы. Первая группа представлена горшкообразными изразцами, вторая — изразцами с прямоугольными лицевыми

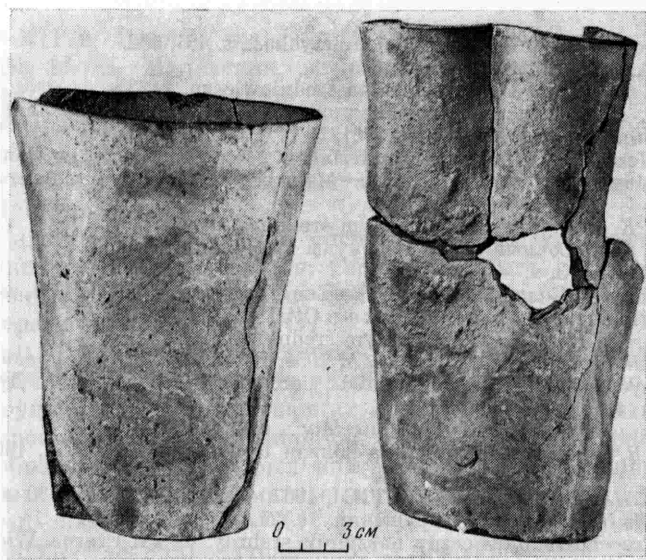

Рис. 1. Горшкообразные изразцы

пластинами. Внутри обеих групп по более частным признакам изразцы подразделяются на разновидности.

Самыми ранними среди обнаруженных в Полоцке являются горшкообразные изразцы¹. Все они изготовлены из красножгущейся делювиальной глины. Цвет, приобретаемый изразцом после обжига, зависит от содержания в глине солей извести и окиси железа. Обычно горшкообразные изразцы по своим конструктивным особенностям делятся на несколько разновидностей: с круглым, крестовидным, треугольным, сердцевидным и прямоугольным устьем. В Полоцке в одном комплексе обнаружены изразцы с круглым и крестовидным устьем (рис. 1). Изразцы с круглым устьем полностью выделаны на гончарном круге. Из одного куса глины вытягивается высокий (до 19—20 см) сосуд цилиндрической формы, слегка расширяющийся от доньшка (диаметром около 9 см) к устью. Толщина его стенок 0,6 см. Изразцы с крестообразным устьем изготавливались иначе. Когда тулово изразца было готово, гончарный круг останавливался и устье доформовывалось вручную, по всей вероятности, с помощью шаблона соответствующей формы. Иногда стенки изразца покрывались рифлением², а обращенная к зрителю сторона донца — простейшим рельефным орнаментом в виде концентрических кругов. Такие изразцы укреплялись в облицовке печи устьем наружу и служили своего рода калориферами, нагнетающими в помещение тепло³. Вначале в печную облицовку вмазывали небольшое количество изразцов, и лишь позже из них стали делать облицовку всей печи. Печи имели прямоточную систему отопления и были довольно простой прямоугольной или круглой формы⁴.

Среди горшкообразных изразцов наиболее ранними являются изразцы с цилиндрическим туловом и круглым устьем. По западноевропейским аналогиям они могут быть датированы XIV—XV вв.⁵ Несколько позднее, не ранее первой половины XV в., появились горшкообразные изразцы с различной моделировкой устья. В Полоцке они представлены изразцами с крестовидным устьем.

В конце XV — начале XVI в. широкое распространение получил новый тип изразцов с прямоугольными лицевыми пластинами⁶. Эти изразцы, представляющие вторую большую группу архитектурно-декоративной керамики, в отличие от горшкообразных, имели не только утилитарное

назначение, но, отвечая эстетическим требованиям своего времени, служили украшением интерьера. Они были широко распространены на территории всей Белоруссии, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты изразцов, обнаруженные при археологических раскопках белорусских городов.

Изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами, так же как и горшкообразные, изготавливались из красножгущейся железисто-известковой пластичной глины с отощающей примесью песка. Деревянные формы, в которых оттискивались лицевые пластины изразцов, также посыпались песком, что должно было облегчать извлечение из них готовых изделий.

Изразцы рассматриваемой группы приблизительно поровну делятся на неглазурованные и глазурованные. Наиболее распространенными были глазури всех оттенков зеленого цвета на основе окиси меди. Значительно реже употреблялись коричневые и желтые глазури на основе окиси железа. Обнаружен небольшой фрагмент полихромного изразца, покрытого зеленой, желтой и синей эмалью. Говоря о глазурах, необходимо отметить следующий любопытный факт: на десяти фрагментах изразцов глазурь нанесена по белому ангобу. До сих пор находки ангобированных изразцов не были известны на территории Белоруссии.

По своему месту в печной облицовке изразцы делятся на стальные, или «зеркальные», фризовые, угловые и городки. Такое многообразие формы изразцов с прямоугольными лицевыми пластинами говорит о том, что изменение конструкции изразца позволило усовершенствовать и усложнить форму печи, ставшей к XVII в. нарядным архитектурным сооружением⁷. Западноевропейские, а для XVII в. — также украинские и русские аналогии дают возможность представить облик полоцких средневековых печей⁸. Они были прямоугольными в плане. Примерные их размеры 100×100 см. Печь могла состоять из двух-трех ярусов, отделенных друг от друга фризами и сложнопрофилированными карнизами. Верх печи часто украшался одним или несколькими изразцами в виде антефиксов — архитектурных украшений в форме пальметты или щита с рельефным орнаментом (рис. 2, а)⁹. Иначе этот вид изразцов называют городками, или коронками. Число изразцов в печной облицовке могло достигать нескольких сот. Их лицевые пластины отличались большим разнообразием орнаментальных мотивов, характерных для того или иного стиля, господствующего в определенный период в общеевропейском искусстве.

По композиции орнамента изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами легко разделить на следующие группы: с мотивами геометрическими, растительными, геральдическими и эпиграфическими. Найдены также два фрагмента очень интересных неполивных изразцов с рельефом сюжетного характера. На углубленной (1,5 см от края изразца) лицевой пластине нечетким смягченным рельефом довольно схематично изображен обнаженный флейтист (рис. 2, в). Сюжет изображения был позаимствован из античной мифологии, что являлось обычным для эпохи Ренессанса; углубленная же лицевая пластина характерна для поздней готики. Это дает основание датировать изразцы с изображением флейтиста концом XV — первой половиной XVI в., так как именно в это время в искусстве продолжали сказываться наряду с рождающимися традициями Ренессанса традиции готического стиля.

Изразцы с геометрическими орнаментальными мотивами немногочисленны и представлены в основном неполивными. Их орнамент в виде ов, прямоугольников, розеток довольно прост и наиболее часто встречается на фризовых и карнизных изразцах (рис. 2, б). По польским аналогиям изразцы этой орнаментальной группы датируются XVI в.¹⁰ Важно отметить, что в их рельефах сочетаются характерные готические элементы (например, четырехлепестковая розетка, выполненная, судя по углублен-

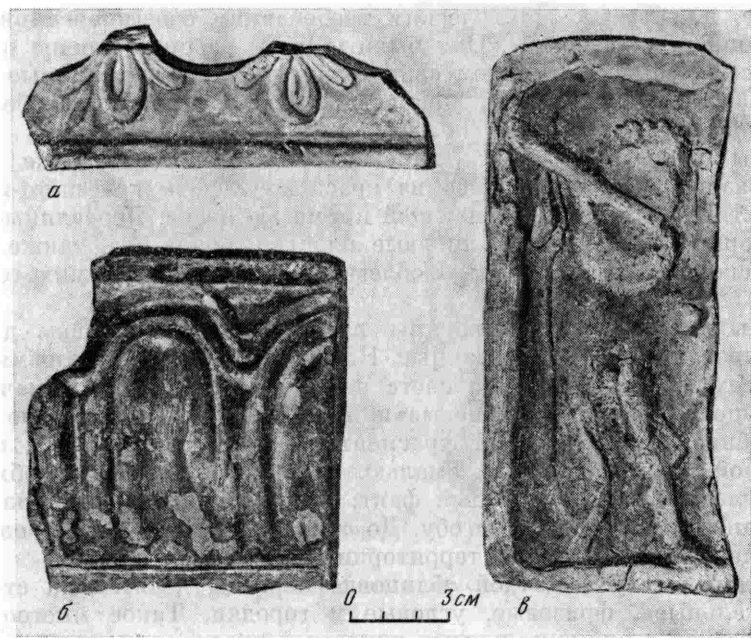

Рис. 2. Изразцы с прямоугольными лицевыми пластинами

а — коронка; б — изразец с геометрическим орнаментом; в — изразец с изображением флейтиста

ному рельефу, штампом) и элементы античной архитектурной орнаментики (ряды ов или иоников) популярной в эпоху Ренессанса¹¹.

Следующая и самая многочисленная группа полоцких изразцов с растительным орнаментом представлена неглазурованными и глазурованными экземплярами. Часто встречаются поливные и неполивные изразцы с совершенно идентичным орнаментом. Это позволяет предполагать, что изразцы изготавливались в одних и тех же формах, но часть продукции не покрывалась глазурью и была дешевле. Возможно также, что в одной печной облицовке одновременно могли использоваться и неглазурованные и глазурованные изразцы. Такой прием оформления печей известен на территории Белоруссии¹². На многих изразцах отсутствует рамка, оконтуривающая лицевую пластину с рельефом законченного характера или с сюжетным изображением. Следует отметить, что не только полоцким, но и вообще белорусским изразцам почти не присуща сюжетность изображений, в то время как, например, в орнаментике русских изразцов батальные сцены и сцены из народной жизни, сказочные образы были очень популярны¹³. Лицевые пластины полоцких безрамочных изразцов делятся изящно изогнутыми рельефными линиями, плоскость между которыми используется максимально. Узкий невысокий рельеф этих изразцов чаще всего изображает вазу, явно античную по форме, с букетом самых разнообразных, иногда несколько стилизованных цветов (рис. 3, г), или стилизованные виноградные гроздья — древний символ христианства (рис. 3, д). Орнамент выполнен по принципу четырехчленной симметрии. Печь, декорированная такими изразцами, выглядела очень эффектно, напоминая своим ритмически повторяющимся рисунком восточный ковер¹⁴. Аналогичные изразцы приобрели с первой половины XVII в. большую популярность на территории всей Европы¹⁵.

В орнаментике рамочных полоцких изразцов использовались пышные стилизованные растительные мотивы с затейливыми завитками, причуд-

Рис. 3. Изразцы с растительным орнаментом (а — д)

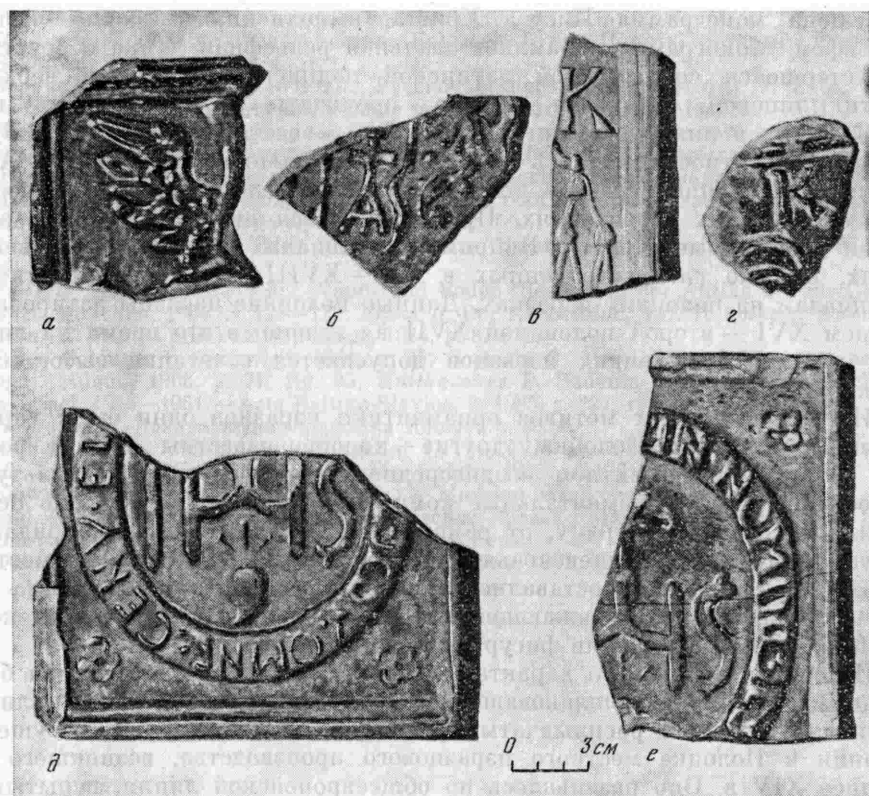

Рис. 4. Изразцы с геральдическим орнаментом (а — з) и с монограммами (д, е)

ливыми побегами, характерными для барочного стиля середины — второй половины XVII в. (рис. 3, в). Был распространен также и орнамент в виде стилизованных листьев аканта (рис. 3, а, б).

Изразцы с гербами и геральдическими мотивами (рис. 4, а—г) представлены незначительными по размеру фрагментами, и это пока не позволяет достаточно достоверно определить их принадлежность. Можно только предполагать, что на одном неполивном и на нескольких глазурованных изразцах, обнаруженных при исследовании храма-усыпальницы, изображен на двудольном геральдическом щите герб полоцких епископов (рис. 4, б). Представляют интерес два изразца с монограммами (латинская буква К) — вероятно, инициалами или сокращенным гербовым девизом (рис. 4, в, г). Датируются эти изразцы концом XVI—XVII вв.: именно для этого периода характерно усложнение гербового щита, который делится на две, четыре, а иногда и более долей, а вокруг щита появляются инициалы или девиз владельца герба¹⁶. К этой же группе с геральдическими орнаментальными мотивами относится небольшой фрагмент зеленого глазурованного изразца с изображением распростертого крыла орла, представленного в геральдической позе (рис. 4, а). По всей вероятности, на груди орла помещался герб. Рельеф изразца с тщательной трактовкой деталей оперения почти аналогичен изразцу из копысской коллекции, датированному концом XVI — первой половиной XVII в.¹⁷ Изразцы с геральдическими изображениями орлов, значительно отличающиеся по своей иконографии от полоцких, применялись в прибалтийских странах, Польше, Германии¹⁸.

В отдельную группу следует выделить неглазурованные и глазурованные рамочные изразцы, лицевые пластины которых содержат только латинские надписи. Все они изготовлены в одной форме и, по всей вероятности, составляют облицовку одной печи. В центре лицевой пластины помещена монограмма Иисуса Христа, выполненная высоким четким рельефом. Монограмму обрамляет овальная рельефная рамка с нечеткой полустершейся сокращенной латинской надписью. В правой верхней части лицевой пластины можно прочесть *in nomine* — во имя (рис. 4, е); в нижней части — *omne genv* — всетворящего (рис. 4, д)¹⁹. По всей вероятности, надпись заключала восхваление имени Христа. Аналогии этой группе изразцов неизвестны ни в Белоруссии, ни на соседних европейских территориях. Правда, имеются иконографические аналогии монограмме Христа. Например, инициалы Христа на лвовских вотах, широко распространенных в XVI—XVIII вв., почти идентичны инициалам на полоцких изразцах. Данные полоцкие изразцы датированы концом XVI — второй половиной XVII в.: именно в это время на лицевых пластинах полоцких изразцов допускается сочетание высокого и низкого рельефа²⁰.

Из рассмотренных мотивов орнаментики изразцов одни были характерны только для Полоцка, другие — хорошо известны всей Европе, что объясняется развитием позднесредневековой европейской культуры по общей линии. Орнаментальные композиции и сюжеты свободно перешли из страны в страну, от ремесленника к ремесленнику, придавая искусству позднего средневековья общеевропейский характер. Разумеется, образцы орнаментов не оставались неизменными, подвергаясь иногда коренной переработке, выражающейся в создании качественно новых композиций, ином размещении фигур на плоскости изразца.

Исходя из локального характера орнаментики, а также наличия бракованных изразцов с ошлаковавшейся глазурью, покоробленными лицевыми пластинами и расплывчатым рельефом, можно говорить о существовании в Полоцке местного изразцового производства, возникшего не позднее XIV в. Оно развивалось по общеевропейской линии, испытывая влияние различных стилей: на раннем этапе — готики, а затем Ренессанса и барокко.

- * Доклад, прочитанный в секторе славяно-финской археологии 9 февраля 1977 г.
- ¹ Найдены в деревянном сооружении, примыкавшем к княжескому терему, в развале печи.
 - ² Среди бытовых сосудов XIV — начала XVI вв. также встречаются экземпляры с рифлением. См.: *Hughes G. B. English and Scottish earthenware 1660—1860.* London, 1961, pl. 1; *Palme P. Svensk keramik.* Stockholm, 1965, s. 10, bild. 3.
 - ³ В Западной Европе применялись также изразцы с полусферическим дном, обращенные устьем в сторону огня. См., например: *Steininger H. Die mündzdatierte Keramik des Mittelalters und der frühen Neuzeit in Osterreich.* Wien, 1964, S. 43, 143, Taf. 5.
 - ⁴ *Смирнов Г. Д.* Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхоя. — Известия Молд. ФАН СССР, 1956, № 4, с. 81.
 - ⁵ *Franz R. Der Kachelofen.* Graz, 1969, S. 19—20, 63—67; *Tunzelman H. Die alte einheimische Kachelkunst und die ofenkacheln im Rigaer Dommuseum.* Riga, 1933, S. 5, Abb. 1; *Swiechowska A. Kafle warszawskie. Szkice staromiejskie.* Warszawa, 1955, s. 164—165; *Nekuda V., Reichertova K. Středoveka keramika v Cechach a na Morave.* Brno, 1968, s. 125; *Voit P., Holl I. Alte ungarische Ofenkacheln.* Budapest, 1963, S. 6, 7.
 - ⁶ В основной массе обнаружены на территории б. Евфросиньева монастыря, несколько восточнее храма-усыпальницы, вне комплекса.
 - ⁷ К XVII в. усовершенствовалась и конструкция обогревательной системы печи. Вместо печей с прямой системой отопления появились керамические печи с четырьмя — шестью жаровыми колодцами. См.: *Спегальский Ю. П.* О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове). — КСИА, 1968, 113, с. 75.
 - ⁸ *Savage G. Pottery through the Ages.* London, 1959, p. 43; *Forrer R. Geschichte der europäischen Fliesen-Keramik.* Strassburg, 1901, S. 79; *Franz R. Der Kachelofen,* S. 70—116; *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии, 1956, XXXI, с. 410—414; *Туз А. А.* Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966, с. 79, 166, рис. 44.
 - ⁹ Керамическое производство и античные строительные материалы. — САИ, вып. Г1—20, 1966, с. 133, табл. 34, 1—6; *Osman R. Rostem. The Architecture of Mosque of Sultan Hasan.* Beirut, 1970, p. 25, pl. 4.
 - ¹⁰ *Swiechowska A. Kafle warszawskie,* s. 166.
 - ¹¹ *Соколова Т.* Орнамент — почерки эпохи. Л., 1972, с. 21, 41.
 - ¹² *Паничава Л.* Декоративная керамика Копысі. — В кн.: Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 3. Менск, 1974, с. 51.
 - ¹³ *Воронов Н. В.* Изразцы. — В кн.: Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962; *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы. — МИА, 1971, № 167, с. 37, рис. 5, 5; *Лаврова О.* Рельефные изразцы с сюжетами. — Труды Этнографо-археологического музея I МГУ, 1928, 4; *Иванов А. И.* Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930.
 - ¹⁴ Принцип построения «коврового» орнамента был издавна известен в странах Востока и, вероятно, оттуда проник в Европу (см.: *Aslanapa O. Turkish Arts. Seljuk and Ottoman Carpets, Tiles and Miniature Paintings.* Istanbul, 1964, p. 87—108, pl. 1—15).
 - ¹⁵ *Fliesen. Eine Geschichte der Wand- und Boden-fliesen von der Antike bis zur Gegenwart.* München, 1964, S. 128—129; *Franz R. Der Kachelofen,* Taf. 7; *Volkaite-Kulikauskienė R. Punios piliakalnis.* Vilnius, 1974, p. 8, a, b.
 - ¹⁶ *Orbis Polonus, I. Cracoviae,* 1641, s. 95; *Scavizzi G. Maioliche del Rinascimento ad oggi.* Milano, 1966, p. 77, fig. 35; *Kulikauskas P. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961.* — Acta Baltico-Slavica, 2, 1965, s. 227, rys. 17.
 - ¹⁷ *Паничава Л.* Декоративная керамика Копысі, с. 49.
 - ¹⁸ *A. Tautavicius. Vilniaus pilies kakliai (XVI—XVII a.).* Vilnius, 1969, p. 23, pav. 41, 42; *Zubrzycki J. S. Kaflarstwo Polskie.* Lublin, 1915, tabl. 7; *Gumowski M. Kafle średniowieczne w Muzeum Wielkopolskim.* — Muzeum Wielkopolskie w Poznaniu, 3, 1928, tabl. 4; *Forrer R. Geschichte der europäischen Fliesen-Keramik.* Strassburg, 1901, S. 73.
 - ¹⁹ Geny. — сокращение, очевидно, от лат. genetivus.
 - ²⁰ *Oleżki I. Wota lwowskie.* — Polska sztuka ludowa, 1973, 37, s. 24, il. 31.

ПУБЛИКАЦИИ

К. И. КРАСИЛЬНИКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГОНЧАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
В САЛТОВСКОЕ ВРЕМЯ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

Средневековые археологические памятники бассейна Северского Донца изучены неравномерно¹. Так, в среднем течении Северского Донца, ниже р. Оскол, до настоящего времени с помощью раскопок не изучалось ни одно поселение того периода, в то время как разведки выявили здесь много памятников салтовской культуры, в особенности по берегам рек Красная, Боровая, Айдар, Евсуг, Ковсуг, Теплая, Деркул. Среди известных памятников особое место занимает селище у с. Рогалик Станично-Луганского р-на Ворошиловградской обл. Первые сведения о нем сообщены С. А. Локтюшевым², позже были только сборы материалов, но какие-либо исследовательские работы здесь не производились. В связи с тем, что территория селища длительное время подвергается глубокой вспашке, создалась реальная угроза дальнейшего разрушения культурного слоя и размыва площади селища образовавшимися оврагами. Это послужило причиной проведения спасательных работ 1974—1975 гг.

Селище расположено в 300 м к западу от с. Рогалик, общая протяженность его по линии север — юг 700 м, по линии восток — запад — 200—250 м. Северная и южная стороны поселения имели укрепления — рвы. Они были как бы продолжением балок, выровненных и удлиненных древними жителями (рис. 1). Восточная часть поселения имела уклон от 8 до 15° к пойме р. Евсуг, на западной не обнаружено пока никаких признаков сооружений оборонительного характера. Культурные отложения селища отчетливо прослеживаются по всей площади, в особенности в обнажениях оврагов.

Исследование было начато в северной части селища. Здесь обнаружено 16 жилищ, 9 из них раскопано. Среди изученных сооружений особого внимания заслуживает гончарная мастерская, находящаяся на северо-западной окраине селища. Раскоп заложен там, где выделялось наибольшее скопление обожженной глины. Пять кругов, остатков обжигательных камер, прорисовывались после снятия пахотного слоя.

Остатки гончарных печей салтовского времени впервые были обнаружены в 1927 г. на Левобережном Цимлянском городище³. В более удовлетворительном состоянии, правда без сохранившихся верхних частей, открыты печи на Суворовском поселении⁴. Можно отметить еще один пункт, где обнаружена и раскопана гончарная печь. Это Ютановское селище на правом берегу р. Оскол (работы А. Г. Николаенко)⁵. Но и здесь обжигательная камера была разрушена, что, к сожалению, не позволило исследователю определить четкую конструкцию печи. Наконец, в 1974 г. на р. Деркул у с. Подгаевка были раскопаны остатки

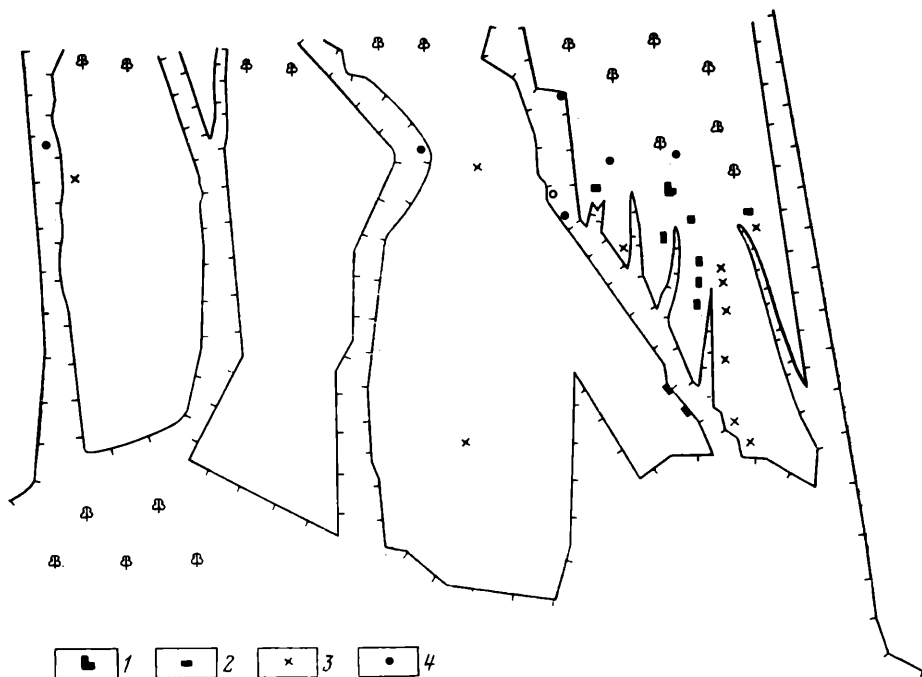

Рис. 1. Схематический план селища у с. Роголик

1 — гончарная мастерская; 2 — раскопанные жилища; 3 — места обнаруженных жилищ; 4 — выходы подпочвенных вод в настоящее время

гончарной мастерской, что позволило уточнить наши представления об устройстве и производственных возможностях печей⁶.

Мастерская на селище Роголик значительно дополняет сведения о керамическом производстве салтовцев. Она состояла из двух частей — восточной и западной, соединенных между собой коридором шириной 1,5 м и длиной 2 м. Общая длина комплекса 16 м, наибольшая ширина 13 м (рис. 2). Контуры мастерской стали видны уже после снятия верхнего пахотного слоя (20—25 см). На глубине 35—40 см открылась в восточной части мастерской большая (8×6 м) площадка. На ней находился очаг открытого типа, ооконтуренный невысоким глинобитным валиком. Стенки валика и под очажка одинаково сильно прокалены. Рядом с очагом открыт целый горшок, специально вмонтированный в пол. Венчик горшка находился на одном уровне с площадкой. На площадке зафиксированы пятна глины, а также несколько ям глубиной 20—30 см, диаметром 10—20 см. Некоторые ямки — остатки опорных столбов крыши, другие, вокруг которых сохранились следы обожженного пола, видимо, были местами закрепления стоек гончарных кругов.

Вдоль юго-восточной границы площадки размещены три ямы. Яма I — у восточной стенки, диаметр 1,8 м, глубина 40 см, дно ровное, заполнение — глина. Вероятно, яма была предназначена для замеса или хранения специальной гончарной глины. Яма II — в 2 м к югу от первой, эллипсоидной формы, размеры 2,1×1,9 м, глубина 1,6 м. Стены этой ямы-колодца насыщены и глубоко пропитаны известковыми солями подпочвенных вод. По мнению геологов, здесь, внутри мастерской, был естественный источник воды⁷. Яма III — наибольших размеров: диаметр 2,7 м, глубина 2,1 м, открыта в южной стороне за пределами площадки, глубоко врезалась в слой песка. Вероятно, она образовалась в результате выборки песка, используемого при строительстве печей, но главным образом в производстве посуды как компонент глины.

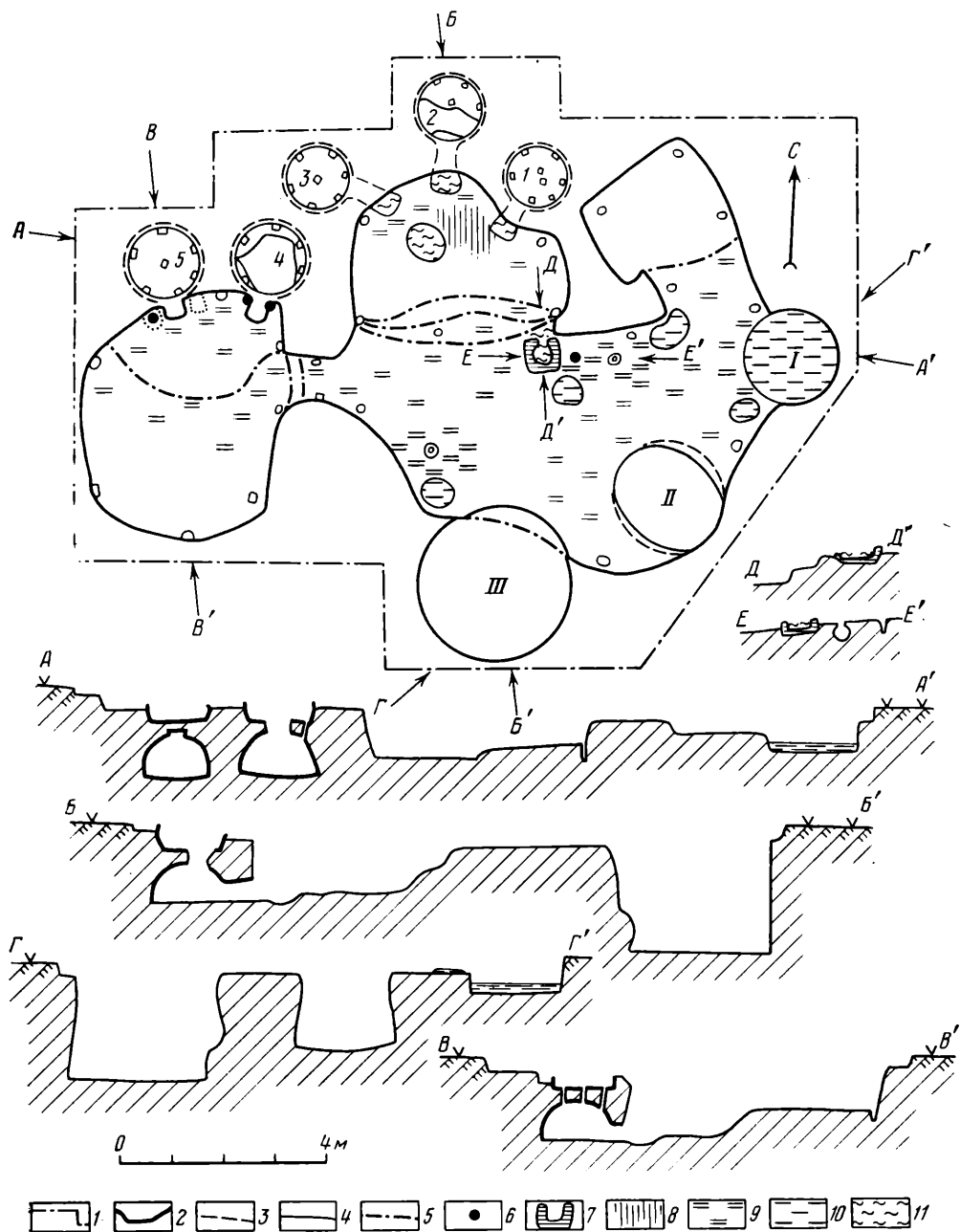

Рис. 2. План и разрезы мастерской

- 1 — границы раскопа; 2 — границы гончарной мастерской; 3 — контуры топочных камер; 4 — контуры обжигательных камер; 5 — ступеньки; 6 — сосуды; 7 — очаг открытого типа; 8 — место скопления керамики; 9 — обожженная площадка; 10 — скопления сырой глины; 11 — зола

Севернее площадки пло ступенчатое понижение до глубины 1 м. Здесь исследован второй горизонт восточной части мастерской — предпечная площадка. Общая для трех печей площадка имела непосредственно у жерл топков четыре углубления — три припечные зольные ямы глубиной 10—15 см и диаметрами около 40—50 см и одну яму несколько больших размеров в центре предпечной стенки. Стенки ям сохранили

следы глубокой прокаленности — видимо, в них выгребали из печей еще горячую золу.

Залегание находок здесь выглядит следующим образом. Верхний слой заполнения толщиной 0,6 м сложен из песчанистого наносного грунта, в котором изредка попадались мелкие обломки керамики, кости животных. Нижний слой толщиной 0,4 м, в особенности у печей, насыщен золой, кусками горелых бревен, битой керамикой, при разборе которой обнаружено несколько развалов горшков. Последние лежали на полу в одном месте, почему создается впечатление, что когда-то горшки были брошены на предпечную площадку.

В северной части мастерской находились три печи для обжига керамики. Жерла располагались полукругом в северо-восточной, северной и северо-западной стенках мастерской. Топочные камеры, врезанные в материк, сооружались с учетом выбора наиболее плотной породы грунта⁸.

Печь 1 имела жерло топки овальной формы, сооруженное перпендикулярно северо-восточной стенке, размеры его $0,9 \times 0,4 \times 0,35$ м. Общая длина горна по продольной оси жерла и топочной камеры 1,9 м. Основание топочной камеры — правильной круглой формы, диаметром 1 м. Свод сферический, с восемью продухами, высота 0,6 м. Он врезан в останце и обмазан с внутренней и наружной сторон слоем глины толщиной 4—6 см. Судя по сохранившимся на стенках следам, печь неоднократно ремонтировалась. Было установлено, что первоначально обмазка наносилась лопатковидным инструментом, а ремонтные подмазки произведены рукой и глиной другого состава. Топка заполнена золой, вероятно, оставленной после последней эксплуатации печи. Сверху над топкой находилась обжигательная камера, сооруженная как наземная конструкция со стенками, толщина которых достигала 10 см. Тот факт, что стенки камеры упали вовнутрь, свидетельствует о сфероконической форме верхней части печи. Диаметр обжигательной камеры составляет 0,85 м.

Печь 2 (рис. 3, А) имела топочную камеру, углубленную в материк на 1,05 м. Общая длина горна по продольной линии 2,2 м. Камера в плане правильной круглой формы, диаметр ее 1,15 м, высота свода 0,6 м. Перегородка между камерами сооружена из останца, обмазанного глиной, общая толщина 20 см. В ней сохранились пять продухов, все — у самой стенки обжигательной камеры. Продухи прямоугольные (8×6 см), со следами глиняной обмазки внутри. Свод обжигательной камеры уцелел на $\frac{2}{3}$ высоты, благодаря тому что она была вырезана в плотном материковом грунте, а стены ее были обмазаны глиной, причем толщина обмазки достигала 4 см. Вне грунта был только верх, который при разрушении упал вовнутрь.

В отличие от печи 1, в момент гибели мастерской печь 2 была в рабочем состоянии, так как жерло топки было забито обуглившимися до состояния древесного угля бревнами дуба. Во входной части топки топливо сохранилось, а в топочной камере почти полностью сгорело. Очевидно, это объясняется тем, что процесс обжига был прерван внезапно. Свод верхней части печи и перегородка камер обрушены специально брошенными большими камнями. В образовавшуюся дыру топки мог свободно поступать воздух, обеспечивая дальнейшее горение. Что касается жерла, то с наружной стороны оно было засыпано обвалом сгоревшей крыши (навеса), и доступ воздуха прекратился. При тех же обстоятельствах в топку упало несколько сосудов, в огне они деформировались и оплаковались. Доказательством погрома может служить и тот факт, что в 1,5 м от печи на площадке обнаружены в разбросанном состоянии развалы горшков, видимо выброшенных из этой же печи.

В печи 2 видны следы ремонтов, в том числе капитальных, при которых выгоревшие части стен камеры забутовали глиной с арматурой (камыш и ветви лозняка). Обжигательная камера ремонтировалась таким

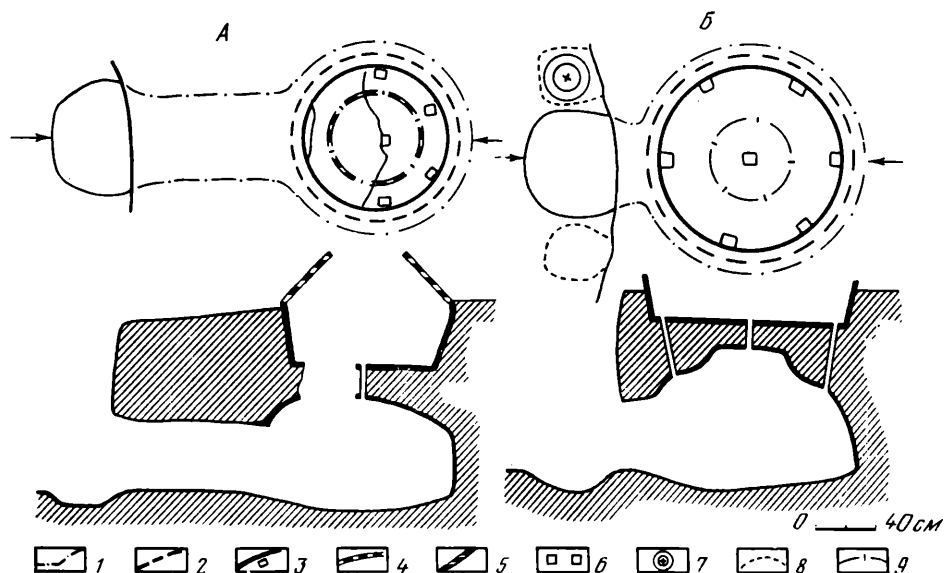

Рис. 3. Планы и разрезы печей

А — печь 2; Б — печь 5

1 — диаметры топочных камер; 2 — наибольшие контуры камеры обжига; 3 — внутренние контуры камер обжига (по основанию); 4 — диаметр верхнего отверстия горна (по реконструкции); 5 — реконструкция верхней части обжигательной камеры; 6 — продухи; 7 — сосуды; 8 — площадка под сосуды у печи 5; 9 — диаметр вогнутости свода топочной камеры печи 5

же способом не менее трех раз. Стенки камер в процессе ремонта обмазывались, вероятно, тоже рукой, как и при ремонте печи 1.

Печь 3 расположена в северо-западной стенке мастерской. Она, как и печь 2, хорошо сохранилась. Жерло топки (длина 0,75 м) располагалось в 1,3 м от жерла печи 2. Топочная камера (1×0,70 м) заполнена чистой золой. Обжигательная камера полуназемной конструкции основанием (диаметр 0,9 м) была опущена в материковый грунт на 0,45 м, верхние 0,3 м составляли наземную часть в виде толстого (10—12 см) глиняного свода. Обломки свода полностью лежали на поде обжигательной камеры. Камера была биконической, в середине высоты ее диаметр равнялся 1,1 м. Диаметр верхнего отверстия, обрамленного толстым (10—12 см) лепным валиком, — около 0,6 м.

Итак, мы видим три печи с общим для них признаком — удлиненными жерлами топочных камер. Такая конструкция указывает на техническую продуманность. По-видимому, мастеров побуждала необходимость создать в топке большую тягу за счет удлинения жерла и одновременно вынести выходное отверстие обжигательной камеры с ее газо-дымным выбросом дальше за пределы помещения мастерской.

Мастерская была почти наземным, по всей видимости открытым, помещением без стен, в котором гончары работали в летний период. Верхняя площадка служила местом выделки и сушки горшков, в чем убеждают ямы для глины, воды, песка и две ямки с обожженными вокруг них площадками, где, вероятнее всего, могли находиться гончарные круги. Над мастерской, видимо, была только крыша (навес), от нее сохранились ямы опорных столбов и остатки сгоревшего деревянного каркаса, которые прослеживаются в виде ровного слоя золы и углей по всей площади мастерской.

В западной части мастерской было две печи (рис. 2). Разрушенные верхние части их зафиксированы уже под пахотным слоем. Здесь мастер-

ская имела вид полуземлянки, углубленной в материк на 0,7 м, с глинобитными каркасными стенами над его поверхностью. Крыша и стены опирались на массивные столбы. Ямы от них сохранились в углах полуземлянки, а куски глины от обмазки наземных частей стен и другие остатки строительных конструкций лежали в слое золы, внизу заполнения котлована. Можно полагать, что эта часть мастерской была предназначена для работы в более холодное время года. Вход в полуземлянку был с восточной стороны, он имел вид коридора с двумя ступеньками и дверью, от которой остались горелые столбы. Оба жерла топок печей выходили на одну общую предпечную площадку внутри полуземлянки, но сами печи находились за ее пределами, и над ними, возможно, были только навесы.

Печь 4 обычной двухъярусной конструкции. Жерло топки ($0,25 \times 0,6 \times 0,5$ м) врезано в северную стенку полуземлянки. Высота топочной камеры 0,8 м, диаметр 0,9 м. Но первоначально размеры топки были больше. После серии ремонтов на обмазку первого строительного яруса наложено четыре ремонтных слоя глины, толщина которых доходила до 15—20 см, а выгоревшие большие пустоты заложены крупными кусками керамики. Между топочной и обжигательной камерами была оставлена перегородка толщиной 20 см с шестью сохранившимися прямоугольными жаропроводными отверстиями. Центральная часть перегородки обвалилась внутрь топочной камеры.

Обжигательная камера повторяет форму камеры печи 3. Сохранившаяся часть ее высоты составляет 0,50—0,55 м, общая высота достигала 1 м, диаметр пода 1,1 м. С наружной стороны жерла топки стояли вверх донцами два больших горшка (рис. 4) с клеймами в виде «мальтийских» крестов (рис. 5, 1, 2).

Печь 5 (рис. 3, Б) была наилучшей сохранности. Жерло ее топки ($0,2 \times 0,6 \times 0,5$ м) врезано в северо-западную стенку. Под топки (диаметр 1,25 м) опускался ниже уровня жерла на 15 см, высота сферического свода 0,86 м. Свод и стены топочной камеры вырезаны в очень плотном материковом грунте и обмазаны белой огнеупорной глиной. Межкамерная перегородка из материка и обмазки имела толщину 20—23 см. В ней прослежено семь продухов: шесть — по краю обжигательной камеры, один — в центре. Обжигательная камера была наземной, от нее сохранилась только $\frac{1}{4}$ часть высоты. Диаметр ее пода 1,2 м. У жерла топочной камеры, как и в печи 4, находились большие горшки, перевернутые вверх дном (левый — целый, правый — разбитый). На дне горшков — крестообразные клейма, идентичные упомянутым выше.

Верхние ярусы всех пяти печей имеют одинаковую форму. Они напоминают вид двух усеченных конусов, соединенных большими диаметрами в средней части камеры. Загрузка и выгрузка печей производилась сверху в довольно широкое (0,5—0,6 м) загрузочное отверстие (рис. 3, 1).

Все печи построены технически продуманно. Это проявилось в сфероконической конструкции камер, сооруженных в очень плотном слое пылевого песчаника, пропитанного известью, способного в условиях высокой температуры превращаться в монолит, который в свою очередь без дополнительных опор и только за счет сферического купола нижней камеры мог выдерживать рабочие температурные и весовые нагрузки.

Большой интерес представляют собой сосуды, преднамеренно поставленные вверх дном у жерл топочных камер печей 4 и 5. Подобное размещение сосудов, специально вмонтированных в жерла гончарных печей или рядом с ними на площадках, до настоящего времени на памятниках салтовской культуры не было известно. Два сосуда одинаковой формы без признаков производственного брака были вмазаны глиной у печи 4 в специально выкопанные в материке под форму и размер сосудов ниши, перпендикулярно к осевой линии жерла топки. Оба горшка были поставлены венчиками на специальную слегка наклонную площадку, таким об-

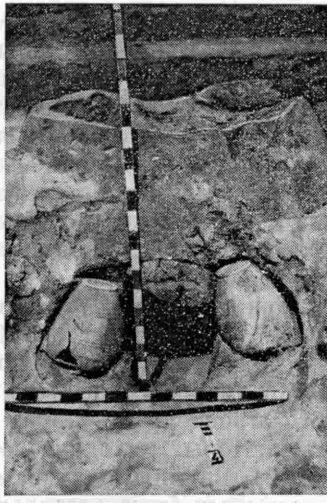
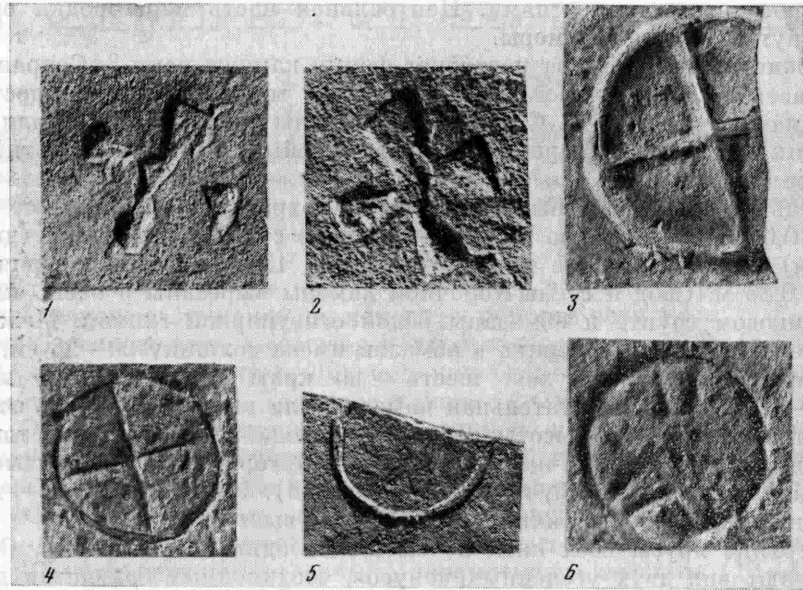

Рис. 4. Печь 4 с вмонтированными рядом с ее жерлом горшками-пифосами

Рис. 5. Знаки и клейма на сосудах
1, 2 — знаки на горшках печей 4 и 5;
3—6 — клейма на кухонной керамике
мастерской

разом, они имели наклон к вертикальной оси около 10° . Горшки, обнаруженные у печи 5, не были вмонтированы непосредственно в жерло топки, как сосуды у печи 4, а стояли несколько сбоку от жерла, на расстоянии 0,20—0,25 м. Однако и для них были сделаны небольшие наклонные площадки, чтобы придать горшкам наклон.

Все четыре сосуда — качественной выделки, без признаков хозяйственного применения, все снабжены одновидовыми клеймами на днищах. Скорее всего они имели магическое значение — это обереги печей и продукции производства от проникновения через топку «духов», которые могли «повредить» самому сложному процессу производства — обжигу керамики.

Изучая аналогичную гончарную мастерскую у с. Подгаевка на р. Деркул, мы заметили, что и там некоторые клейма-знаки на сосудах имели магическое назначение как обереги керамических печей⁹.

Находки исследуемой мастерской состоят исключительно из керамики, которая, таким образом, является единственным датирующим материалом. Весь керамический инвентарь разделяется на четыре группы.

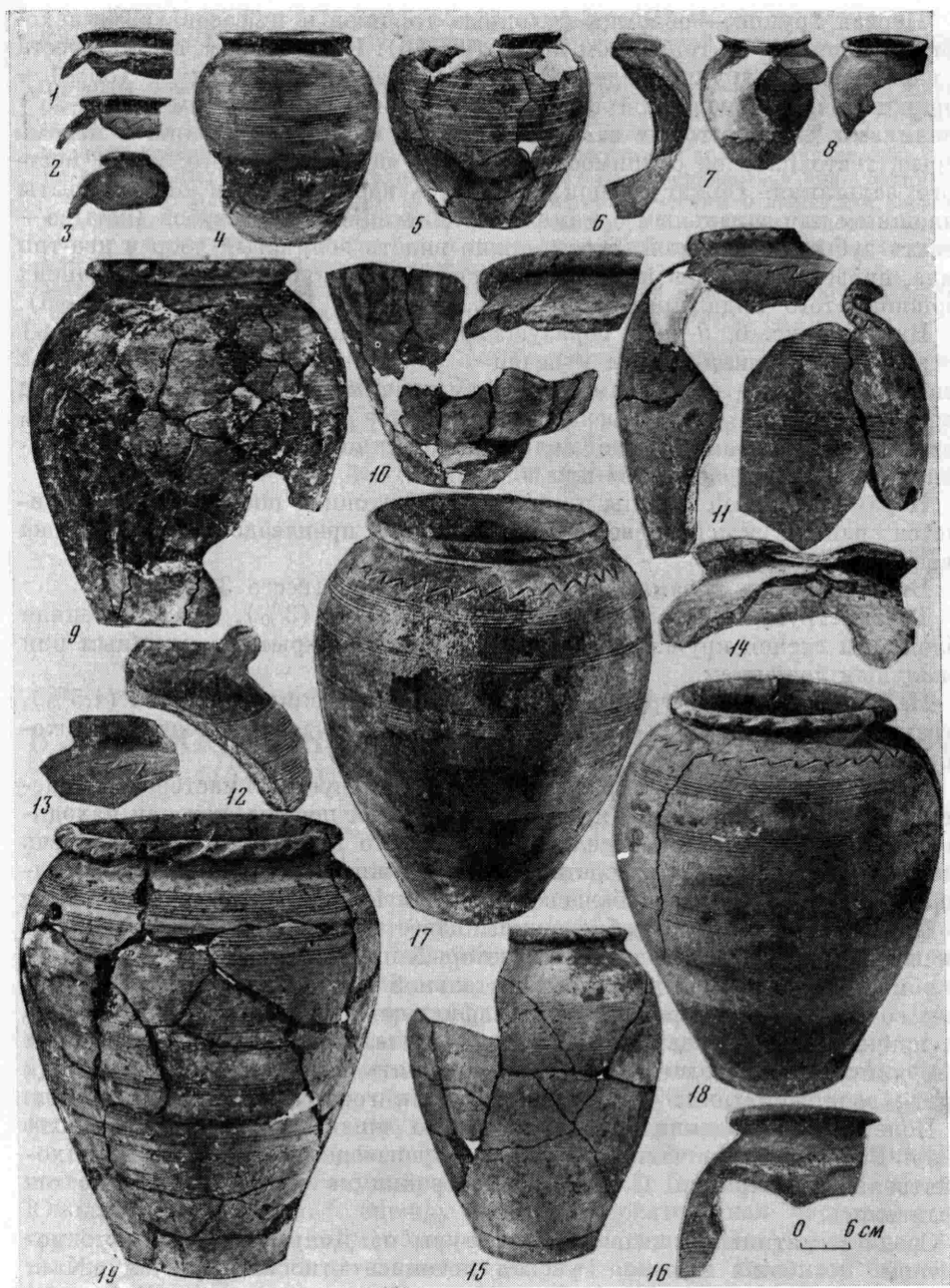

Рис. 6. Керамика на гончарной мастерской

1—3 — кухонные горшки первой группы (вид А); 4—16 — кухонные малые пифосы (вид В);
17, 18 — сосуды, стоявшие у жерла топочной камеры печи 4; 19 — пифос

Первая группа — обломки кухонных горшков и пифосов (92% находок), сделанных на гончарном круге (рис. 6). По размерам, составу теста и назначению в группе выделяются два вида сосудов. Вид А (36%) — горшки почти шаровидной формы с невысокими отогнутыми (20—35°) венчиками, края которых закруглены (рис. 6, 1—8). Черепки в изломе серые, тесто плотное с примесью мелкого, видимо сеянного, песка местного залегания. Обжиг стенок ровный, в верхней части они покрыты сплошным или зональным орнаментом, нанесенным многозубой (четыре — девять зубьев) гребенкой. Реже можно видеть волнистый узор в два-три ряда, проведенный, как правило, только под венчиком. На восьми донцах горшков этого вида прослеживаются отпечатки клейм (рис. 5, 3—6).

Вид Б (рис. 6, 9—18) образуют фрагменты керамики (около 56%) и три целых горшка-пифоса у печей 4 и 5. По форме они яйцевидные с невысокими, даже прижатыми к тулову венчиками с орнаментом в виде перевитого жгута или веревки. Тесто менее плотное, нежели у горшков вида А, так как в него подмешан крупнозернистый песок. Орнамент — линейный, сплошной или зональный.

Керамика первой группы принадлежит кухонной посуде, которая считается ранней в средневековом гончарном производстве юго-востока Европы¹⁰.

Вторая группа керамики — фрагменты амфор (всего 3,5%).

Третья группа — столовая лощеная керамика (3%), представленная обломками стенок кружек, горшков, кувшинов, покрытых сплошным или зональным лощением.

Наконец, четвертая группа — обломки стенок лепных горшков (1,5%). Ограниченность тарных, столовых и лепных сосудов не позволяет охарактеризовать каждую группу полнее.

Мастера-ремесленники, работавшие в исследуемой мастерской, специализировались на массовом выпуске кухонной посуды, которая находила спрос как у жителей поселка, так и за его пределами. Каждая печь имела определенные производственные возможности, но в среднем заполняемость одного горна колебалась в пределах 15—25 горшков.

По этнографическим наблюдениям известно, что гончары в среднем производят один раз в год ремонт, который прежде всего предусматривает обмазку внутренней части обжигательной и топочной камер. В Рогалике во всех горнах, кроме печи 5, зафиксировано по три-четыре ремонта, причем не менее двух раз он был капитальным. Видимо, эти горны находились в производственном состоянии пять-шесть лет, в то время как горны, сооруженные из кирпичей, служили гончару восемь-десять лет.

Полевые наблюдения показывают, что жизнь на селище замерла сразу. Все погребло в пожаре. Сгорели производственные, жилые и хозяйственные постройки. Сгоревшие постройки не разбирались и не отстраивались.

Среди памятников салтовской культуры на Дону известно много поселений, погибших в огне. Русская летопись относит к началу X в. (915 г.) первое появление печенегов у русских границ¹¹. В бассейне Дона они вторглись раньше — в последней четверти IX в.¹² Захватив поселок у с. Рогалик, печенеги разрушили многие постройки и подожгли их, население, видимо, было уведено в плен и уже не вернулось.

¹ Плетнева С. А. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. — КСИИМК, 1960, 79, с. 3—20.

² Локтюшев С. А. Доисторический очерк Средней Донеччины. Луганск, 1930, с. 12.

³ Миллер А. А. Археологические работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. — Сообщения ГАИМК, 1929, II, с. 110; Аргамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — Известия ГАИМК, 1935, 131, с. 73. Здесь же было открыто несколько печей в 1950—1951 гг.

⁴ Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской. — МИА, 1958, № 62, с. 331—334.

- ⁵ Архив ИА АН СССР, р. 1, № 4982, с. 35—39; № 4982а, с. 41—43, рис. 1—3.
- ⁶ Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры.— СА, 1976, № 3.
- ⁷ Анализы почвы стен и дна ямы были сделаны кандидатом геологических наук, доцентом Ворошиловградского пединститута им. Т. Г. Шевченко П. И. Луцким. Приносим благодарность за полученные сведения. В настоящее время из-за естественного дренажа (овраги) глубина залегания грунтовых вод составляет 2,5—3 м, но в отдельных местах и сегодня вода выходит на поверхность в виде родников (см. рис. 1). Как заключает П. И. Луцкий, по геологическим отложениям, зафиксированным в контрольных разрезах новообразовавшихся оврагов, водоносный горизонт в период жизни селища был в некоторых местах не ниже 1,2—1,5 м от дневного горизонта и лежал над водоупорными слоями.
- ⁸ Материк сложен из пылевого песчаника, пропитанного известью, благодаря чему сформировалась очень плотная и прочная структура грунта.
- ⁹ Красильников К. И. Гончарная мастерская...
- ¹⁰ Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 20—23.
- ¹¹ ПСРЛ, т. 2, 1962, стлб. 32.
- ¹² Константин Багрянородный сообщает в своем сочинении «Об управлении государством», написанном между 948 и 952 гг., что печенеги появились в степях Причерноморья за 50—55 лет до этого времени, т. е. примерно в 90-х годах IX столетия.

В. П. ПЕТРЕНКО

СОПКА У С. МИХАЙЛА-АРХАНГЕЛА В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ ПО РАСКОПКАМ Н. Е. БРАНДЕНБУРГА В 1886 Г.

Подавляющее большинство из «60 с лишним раскопанных сопок» было исследовано к 1910 г.¹ И несмотря на несовершенную полевую методику, слишком краткие сведения о раскопках, результаты дореволюционных работ до сих пор являются незаменимым источником для изучения социальных и этнических процессов, протекавших накануне образования древнерусского государства на северо-западе страны.

Несомненно, раскопки высоких насыпей, проведенные Н. Е. Бранденбургом в 1883—1886 гг., относятся к числу лучших дореволюционных исследований такого рода памятников. Этим работам заслуженно уделяется значительное место в трудах, посвященных сопкам.

К сожалению, основным, а чаще всего и единственным, источником о названных памятниках служит монография Н. Е. Бранденбурга «Курганы Южного Приладожья»². Между тем исследовательская часть данного труда посвящена главным образом «чуждским курганам» Приладожья и только в очень незначительной степени — высоким насыпям бассейна Волхова. Сам Н. Е. Бранденбург объяснял подобную ориентацию раздела тем, что, по его словам, вопрос о сопках «был уже более подробно рассматриваем нами в другом труде, почему здесь достаточно ограничиться кратким повторением»³. Действительно, методические принципы, а также развернутая аргументация основных положений той части концепции, в которой рассматриваются высокие насыпи Поволховья, были изложены Н. Е. Бранденбургом раньше⁴.

К сожалению, забытыми оказались и архивы Н. Е. Бранденбурга, хотя еще в начале века Н. И. Репников отмечал, что сведения рукописных отчетов далеко не все вошли в опубликованный «журнал курганных раскопок»⁵.

Вот почему вполне своевременным и необходимым представляется обращение к творческому наследию Н. Е. Бранденбурга, тем более что по-

левые исследования последних лет позволяют по-новому рассматривать волховские сопки.

Среди погребальных памятников, раскопанных в 80-е годы прошлого века поблизости от Старой Ладogi, особое место занимает огромная насыпь у с. Михаила-Архангела. Н. Е. Бранденбург посвятил этой сопке несколько специальных статей и включил ее описание во все обобщающие работы о курганах Приладожья. Тем не менее существующее в настоящее время представление о памятнике сильно искажено и требует уточнений.

Автор раскопок не сообщает точного местоположения памятника. По его словам, сопка относилась к группе «...на левом берегу Волхова, у села Михаил-Архангел (выше его), из 2 больших отдельно стоящих насыпей». На «Схеме курганных раскопок в Южном Приладожье» выше села показано два объекта⁶. В другой статье отмечено расстояние между двумя сопками — «несколько десятков саженей»⁷. Имеется еще одно свидетельство середины XIX в., согласно которому «...сопка, называемая „большая“, в 5 саженей высоты» находилась «в 100 саженях от церкви»⁸. Следовательно, данный памятник, ныне полностью уничтоженный, можно локализовать в районе Октябрьской набережной г. Волхов, южнее здания городского музея.

До раскопок насыпь имела вид весьма представительный: высокая, крутобокая, в форме «усеченного конуса». На вершине располагалась площадка диаметром около 6 м. Достоверные размеры сооружения: длина окружности около 97 м, высота 9,5 или 10,5 м. Разные размеры, указанные автором раскопок, становятся понятными благодаря дополнительным сведениям из рукописного отчета. В подошве прослежен «черноватый слой» — погребенная почва. Этот слой «постепенно... возвышался к центру»⁹. Значит, в основании сопки располагался подрезанный по краям невысокий (до 1 м) холм, полностью перекрытый насыпью¹⁰. Если высота насыпной части памятника (от уровня погребенной почвы) была немногим более 9 м (согласно Н. Е. Бранденбургу, 13 аршин)¹¹, то все это величественное сооружение возвышалось на 10—10,5 м.

Раскопки были проведены по тем временам весьма тщательно. Сначала послышно на снос раскопали верхнюю половину насыпи (около 4,5 м). Оставшуюся часть прорезали, также послышно, двумя широкими перекрещивающимися траншеями, до уровня погребенной почвы. Затем материк прокопали траншеей шириной около 6 м на глубину свыше 2 м, до залегающей в основании берега известняковой плиты¹². Рядом с насыпью был заложен раскоп площадью около 40 кв. м (рис. 1, 4). Благодаря тому что Н. Е. Бранденбург указывал диаметры площадок, образовавшихся на разных высотах по мере раскопок, удастся довольно точно восстановить профиль сооружения (рис. 1, 1—3).

Относительно архитектуры сопки и характеристики объектов в насыпи существуют различные точки зрения. Так, Н. Н. Чернягин рассматривал сопку как сооруженную в «один прием»¹³. В. В. Седов, напротив, относил памятник к числу многоярусных.

Вопрос о количестве захоронений подробно анализировал В. В. Седов, полагая, что «по мере постепенного сооружения этой насыпи в каждой ее части производилось по несколько захоронений»¹⁴. По его мнению, погребениями являются скопления кальцинированных костей, обнаруженные на глубине 0,9 м от вершины и в основании сопки, а также сосуд, содержащий, по замечанию Н. Е. Бранденбурга, «животный уголь», «б. м. куски мяса»¹⁵. В. В. Седов допускает наличие в насыпи еще нескольких захоронений, не замеченных во время раскопок, предполагая, что «в отдельных случаях... каменные сооружения в сопках связаны с захоронениями»¹⁶. Сосуд с углистой массой и скопление перегорелых костей, обнаруженных близ вершины насыпи, этот исследователь рассматривает как урновые сожжения¹⁷.

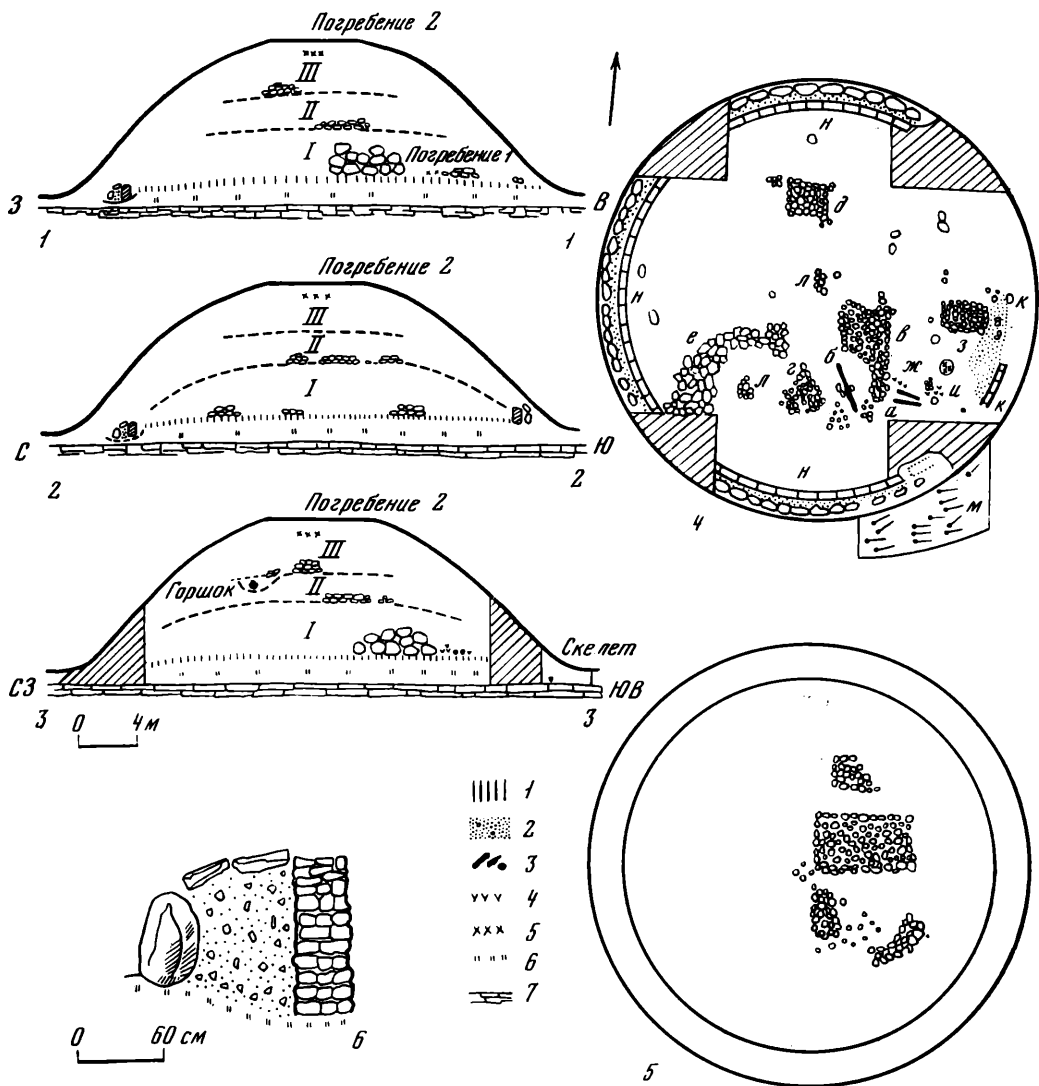

Рис. 1. Сопка у с. Михаила-Архангела

1—3 — разрезы (реконструкция по описаниям); 4 — план яруса I; 5 — план яруса II; 6 — разрез обкладки первоначальной насыпи (реконструкция по описаниям)
 1 — гумус; 2 — щебень; 3 — горелое дерево; 4 — угольки; 5 — кальцинированные кости; 6 — материк; 7 — известняковая плита

Нам представляется, что характер погребений, в особенности каменных конструкций, структуру насыпи, этапы сооружения комплекса — словом, облик памятника в целом — можно восстановить гораздо подробнее и, самое главное, более точно.

Если суммировать всю совокупность информации об этой сопке, содержащуюся в архивах и нескольких публикациях, то процесс формирования памятника можно представить следующим образом.

Этап I. На небольшой возвышенности у края высокого берега сначала появляется несколько каменных сооружений — выкладки, вымостки и «груды»¹⁸, между которыми помещено погребение — сожжение, совершенное на стороне (слой кальцинированных костей толщиной 4—5 см и площадью около 0,5 кв. м). К юго-западу от захоронения зафиксировано несколько обгорелых бревен длиной до 2 м, ориентированных прибли-

тельно в одном направлении; рядом с бревнами обнаружены скопления угольков. Горелое дерево Н. Е. Бранденбург интерпретирует как остатки погребального костра, использованные в качестве материала для насыпи. Однако нельзя исключать и возможность того, что здесь находилось сгоревшее деревянное сооружение.

В дальнейшем края возвышенности были подрезаны, но на северо-востоке сохранилась перемычка. Затем начинается возведение первоначальной насыпи, причем внутри строятся несколько каменных «наносов» из числа девяти упомянутых выше¹⁹. Высота сопки достигает 5 м. Вершина сооружения уплощена, а вокруг основания возводится ограда, уникальная пока для памятников такого типа. Сложная монументальная постройка высотой около 1 м и шириной до 1,4 м выглядела так: внешняя часть состояла из крупных валунов, установленных рядом в один ярус; с внутренней стороны находилась тонкая, шириной до 0,35 м, стенка, сложенная насухо из мелких плит. Промежуток между внешней и внутренней частями конструкции заполняли щебень и мелкие камни. Сверху имелось покрытие из плит (рис. 1, 6).

Интересно отметить некоторые наблюдения, упомянутые в рукописном отчете. Так, если в северном, западном и южном секторах цоколь окаймлял «платформу», то в восточном секторе ограду подстилал гумус — иными словами, здесь конструкция была выведена на поверхность «платформы». Еще одна существенная деталь выявляется благодаря следующему замечанию Н. Е. Бранденбурга: «Общий план ее (стены.— В. П.) не представлял сомкнутого кольца, потому что юго-восточный конец ее как бы не следовал очертанию подошвы, а несколько круче (улиткообразно) делал поворот внутрь кургана, и затем стенка здесь прекращалась, а на продолжении ее, на нескольких шагах внутри насыпи, оказалось лишь обилие щебенки и мелких камней, которые также вскоре исчезли»²⁰. Следовательно, на северо-востоке в стене существовал проход, соответствующий упомянутой выше перемычке (в юго-восточном секторе цоколь оказался разрушенным поздней ямой). Подобная деталь — проход в каменном обрамлении первоначальной насыпи — является, как можно судить по раскопкам последних лет, характерным признаком сопки данного типа²¹.

Этап II. Площадка диаметром около 6 м на вершине первоначального сооружения высотой до 5 м послужила местом, где была возведена следующая серия каменных «настилок», или «помостов», сгруппированных в восточной половине площадки. Многоярусные вымостки из валунов достигали высоты 0,7—1,75 м и в плане имели самую разнообразную форму: многоугольника, прямоугольника, ромба, ладьевидную и т. д. Общая длина всех вымосток с севера на юг 5,6 м²².

Этап III. Вся серия каменных сооружений впоследствии оказалась перекрытой двухметровой насыпью. На вершине семиметрового сооружения также прослеживается небольшая площадка, занятая тремя вымостками. Одна из «настилок», состоявшая из плит и камней, имела диаметр 1,4 м, другая — в форме неправильного пятиугольника размерами 2,8×2,1 м — была сложена из булыг на высоту более 0,7 м, и, наконец, крайняя северо-западная вымостка, удаленная от центра почти на 4 м, выглядела как «вымощенная плитами, несколько наклонная к северу площадка» до 1 м длиной и шириной. Видимо, эти каменные вымостки были частично сооружены на склоне. Рядом с одной из кладок, но на 0,7 м глубже, был обнаружен раздавленный лепной горшок, содержавший «животный уголь», «б. м. куски мяса» — вероятно, остатки жертвоприношения. Все это перекрыто насыпью, в которую помещено еще одно захоронение — скопление кальцинированных костей. Вместе с остатками сожжения найдены бронзовая проволока и обломок железного предмета. Сопка принимает окончательный вид, зафиксированный к началу раскопок. Решить вопрос, является ли верхнее трупосожжение впускным или фик-

сирует промежуточный этап в формировании насыпи, сейчас уже невозможно (рис. 1, 1—6).

Таким образом, сопка у с. Михаила-Архангела, несомненно, относится к числу многоярусных. Каждому из реконструированных этапов соответствовали специальные широкие площадки, фиксировавшие начало или завершение очередного этапа. Площадки были заняты разнообразными каменными сооружениями. Лишь на уплощенной вершине сопки не обнаружено подобных конструкций²³. Насыпь (в пределах раскопа) содержала только два трупосождения — под первоначальным сооружением и близ вершины сопки, т. е. соответственно на этапах I и III. Урновых погребений в насыпи не было.

Уже Н. Е. Бранденбург обратил внимание на то, что рассматриваемая сопка несмотря на присущие ей особенности весьма близка некоторым другим высоким насыпям. Полевые исследования, проведенные в 1970—1975 гг., подтвердили это предположение. Такие черты, как «платформы» в основаниях насыпей, окружающие «платформы», многоярусные каменные обкладки, проходы в обкладках, разнообразные каменные конструкции на «платформах», упомянутые выше, горизонтальные площадки и некоторые другие детали прослежены во многих сопках, раскопанных около Старой Лядоги²⁴. Устойчивое сочетание названных признаков позволяет выделить определенный тип погребальных сооружений, представителем которого и является сопка у с. Михаила-Архангела. Следует отметить, что в этом районе встречаются высокие насыпи другого вида²⁵.

К юго-востоку от сопки, рядом с каменной оградой, был обнаружен грунтовой могильник, содержащий 14 костяков. Погребения располагались на глубине 0,7—1 м от поверхности, вдоль ограды, как бы огибая доколь. Соответственно изменялась и ориентировка скелетов — с юго-западной (в восточной части могильника) на западную. Все погребенные лежали на спине. Рукам было придано самое разнообразное положение. При некоторых костяках зафиксированы остатки гробов. Особого упоминания заслуживает скелет, около которого был устроен «род гробницы или ограды из камней». В головах стоял большой камень на ребре, а по бокам вертикально — плиты. Кроме того, вне ограды, со стороны черепа, была открыта каменная вымостка «из небольших булыг» (рис. 2, 3)²⁶. Инвентарь захоронений состоял из железных ножей с остатками ножен, бронзовых перстней, браслетов, проволочных височных колец, костяных изделий, бус и обломка монеты, так называемой венчки XI в. Эти находки в целом, как отмечает Н. Е. Бранденбург, близки инвентарю приладожских курганов и датируют могильник XI—XII вв.²⁷

В Отчете Археологической комиссии за 1886 г., подписанном А. А. Бобринским, высказано мнение, будто бы трупоположения оказались в земле «еще до сооружения кургана»²⁸. Автор раскопок относился к вопросу о соотношении грунтового могильника и сопки несколько иначе, допуская две возможности: либо могильник оказался рядом с насыпью позднее и случайно, либо, если объекты синхронны и связаны между собой, грунтовые трупоположения должны рассматриваться как человеческие жертвоприношения. Это второе предположение Н. Е. Бранденбург аргументированно отвергает²⁹.

Исследователь безусловно прав: грунтовой могильник появился, конечно, не раньше, чем была возведена сопка. Однако сам факт топографической близости погребений по обряду ингумации и сопки далеко не случаен. Грунтовой могильник и насыпь являются разновременными частями единого «ансамбля некрополя», отражающими развитие определенного погребального обряда. Понять это оказалось возможным лишь после раскопок 1970—1975 гг. группы насыпей, расположенных в южной части урочища Победище близ Старой Лядоги. Все сохранившиеся сопки здесь были исследованы двумя большими раскопками, причем удалось вскрыть

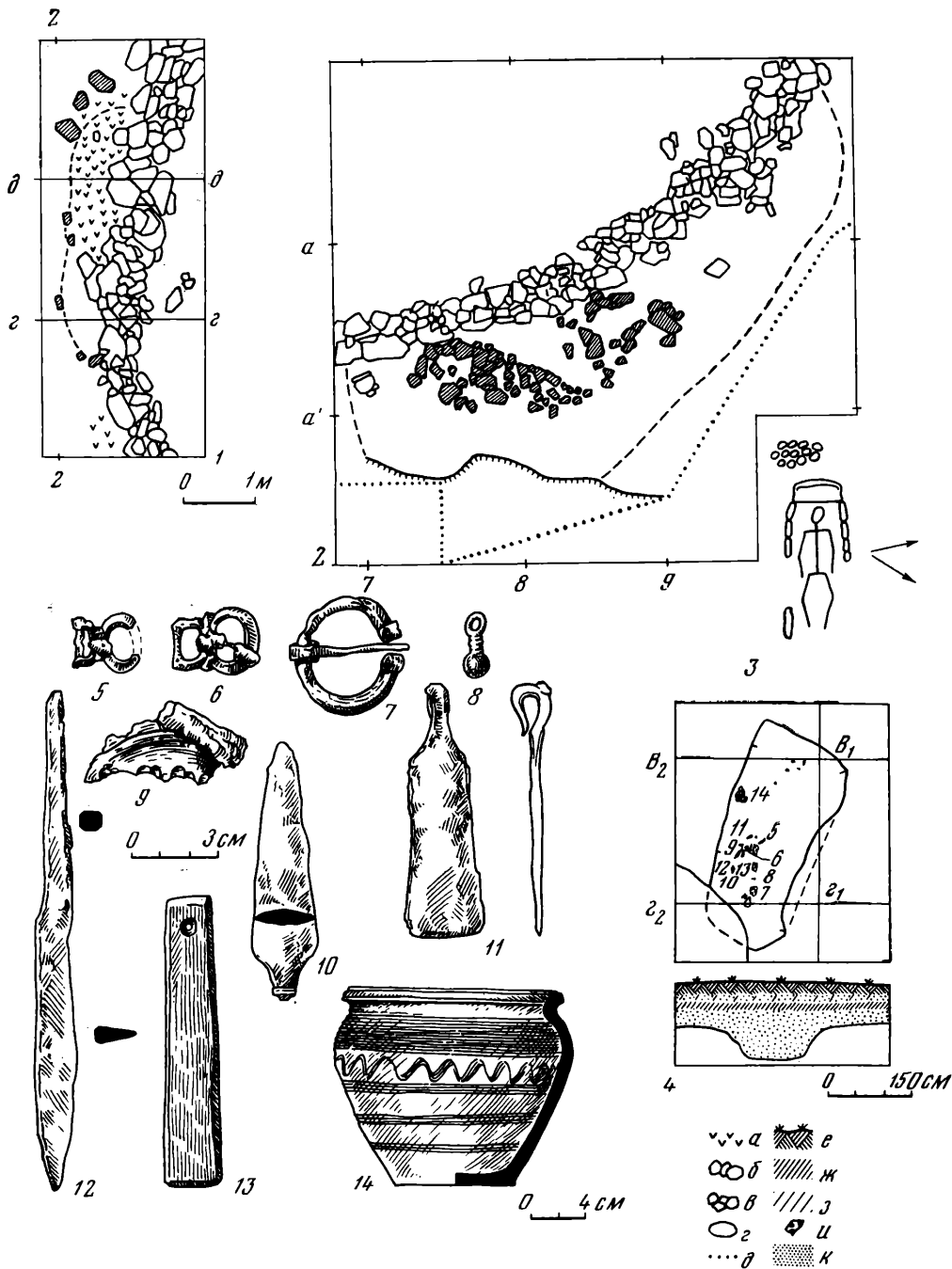

Рис. 2. Планы и инвентарь некоторых погребений Поволжья

1 — Южное Победище, насыпь 5, погребение с оградой, план; 2 — Южное Победище, насыпь 5, погребения и вымостки с внешней стороны каменной обкладки; 3 — одно из погребений могильника рядом с сопкой у с. Михаила-Архангела (реконструкция по описаниям); 4 — Южное Победище, насыпь 2, труположение, план и разрез; А — уголь, Б — камни обкладок, В — камни оградок и вымосток, Г — скопление кальцинированных костей, Д — граница раскопа, Е — дерн, Ж, З — гумус; И — обгорелое дерево; К — песок; 5—14 — инвентарь труположения (номера вещей на плане соответствуют нумерации находок, помещенных на рисунке)

и насыпи, и значительные площади между сопками. Оказалось, что погребения — остатки сожжения на стороне — находились не только в верхних ярусах, но и в полах или под полами сооружений, вокруг каменных обкладок «платформ». Захоронения располагались вдоль обкладок, вплотную примыкая к ним, иногда даже накрывая камни нижних ярусов. Одни погребения совершены после возведения первоначальной насыпи и перекрыты в результате следующих досыпок (например, насыпь 5, погребение 3), другие появляются позднее (например, насыпь 5, погребение 2). В более ранних памятниках скопления подобных погребений выглядят «костеносным слоем», в более поздних отдельные захоронения четко локализованы.

Особое значение для понимания развития данного погребального обряда имеет насыпь 2. Здесь наряду с сожжениями в верхних ярусах сопки, а также вокруг каменной обкладки обнаружено мужское труположение в прямоугольной яме, ориентированное на юг-юго-запад. Могильная яма прорезала край северо-восточной полы. Захоронение относилось, очевидно, к небольшому, позднее уничтоженному могильнику, напоминающему кладбище рядом с сопкой у с. Михаила-Архангела (рис. 2, 4).

Довольно часто сожжения с внешней стороны каменной обкладки сопровождали разнообразные каменные конструкции — вымостки, выкладки и т. д. Особенно интересна оградка в форме полуовала одного из погребений насыпи 5. Внутри оградки, примыкавшей к обкладке «платформы», находились кальцинированные кости (рис. 2, 1, 2). Как было отмечено выше, подобные сооружения зафиксированы также в могильнике близ сопки у с. Михаила-Архангела (рис. 2, 3).

Таким образом, есть достаточно оснований предполагать, что обычай совершать грунтовые труположения рядом с сопками восходит к более раннему времени. У истоков этой традиции находились обычай помещать погребения — остатки сожжения на стороне — вокруг каменной обкладки, под полами или в полах сопок. Хронология могильников не противоречит высказанному предположению. Одно из поздних сожжений указанного типа датируется второй половиной X в.³⁰ Наиболее раннее труположение относится к XI в. (рис. 2, 5—14)³¹.

¹ Седов В. В. Новгородские сопки. — САИ, 1970, вып. Е1—8, с. 8.

² Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, 18.

³ Там же, с. 90.

⁴ Бранденбург Н. Е. О признаках курганных могил языческих славян в северной полосе России. — Труды VII АС, т. I. М., 1887, с. 1—23.

⁵ Репников Н. И. О желательности археологических раскопок в Старой Ладогге. — В кн.: Сборник Новгородского общества любителей древности, IV. Новгород, 1911, с. 2.

⁶ Бранденбург Н. Е. Курганы..., с. 139.

⁷ Бранденбург Н. Е. Об археологических исследованиях в Старой Ладогге в 1886—1887 гг. — В кн.: Вестник Археологического института, VIII, 1899, с. 165.

⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, IX. СПб., 1884, с. 153, 154.

⁹ ОАК за 1886 г., стр. СLIII.

¹⁰ Эта особенность, судя по раскопкам последних лет, является характерным признаком памятников данного типа.

¹¹ Бранденбург Н. Е. Об археологических исследованиях..., с. 167.

¹² Раскопки насыпи, в которых принимали участие 15 человек, продолжались два месяца.

¹³ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. — МИА, 1941, № 6, с. 97.

¹⁴ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 14.

¹⁵ Бранденбург Н. Е. О признаках..., с. 16.

¹⁶ Седов В. В. Новгородские сопки, с. 15.

¹⁷ Там же, с. 21.

¹⁸ Исследователь памятника отмечает в подошве насыпи «до семи... отдельных груд из больших (частью даже огромных) валунов». Судя же по рисунку, в основании сопки насчитывалось не менее девяти каменных сооружений. Это — стенообразная

- выкладка, несколько вымоствок треугольных и прямоугольных в плане, а также ряд объектов неопределенной формы (*Бранденбург Н. Е.* Курганы..., с. 139, рис. 21).
- ¹⁹ Автор раскопок отмечает, что каменные конструкции в основании насыпи находились «частью на подошве, часть уже несколько выше» (*Бранденбург Н. Е.* Отчет о раскопке кургана в Михайловской волости Новолодожского уезда у села Михаила-Архангела. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 17/1886, л. 29, 30).
- ²⁰ Там же, л. 30.
- ²¹ *Петренко В. П.* Исследование погребальных памятников Северного Поволжья.— АО 1974 г. М., 1975, с. 32.
- ²² *Бранденбург Н. Е.* Курганы..., с. 139, рис. 26.
- ²³ Недавно Е. Н. Носов предпринял попытку оспорить ряд признаков, характеризующих, по мнению В. В. Седова, высокие погребальные памятники Новгородчины. В частности, Е. Н. Носов утверждает, что «отсутствие плоских вершин у волховских сопкок как особой детали устройства насыпи — не исключение, а черта, присущая всем насыпям независимо от размеров и формы...» При этом он ссылается на результаты обследования сопкок Северного Поволжья, проведенного в 20-х годах Н. Н. Черныгиным, а также на свои собственные наблюдения (см.: *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли.— В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*, VI. Л., 1974, с. 219—221). Следует, однако, иметь в виду, что уже в 80-х годах прошлого века подавляющее большинство высоких насыпей в низовьях р. Волхов имело весьма плохую сохранность; трудно было даже «найти насыпи вполне целые» (*Бранденбург Н. Е.* О признаках..., с. 10). Едва ли спустя почти 50 лет состояние волховских сопкок улучшилось. Из руконисного отчета Н. Н. Черныгина явствует, что к тому времени вершины уцелели лишь у очень немногих насыпей. К началу же 70-х годов нашего века неповрежденными оставались вершины нескольких сопкок. Вот почему, определяя внешние признаки насыпей данного района, правильнее ограничиться указанием на разный характер оформления вершин у волховских сопкок. Е. Н. Носов также полагает, что горизонтальные площадки в Поволжье не связаны с «определенными ритуальными представлениями» (*Носов Е. Н.* Источники..., с. 219). Между тем анализ структуры сопки у с. Михаила-Архангела показывает тесную связь подобных площадок с погребальным ритуалом. Аналогичные площадки встречались и в некоторых других насыпях, раскопанных в Поволжье.
- ²⁴ *Петренко В. П.* Исследование погребальных памятников..., с. 32.
- ²⁵ *Петренко В. П., Коцаков Н. Д., Рогачев М. Б.* Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья.— В кн.: *Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР*. Л., 1977.
- ²⁶ *Бранденбург Н. Е.* Отчет..., л. 26.
- ²⁷ *Бранденбург Н. Е.* Курганы..., с. 140; *он же.* О признаках..., с. 17, 18.
- ²⁸ ОАК за 1886 г., с. СХІХ.
- ²⁹ *Бранденбург Н. Е.* Об археологических исследованиях..., с. 168.
- ³⁰ *Петренко В. П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi.— КСИА, 1977, 150.
- ³¹ *Петренко В. П.* Исследование погребальных памятников..., с. 32.

Е. А. РЯБИНИН

ИССЛЕДОВАНИЯ 1975 Г. НА ИЖОРСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

В 1975 г. Четвертый отряд Старолодожской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР продолжил обследование западных районов Ленинградской обл. Работы, начатые в 1971 г., ведутся по программе и на средства Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и ставят своей целью фиксацию и частичное исследование средневековых памятников Ленинградской обл. В 1975 г. изучались преимущественно памятники Волосовского р-на, включающего значительную часть Ижорской возвышенности.

В могильнике у д. Бегуницы, обследованном в 1973 г., было раскопано одно курганное погребение. Курган 54 располагался в непосредственной близости от исследованного ранее кургана 56¹. Форма насыпи полу-

сферическая, ее высота 80 см, диаметр основания 5,6 м. Насыпь состояла из глины красного цвета. На глубине 85—90 см от вершины кургана прослежен слой погребенной почвы сероватого цвета толщиной 3—4 см. По основанию насыпи в ее северной, северо-западной и юго-западной частях расчищены части обкладки из валунного и плитнякового камня. Слой погребенной почвы несколько понижался в центральной части основания кургана. Здесь на глубине 99 см обнаружено погребение женщины. В ногах умершей находился серп. Необычной оказалась ориентировка исследованного захоронения: костяк лежал головой на северо-восток. Заслуживает внимания, что и в кургане 56 выявлено погребение, в котором костяк был сходно ориентирован и при нем находился серп. Изученное захоронение можно датировать XII—XIII вв.

На юго-восточной окраине Ижорского плато обследован могильник, расположенный близ д. Соловьевка (в настоящее время не существующей). Памятник находится в 1500 м к юго-западу от д. Беседа. Он включает 61 курган и 5 жальничных могил. Курганы имеют высоту от 50 до 220 см. У большинства насыпей прослеживается каменная обкладка по основанию. В западной части могильника зафиксированы три жальничные могилы, каменная обкладка которых образует круг, и две могилы четырехугольной формы.

В д. Беседа изучено скопление крестов, происходящих, по-видимому, из разрушенных погребений средневекового Беседского могильника, обследованного нами в 1971 г. В настоящее время сохранилось семь крестов различных типов, вытесанных из плитнякового камня. У двух из них на перекрестье имеется рельефное изображение крестика.

В западной части Беседского могильника в 1975 г. произведены раскопки трех жальничных комплексов и одного курганного погребения:

Жальник 1 прослеживался на поверхности по отдельным обкладочным камням. После снятия дернового слоя поверхностная обкладка была расчищена полностью. Основная цепочка камней оконтуривала площадку четырехугольной формы длиной 4 м и шириной 1,8 м, вытянутую по линии запад—восток (с небольшим отклонением). Западная и восточная оконечности обкладки отмечены крупными плитняковыми камнями, вкопанными вертикально в землю. Такой же крупный плитняковый камень, поставленный вертикально, располагался в центральной части каменной конструкции, разделяя ее на две секции. У западного ограничительного камня обкладки встречен обломок плитнякового креста новгородского типа. К основной системе из камней примыкала еще одна обкладка четырехугольной формы длиной 1,8 м, шириной около 1 м.

Трем секциям наружной каменной конструкции соответствовали и три погребения этого жальника. Под основной обкладкой на глубине 62—73 см от поверхности встречены два захоронения взрослых людей (погребения 1 и 2). Примыкающая кладка отмечала место погребения ребенка на глубине 51—55 см. Первый костяк был обращен головой на северо-запад, два других — на запад с незначительным отклонением к северу. Детское погребение оказалось безынвентарным. У головы первого костяка найдена фрагментированная бронзовая проволока с двумя шаровидными литыми вздутиями (рис. 1, 1). На груди второго костяка (женщины) обнаружена бронзовая пластинчатая фибула со спиральнозагнутыми концами, на правой руке — бронзовый витой (2×2) петлеконечный браслет (рис. 1, 2, 3). Наконец, на черепе этого костяка оказалась плохо сохранившаяся серьга в виде вопросительного знака с напускной керамической бусиной (рис. 1, 4).

При зачистке юго-восточного угла раскопа за пределами жальничной обкладки выявлены контуры ямы. Очертания ямы хорошо прослеживались с глубины 72—74 см от поверхности по ее заполнению — гумусу серого цвета. При разборке заполнения встречено большое количество фрагментов средневековой керамики, представляющих обломки не менее

десяти различных гончарных сосудов. Происхождение и назначение этой ямы, а также ее связь с находившимся рядом жальничным комплексом остаются невыясненными.

Жальник 2 был отмечен на поверхности кольцом из камня диаметром 2,0—2,2 м. К северо-западной оконечности обкладки примыкал огромный валунный камень размерами 1×0,7 м. На глубине 60—70 см от поверхности в северо-западной части жальника, прилежавшей к валунному камню, расчищены перемешанные кости человеческого скелета. Череп не обнаружен.

Жальник 3 отмечен отдельными камнями, плохо прослеживаемыми на поверхности. После снятия дерна выявлена конструкция из камней, образующая две основные обкладки овальной формы, вытянутые с запада на восток. Первая (центральная) имеет длину 2,2 м, ширину 1,6 м; вторая (западная) — 1,4×0,8 м. Кроме того, к центральной обкладке примыкает ряд небольших поверхностных секций из камней. Западная оконечность этой обкладки отмечена большим валунным камнем.

На глубине 50—60 см от поверхности прослежены слабоуловимые очертания могильных ям, заполнение которых отличается от окружающей их желтой супеси лишь отдельными включениями темного гумуса. Могильные ямы по расположению в основном соответствуют контурам центральной и западной обкладки. Западное погребение встречено на глубине 77 см. Несмотря на плохую сохранность костяка можно предположить, что это захоронение девочки-подростка. На груди умершей находилась бронзовая пластинчатая фибула со спиральными головками, аналогичная пряжке из жальника 1 (рис. 1, 6). У обеих фибул Беседского могильника отсутствовали иглы. В заполнении западной могильной ямы найден фрагмент венчика гончарного сосуда (рис. 1, 8). Центральное захоронение обнаружено на глубине 85—90 см. В могиле была погребена

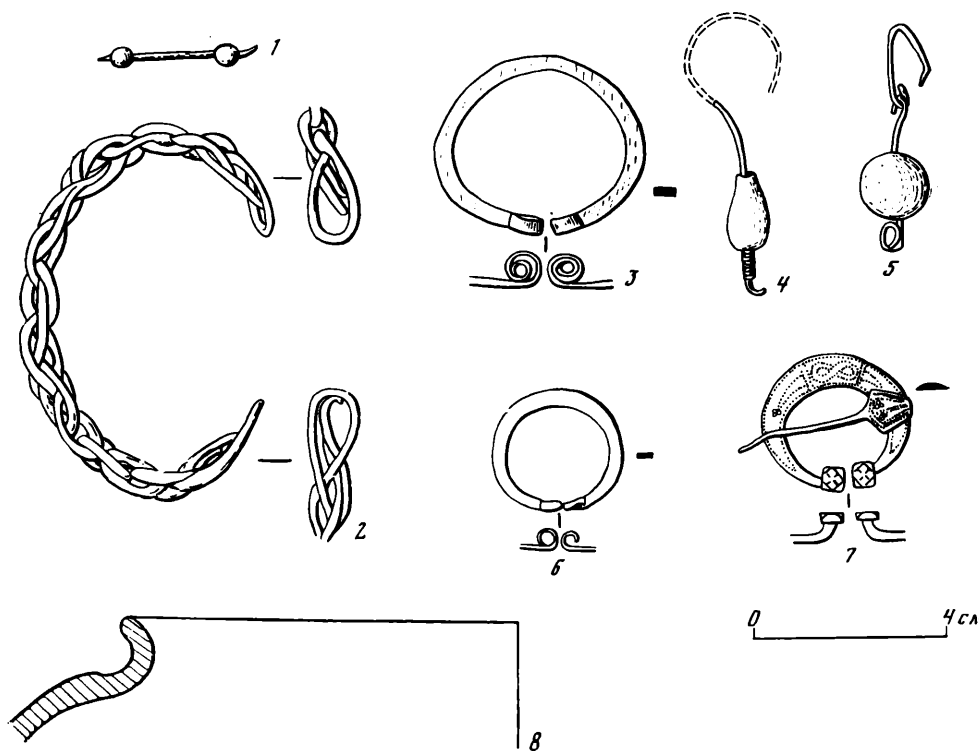

Рис. 1. Находки из погребений Ижорской возвышенности (1—8)

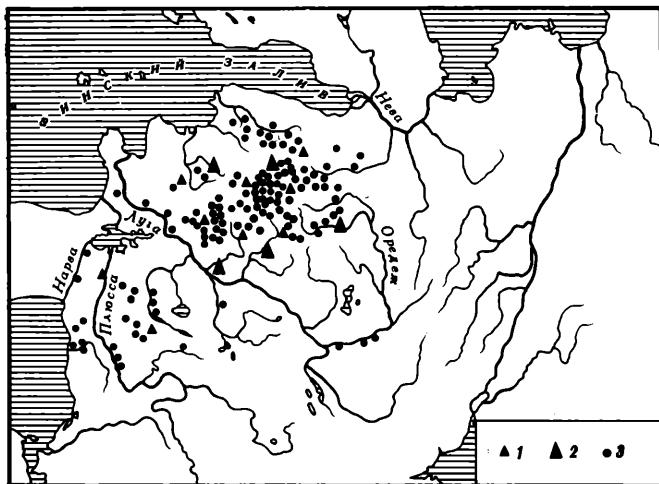

Рис. 2. Распространение серег в виде вопросительного знака на северо-западе Новгородской земли

1 — могильники, содержащие одно-два погребения с сергами; 2 — могильники, содержащие три и более погребений с сергами; 3 — средневековые курганно-жальничные могильники

взрослая женщина. У головы костяка встречена серьга в виде вопросительного знака с напускной шаровидной медной бусиной (рис. 1, 5). И в центральном, и в западном погребениях умершие обращены головой на запад.

На юго-западной окраине могильника исследован курган 4. Он представлял собой невысокую насыпь распылчатой формы. Курган был полностью задернован и не имел внешних признаков повреждений. Высота насыпи около 70 см, диаметр основания 5,2—5,7 м. Курган насыпан из желтого песка, обложен по основанию кольцом из крупного плитнякового камня.

В центральной части кургана на материке обнаружены останки человеческого скелета. Сохранились кости рук, ног, таза, отдельные ребра и фрагментированный череп. Все они встречены на небольшой (80×60 см) площади, лишь две отдельные кости находились за пределами этого скопления. При расчистке погребения найдены обломки коррозированных железных предметов (по-видимому, ножа и серпа), а также бронзовая подковообразная фибула сегментного сечения с плоскими четырехугольными головками (рис. 1, 7). Исследованное захоронение можно датировать XI—XII вв.²

Определенный интерес представляют находки, происходящие из жальничных могил Беседского могильника. Они позволяют установить время существования жальничного обряда погребения на окраинах Новгородской земли, характеризуют материальную культуру населения, хоронившего умерших по «колодцам».

Пластинчатые фибулы со спиральными головками, появившиеся еще в XII в., широко бытовали в XIII и XIV вв.³ Четвертной браслет из жальника 1 относится к типу украшений, датированных А. А. Спицыным XIV—XV вв. и известных в новгородских слоях XIV в.⁴ На позднюю дату беседских захоронений указывают и находки серег в виде вопросительного знака. Такие серьги появляются в слоях древнего Новгорода лишь с конца XIII в.⁵ В целом погребения в исследованных жальничных могилах можно датировать концом XIII—XIV в.

Встреченные серьги принадлежат к числу наиболее поздних элементов головного убора средневекового населения северо-запада (рис. 2). Появившись в конце XIII в., они, судя по новгородским материалам, бы-

товали в XIV—XV вв. Наиболее поздние их разновидности известны по находкам на кладбищах XVI—XVII вв.⁶ Следовательно, данный вид украшений является своеобразным хронологическим индикатором наиболее поздней группы погребальных памятников Ленинградской обл. Это особенно важно учитывать при анализе инвентаря ленинградских могильников, исследованных в дореволюционный период Л. К. Ивановским. Источниковедческие возможности материала, полученного при раскопках 5877 курганов, значительно снижены вследствие почти полного отсутствия сведений о типе памятников и ритуале захоронений. Поэтому основной путь для выделения из археологического пласта разновременных групп погребений заключается в изучении самого вещественного материала.

Серьги в виде вопросительного знака встречены в 12 могильниках, исследованных Л. К. Ивановским. Они входят в состав инвентаря 40 погребений⁷. Наиболее многочисленны находки серег в могильнике у д. Сабск (17 погребений), где они составляют ведущий тип головных украшений. В семи случаях эта категория изделий встречена во второй курганной группе у д. Ново-Сиверская, в четырех — у д. Селище, в трех — у деревень Рутилицы, Маклаково и Арбонье. Серьги носили, как правило, парно. Лишь изредка они сочетались с головными украшениями других типов: многобусинным височным кольцом (Рутилицы, 86), свинцовой серьгой с лопастями (Сабск, 180), проволочной серьгой с крючком и отверстием на концах (Маклаково, 2).

Рассматриваемая категория древностей известна и к северо-востоку от Чудского озера. В. Н. Глазов обнаружил серьги в виде вопросительного знака в могильнике у д. Большие Поля (могила 58) и в одном из погребений у д. Хрель⁸. В отчетах исследователя содержатся данные о типе погребальных сооружений, включающих захоронения с серьгами. Это могилы с четырехугольным ограждением из плит жалыничного типа, сближающиеся с погребениями Беседского могильника⁹.

Серьги в виде вопросительного знака встречаются в наборе с вполне определенными категориями вещественного материала. Наиболее четко они взаимосвязаны со спиралеконечными фибулами, витыми петлеконечными браслетами (особенно 2×3), фигурносрединными печатными и узкопластинчатыми сплошными (замкнутыми) перстнями. Все эти древности принадлежат к числу русских украшений, широко распространенных на позднем этапе развития средневековой культуры. Их сочетание с рассматриваемым элементом головного убора свидетельствует о том, что они были в обращении у местного населения и в XIV в., а некоторые из них — даже в XV в.

Украшения, встреченные в погребениях, содержащих серьги в виде вопросительного знака	Количество погребений с серьгами в виде вопросительного знака и украшениями
Фибулы	
Спиралеконечные, четырехугольного сечения	8
Спиралеконечные пластинчатые	2
С маковидными головками круглого сечения	1
С пластинчатыми головками круглые витые	1
Браслеты	
Витые тройные	1
Витые 2×2	1
Витые 2×3	4
Витые 3×3	2
Витые обрубленоконечные	1
Пластинчатые широкие прямосрезанные	3
Пластинчатые узкие узкоконечные	2
Перстни	
Фигурносрединные печатные	6
Узкопластинчатые сплошные	7
Широкосрединные с заходящими концами	2

Серьги рассматриваемого типа были в обращении одновременно с другими височными украшениями и ушными подвесками. В частности, длительный период они сосуществовали с многобусинными кольцами, датируемыми по новгородской хронологической шкале XIII—XIV вв.¹⁰ Как уже отмечалось, в одном погребении зафиксированы совместная находка серьги и многобусинного кольца. Височные кольца с панизанными металлическими бусинами относятся к числу характерных элементов финно-угорской водской культуры¹¹. Возникает вопрос, с какой этнокультурной группой местного населения следует связывать серьги в виде вопросительного знака?

Серьги не встречены с характерными славянскими украшениями (ромбоштыковыми и браслетообразными височными кольцами, лунницами, бусами и браслетами определенных типов). Но в то же время их отличает и почти полная разобщенность с элементами местной чудской культуры. В частности, в XIII—XIV вв. широкое распространение на Северо-Западе получают пластинчатые кольцевидные фибулы, постоянно находящиеся в погребениях с водскими височными украшениями¹². С серьгами же интересующего нас типа они не сочетаются.

Все это заставляет отнести серьги в виде вопросительного знака к числу позднесредневековых украшений русского населения Водской пятины. Они появились в обращении в тот период, когда славянские племенные типы височных колец уже выходили из моды.

Картографирование погребений с серьгами показало, что все они расположены по окраинам района концентрации курганно-жальничных могильников (рис. 2). Такие захоронения как бы охватывают кольцом известный массив средневековых памятников. Это, по-видимому, объясняется поздним характером самих находок. Именно на окраинах «Вотской» земли — древней земледельческой области Новгородского государства — длительное время могли сохраняться архаические формы погребального обряда, зафиксированные в грамоте новгородского архиепископа Макария (XVI в.).

Исследования 1975 г. на Ижорской возвышенности позволили более детально изучить поздний тип погребальных сооружений Новгородской земли. Встреченный в них вещественный материал убедительно свидетельствует о непрерывной линии развития средневековой культуры на северо-западе Руси, отражая в то же время постепенное видоизменение и замену отдельных элементов этой культуры.

¹ Рябинин Е. А. Археологические памятники Вотской земли.— СА, 1976, № 1, с. 213.

² Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы.— Труды ГИМ, 1967, 43, с. 186, 187.

³ Там же, с. 155.

⁴ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, 1896, 20, табл. IV, 5, 6; он же. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. П. Глазова.— МАР, 1903, 29, с. 115; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, 1959, № 65, с. 248, 249.

⁵ Седова М. В. Ювелирные изделия..., с. 226.

⁶ Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 52, 53.

⁷ Кроме того, серьги встречены в могильнике у д. Волковицы, отчета о раскопках которого не сохранилось (Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 64, 65).

⁸ Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда..., с. 68, 89.

⁹ Общая характеристика некоторых могильников, в которых встречены интересующие нас находки, содержится в публикации отчетов Л. К. Ивановского. Согласно этим сведениям исследованные памятники состояли из курганных насыпей, обложенных по основанию валунными камнями и основанных на кострищах (Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии..., с. 64, 65, 72, 89, 90, 110). Такие суммарные данные не отражают, на наш взгляд, всего многообразия встречающихся типов погребальных сооружений, включающих, в частности, курганы-жальники и жальники круглой формы. Последние могли быть отмечены и в числе курганых погребений. Неоднородность погребальных комплексов в составе могиль-

пиков, обследованных в свое время Л. К. Ивановским, неоднократно фиксировалась в процессе разведочных работ Четвертого отряда. Во всяком случае, данные о форме погребений, содержащиеся у Л. К. Иванова, следует использовать с большой осторожностью.

¹⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия..., с. 224.

¹¹ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— СА, 1953, XVIII, с. 193—195.

¹² Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы, с. 170.

А. А. ЮШКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАСЕЙНА Р. ПАХРА

В 1968—1972 гг. разведочным отрядом Московской археологической экспедиции произведены обследования и частичные раскопки археологических памятников, расположенных на берегах рек Пахра, Десна, Ликова и Незнайка. Всего зафиксирован 21 памятник (рис. 1).

По течению Ликова — левого притока Незнайки — обследовано шесть памятников, причем все они располагались в верхнем течении реки, на территории существовавшей здесь в более позднее время боярской вотчины Акатьевичей¹.

1. Вблизи с. Изварино на правом берегу реки имеется три группы курганов. Первая группа расположена в лесу и состоит из 14 курганов высотой до 1,5 м, среди которых семь испорчены. Вторая группа находится также в лесу, в 600 м выше по течению реки, и насчитывает 12 насыпей, две из них попорчены. Высота курганов до 1,4 м. Третья группа расположена между первой и второй. Она включает 17 насыпей высотой до 1,2 м, среди которых имеются поврежденные.

Раскопано два кургана: один (27) — в первой, другой (7) — в третьей группе. Характерной особенностью их являются золные прослойки на древней дневной поверхности. Погребения совершены в могильных ямах размерами 0,8×2,2 м при глубине 0,16 м и 1,15×2,8 м при глубине 0,6 м. Ориентировка ям — по линии запад — восток и северо-запад — юго-восток. Сохранность костяков очень плохая. Обнаружен лишь серебряный квадрифолийный перстень с чернью (курган 7). Он имеет массивную полую щитковую часть, лицевая поверхность которой украшена своеобразной фигурой, нанесенной посредством вращения колесика (рис. 2). В круговых сегментах квадрифолиевых дуг, а также в центральной части изображенной фигуры сохранились следы заливки чернью по косой насечке серебряной основы. Находки квадрифолийных перстней сравнительно редки при раскопках древнерусских памятников. Шесть таких перстней было известно А. В. Арциховскому², еще один был найден в Новгороде³, два — в Серенске⁴ и один — в Старой Рязани⁵. Среди щитков этих перстней есть и сплошные литые, и полые, а изображаемые на них сюжеты — либо фантастические животные, либо геометрические узоры.

2. Напротив д. Ликово, на левом берегу реки, в 350 м от русла расположена группа из 30 курганов высотой от 0,4 до 1,5 м. В 1972 г. здесь раскопано три насыпи (3, 10 и 13), причем остатки погребения на горизонте обнаружены лишь в кургане 3.

3. Ниже по течению р. Ликова, на левом ее берегу, некогда располагалось с. Акатово, от которого к настоящему времени осталось два дома. Вблизи них на пашне, по обоим берегам неглубокого оврага, выходящего в долину реки, выявлен обширный подъемный материал XVI—XIX вв.

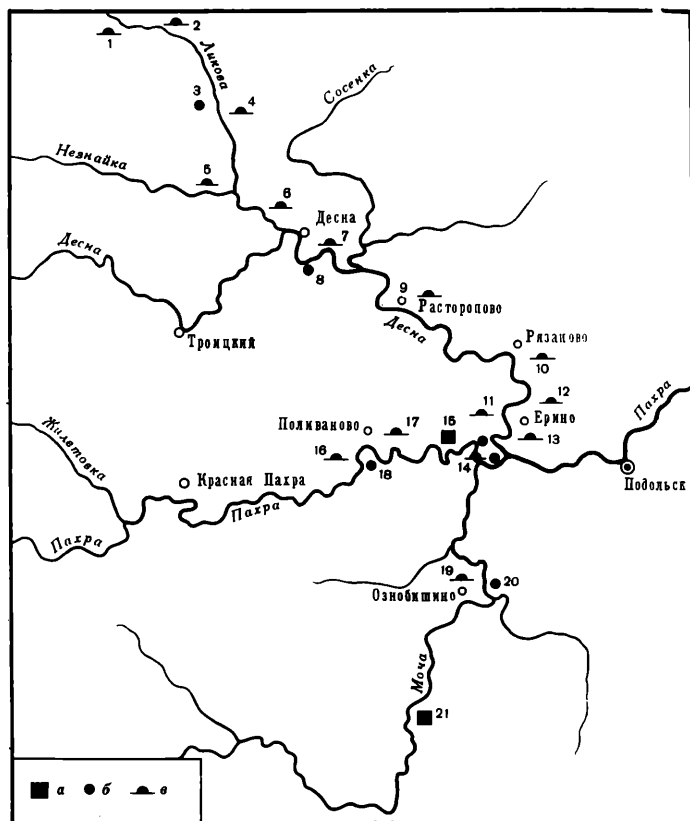

Рис. 1. Район обследований в бассейне р. Пахра

а — городище; б — селище; в — курганные группы. Номера памятников на карте соответствуют их нумерации в тексте

(монета 1853 г., лощеная керамика, обломки аптечных банок и поливной посуды). С. Б. Веселовский локализовал здесь вотчину боярского рода Акатевичей (XIV в.)⁶. Была проведена шурфовка селища. Заложённые в различных местах шесть шурфов размерами 1×1 м выявили культурный слой толщиной 0,3—0,35 м, в котором встречены материалы XVI в. и более поздние. Бесспорно, что в XVI—XVIII вв. здесь было обширное и богатое село, но более ранний материал отсутствует.

На правом берегу Ликовы, напротив с. Акатово, расположена д. Бараново, ныне почти слившаяся с окрестностями пос. Внуково. Чуть выше деревни, по обим сторонам оврага, выходящего в долину реки, на пашне обнаружена керамика, относящаяся к XIII—XIV вв. На некоторых старых картах с. Акатово имеет двойное название Акатово — Бараново. Поэтому не исключено, что боярским Акатовым было селище у д. Бараново.

4. Близ Института полимиэлиты обнаружены остатки курганной группы из четырех насыпей, две из которых испорчены. Один из испорченных курганов (3) раскопан в 1972 г. На материковой поверхности под курганом прослежена тонкая зольная прослойка, которую прорезала мо-

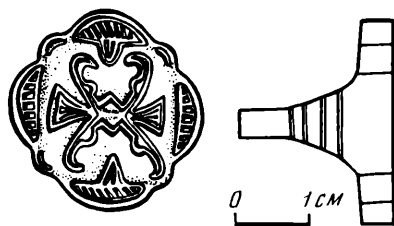

Рис. 2. Перстень из кургана 7 у с. Изварино

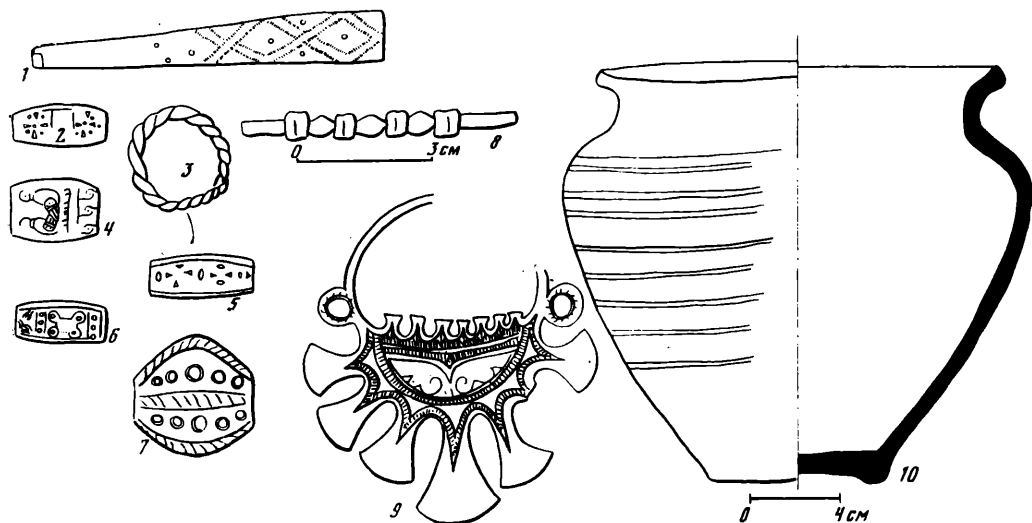

Рис. 3. Находки из кургана 12 у д. Марьино

1 — обломок браслета; 2—7 — перстни; 8 — височное кольцо; 9 — сосуд

гильная яма размерами 2,7×1,4 м (глубина 0,5 м). Ориентирована она по линии запад — восток с небольшим отклонением к северу. Никаких следов погребения, а также вещей в могильной яме не обнаружено.

В шести из всех раскопанных курганов открыты почти безынвентарные труположения в грунтовых ямах. По-видимому, они относятся к сравнительно позднему периоду — XIII в. Единственная находка из курганов — квадрифолийный перстень — не противоречит этой дате. Таким образом, скорее всего Акатьевичи получили здесь земли, незадолго до этого обжитые и освоенные.

5. Вблизи впадения Ликовы в Незнайку, на левом берегу последней, находится курганная группа у д. Марьино⁷, где была раскопана одна насыпь (12). Курган имел значительное повреждение — яму размерами 2,8×1,95 м при глубине 1,1 м. На дне ее в южной части обнаружено скопление человеческих костей (тазовые кости, ребра, позвонки), видимо, брошенных кладоискателями. В западной половине кургана на глубине 0,8 м открыто еще одно погребение — женщины, обращенной головой на юго-запад. Длина костяка 1,5 м. В области грудной клетки найдено 15 бусин, из которых шесть шаровидные хрустальные, одна хрустальная зонная, две — бочонковидные из непрозрачного стекла и шесть — сердоликовые бипирамидальные. У левой руки обнаружен бронзовый витой 2×2 браслет, у правой руки — обломок бронзового пластинчатого браслета с орнаментом (рис. 3, 1). При погребенной было найдено девять перстней. На месте фаланг левой руки — два перстня, один из которых пластинчатый с орнаментом (рис. 3, 2), а другой — витой из двух жгутов со слегка заходящими концами (рис. 3, 3). На месте фаланг правой руки лежали два пластинчатых широкосрединных перстня. На одном из них имеется орнамент в виде двух сидящих спинами друг к другу птиц (рис. 3, 4), другой также орнаментирован (рис. 3, 5). Судя по расположению перстней, руки погребенной были вытянуты вдоль туловища (кости и фаланги рук не сохранились). Четыре перстня найдены в области ног — вблизи пяточных костей и между ними. Один из них — рубчатый, другой — ложновитой (биллоновый), третий — пластинчатый орнаментированный (рис. 3, 6) и четвертый — решетчатый двупунктирный (рис. 3, 7). Девятый перстень — ячейковый — найден на черепе, среди

зубов (рис. 3, 8). В области черепа обнаружено шесть семилопастных височных колец: три — у правого виска и три — у левого. Все они простые, с двумя ушками и секировидными лопастями. Одно из них имеет орнамент на щитке (рис. 3, 9). Семилопастные кольца с правого виска сделаны из серебра, с левого — бронзовые. В западной половине кургана, в насыпи, на глубине 0,85 м открыт раздавленный круговой сосуд (рис. 3, 10).

6. Ниже по р. Незнайка, между д. Пенино и пос. Десна, на пашне, в 500 м от поселка, на левом берегу реки имеется группа из двух курганов, сильно испорченных колодцевидными ямами.

7. На левом берегу р. Десна, в 200 м от нее, ниже устья Незнайки, на лесной поляне находится группа курганов из трех насыпей высотой 0,2—0,8 м. Они задернованы и сильно оплыли.

8. На правом берегу Десны, на пашне между д. Лаптево и руслом реки обнаружено селище, вытянутое узкой полосой на 100 м при ширине 40 м. Собрана керамика XII—XVII вв.

9. На левом берегу Десны, в 1 км ниже д. Расторопово, к северо-востоку от плотины через реку, в лесу обследована группа из четырех насыпей высотой от 1,3 до 3 м⁹. Курганы имеют небольшие повреждения. Один из них (3) раскопан. Он был поврежден: в северо-западной части насыпи находилась яма размерами 1,5×2 м при глубине 0,8 м. Никаких признаков погребения не обнаружено.

10. На левом берегу Десны, ниже Рязаново, за дачным поселком расположена курганная группа из 11 насыпей высотой до 1,5 м⁹. Некоторые курганы повреждены.

11. На правом берегу Десны, близ д. Студенцы имеются две группы курганов¹⁰. Первая расположена в 350 м к югу от деревни и на таком же расстоянии от реки, в лесу. Она насчитывает восемь насыпей, часть которых раскопана. В одной насыпи — свежие следы рытья, видны кости. Вторая группа расположена в 800 м к северо-западу от первой. Здесь также восемь насыпей высотой до 1,5 м.

12. На левом берегу Десны, напротив д. Рыбино обследована группа из четырех курганов высотой до 2 м. Две насыпи испорчены¹¹.

13. Между санаторием «Ерино» и Десной, в 150 м от санатория, в лесу имеется группа, насчитывающая 18 насыпей¹².

14. Вблизи Дубровицкой церкви, на останце при впадении Десны в Пахру обнаружено несколько памятников. К востоку от церкви выявлен культурный слой с круговой керамикой XII—XIII вв. Вся поверхность селища задернована, за исключением небольших повреждений в северной части. К северо-востоку от селища имеется большая курганообразная насыпь высотой до 10 м диаметром около 20 м, поросшая кустами акаций (не исключено, что это сооружение паркового происхождения). Восточнее насыпи, на самом крае останца обнаружен культурный слой дьяковского времени с большим количеством сетчатой и гладкостенной керамики (городище?).

15. Городище, расположенное в окрестностях д. Луковня, хорошо известно в археологической литературе¹³. С 1969 г. раскопки его ведет А. Г. Векслер.

16. На левом берегу р. Пахра, вблизи д. Петрово в археологической литературе упоминаются три кургана¹⁴. Насыпи разрушены ямами. В 30 м к западу, в лесу находятся еще три кургана высотой 1—2 м. Они также раскопаны.

17. На левом берегу Пахры, на кладбище с. Поливаново, среди могил обследованы две группы курганов: в одной насчитывается восемь насыпей, в другой, расположенной к юго-западу, — еще три насыпи высотой 0,8—2 м. В сводке С. К. Богоявленского в разных местах вокруг с. Поливаново отмечено 28 курганов¹⁵. Все насыпи испорчены кладоскательскими ямами, но погребения, видимо, не потревожены.

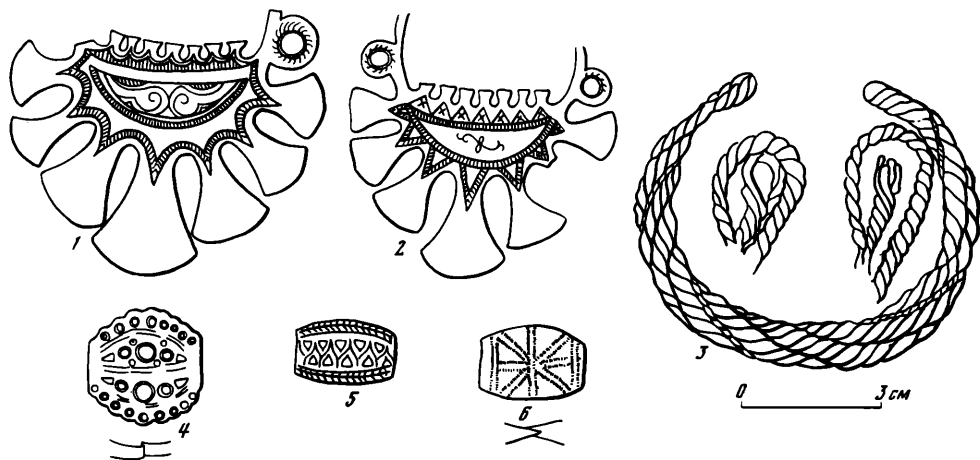

Рис. 4. Находки из кургана 8 у с. Поливаново
1, 2 — височные кольца; 3 — браслет; 4—6 — перстни

В 1972 г. один курган (8) был раскопан. Его диаметр 6 м, высота 0,8 м. На глубине 0,85 м обозначились контуры могильной ямы размерами $2 \times 0,8$ м при глубине 1 м. Яма ориентирована по линии запад—восток с небольшим смещением к северу. На дне ямы расчищено труположение. Скелет женщины обращен черепом на запад. Длина костяка 1,7 м. Правая рука погребенной согнута в локте. Найдено много вещей, среди которых четыре семилопастных височных кольца: три — у левого виска и одно — у правого (у правого виска сохранились остатки второго семилопастного кольца в виде двух лопастей и бокового колечка). В процессе реставрации височных колец выяснилось, что у правого виска имелось еще два маленьких бронзовых колечка, которые служили для крепления семилопастных. Височные кольца принадлежат к типу простых, с боковыми колечками и секировидными лопастями. Два из них имеют орнаментированные щитки (рис. 4, 1, 2). Значительно выше погребения, на глубине 0,5 м и к северу от него, найден бронзовый браслет витой 2×2 . Он дополнительно перевит тонкой витой бронзовой провололочкой (рис. 4, 3). На месте фаланг пальцев левой руки обнаружено три пластинчатых перстня из бронзы: два решетчатых — многовосьмерочный (рис. 4, 4) и однозигзаговый (рис. 4, 5), а также широкосрединный с орнаментом (рис. 4, 6). В области тазовых костей найден бронзовый пластинчатый перстень со стертым орнаментом.

18. На правом берегу Пахры, напротив с. Поливаново обнаружено селище, отделенное от санатория «Родина» оврагом. Площадь его 30×50 м. Мощность культурного слоя до 0,5 м. Селище распаивается. Встречен керамический материал XII—XVII вв. Заложенный в юго-восточной части селища шурф не выявил остатки построек. Найдено значительное количество фрагментов керамики (начиная с XII в.), а также обломок стеклянного крученого браслета.

19. На левом берегу р. Моча — правого притока Пахры, у с. Озпобишино, вблизи церкви обследована группа из трех курганов¹⁶. Одна насыпь частично испорчена межевой канавой, другая повреждена овальной ямой глубиной 0,6 м.

20. На левом берегу Мочи в 1,5 км от с. Озпобишино, в обнажении берега прослежен культурный слой мощностью 0,7 м. В нем встречен керамический материал XII—XIV вв. Площадь селища около 65×20 м.

21. На правом берегу Мочи, напротив д. Татарское Сатино расположено хорошо известное в литературе городище Перемысль¹⁷. В 1955 г. раскопки на нем производил М. Г. Рабинович¹⁸. В настоящее время территория городища интенсивно застраивается.

- ¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 232—243; Юшко А. А. Историческая география Московской земли (из предыстории с. Битяговского).— КСИА, 1976, 146.
- ² Арцизовский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 87, 88.
- ³ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров.— МИА, 1963, № 117, с. 240.
- ⁴ Никольская Т. Н. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 128.
- ⁵ Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М., 1974, с. 40.
- ⁶ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1, М.—Л., 1947, с. 187—192.
- ⁷ Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список археологических памятников Московской области. М., 1973, с. 146.
- ⁸ В сводке М. А. Саблина указан один курган. См.: Саблин М. А. Список курганов Московской губернии.— ИОЛЕАЭ, 1879, XXXV, с. 187.
- ⁹ В сводке С. К. Богоявленского указано два кургана. См.: Богоявленский С. К. Материалы к археологической карте Московского края.— МИА, 1947, № 7, с. 173.
- ¹⁰ В сводке С. К. Богоявленского указано три кургана. См.: там же, с. 173.
- ¹¹ Курганная группа из восьми насыпей между деревнями Рыбино и Тарасово (там же, с. 173) в настоящее время спланирована.
- ¹² В сводке М. А. Саблина отмечено 22 насыпи. См.: Саблин М. А. Список..., с. 187.
- ¹³ Дубынин А. Ф., Киселев С. В. Материалы для археологической карты Московской губ.— Московский краевед, 1929, в. 2(10), с. 4.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Богоявленский С. К. Материалы..., с. 173.
- ¹⁶ В сводке С. К. Богоявленского указано десять курганов. См.: там же, с. 175.
- ¹⁷ Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А. Список..., с. 183.
- ¹⁸ Рабинович М. Г. К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского).— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 209—214.

В. И. КУЛАКОВ

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В МОГИЛЬНИКЕ У КЛИНЦОВКИ

В апреле 1977 г. в 300 м к северу от пос. Клинцовка Зеленоградского р-на Калининградской обл. в процессе разведывательных работ Балтийского отряда Института археологии АН СССР обнаружены предметы со следами пребывания в огне — бронзовая подковообразная фибула с расширяющимися концами, украшенными ромбами, шиферное пряслице с такой же орнаментацией, железный втульчатый наконечник дротика, а также мелкие фрагменты лепных и круговых сосудов.

Летом того же года здесь был заложен раскоп площадью 200 кв. м (рис. 1). Обнаружено 26 грунтовых погребений. Материк в раскопе перекрыт серым золистым слоем мощностью 0,3—0,4 м. Ямы погребений прослеживаются лишь в материке и имеют овальные очертания при максимальной длине 1,9 м, ширине 1,8 м, глубине от 0,18 до 0,9 м. Ямы в основном ориентированы в направлении с северо-запада на юго-восток. Обращают на себя внимание ямы погребений 1, 2, 7, 9, 12, 13, расположенные двумя четкими рядами. Контуры и стенки ям иногда выложены мелкими камнями. В заполнении ряда ям встречены валуны. У бортов ям погребений 4 и 26 на уровне материка находились небольшие скопления камней. Ямы погребений 1 и 9 соединены по линии северо-запад — юго-восток перемычкой из камней. В заполнении погребения 22 выявлена мощная линза необожженной глины, перекрытая валунами.

В придонных частях ям находились погребения коней — от одного до трех. В верхних частях заполнения ям (материковая глина с мелкими вкраплениями угля и золы) помещались трупосожжения, совершенные,

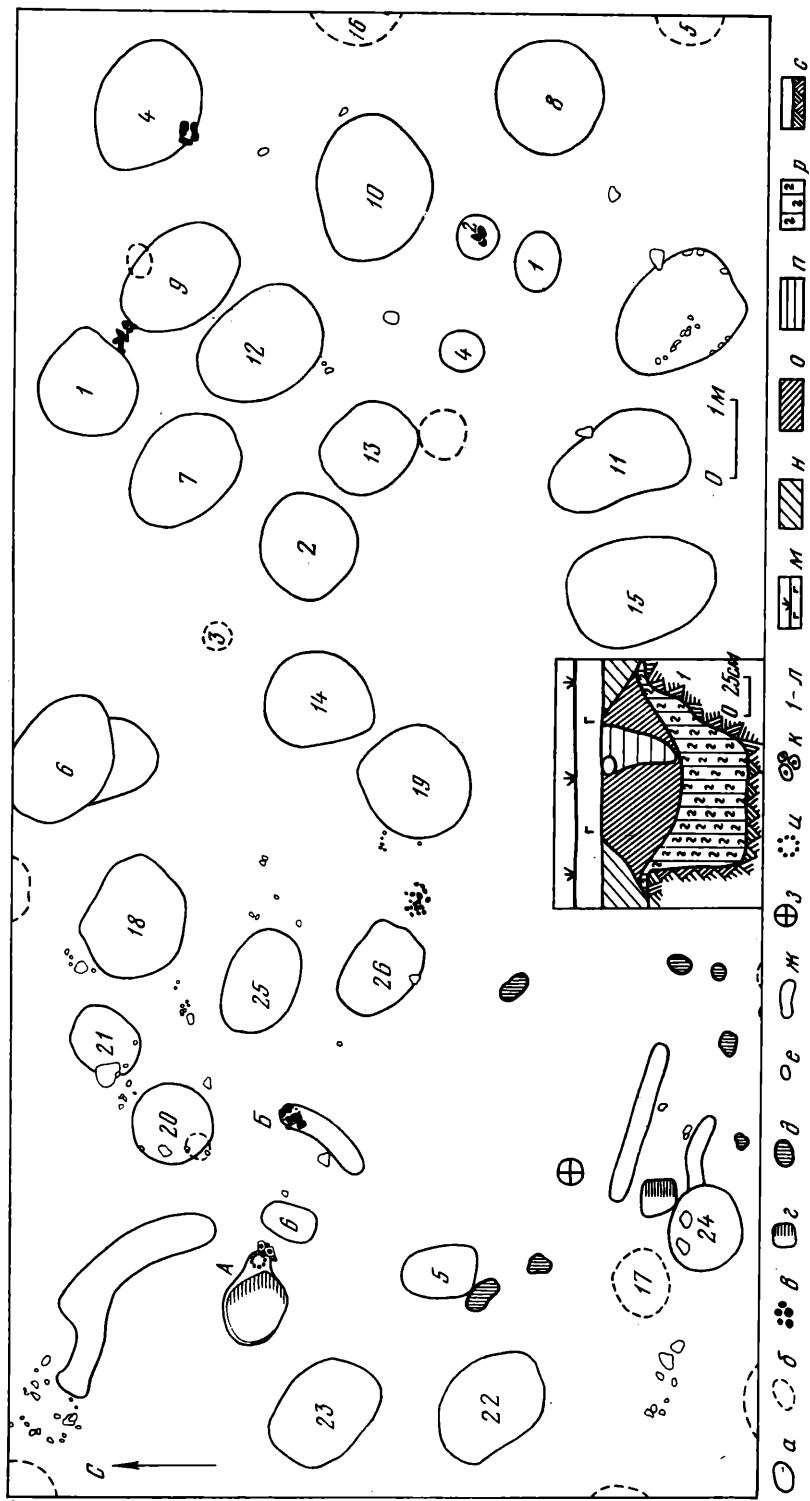

Рис. 1. План площади, вскрытой у Клиновки

а — контуры ям погребений; б — контуры верхних ярусов погребений, несоответствующих с абрисом ям; в — камни в скоплениях; г — культовые камни со следами обработки; д — камни контура ритуальной площадки; е — прочные камни; ж — контуры канавок; з — столбовая яма;

и — кострища; к — скопление керамики; л — разрез погребения 1 по линии запад — восток; м — находный слой; н — серый золистый слой; о — слой золы; п — остатки трупосожжения; р — глина с золой и углем; с — глина

как правило, на стороне. В погребениях 1, 6, 9, 12 кремацию проводили в ладье, на что указывает большое количество (до 83) железных заклепок и гвоздей.

Остатки трупосожжения — кальцинированные кости — вместе с фрагментами сосудов, разбитых на погребальных кострах, костяные гребни, оплавленные обломки бронзовых предметов помещались компактно и со всех сторон обкладывались зольными остатками погребального костра. Сожжения в основном безурновые, но в двух погребениях (4 и 11) зафиксированы урны с сожженными костями. Большая часть инвентаря не побывала в огне или обожжена слабо.

Оружие (копье, мечи, нож, секира) иногда помещено острием вниз, пронизывая погребения. В зольниках вокруг погребений встречено большое количество предметов обихода:

фрагменты бронзовых блюд, оселки, трубчатый замок, складные весы, кубическая и бочонковидные гири, бубенцы, ножи и т. д. Найдены также женские украшения: серебряные перстни, стеклянная бусина (погребения 1 и 9), янтарные бусины (погребения 15 и 19). В погребении 4 обнаружена подковообразная фибула с серебряной плакировкой.

Все погребения коней представляют собой остатки несожженных костей черепа и иногда ног. Кроме того, на дне ям фрагментарно прослежены пятна шкур коней с шерстью длиной до 2 см. По определению остеолога В. П. Данильченко, возраст коней, остатки которых обнаружены в погребениях, достигал не менее трех лет — «время выездки». Обязательными в погребениях были удила (часто — в зубах коня), пары стремя, бронзовые бубенчики, пакетированные (железо с бронзой) ботала, шпоры. Остатки упряжи находились на черепе или были сгруппированы отдельно. Характерной особенностью сруи являются плакированные серебром бронзовые бляшки разных типов, покрывающие упряжные ремни с обеих сторон.

Особый интерес представляют одиночные щитовидные конские налобные (?) бляхи, одну из которых удалось реставрировать (рис. 2). Орел, изображенный на бляхе, имеет множество аналогий как в прибалтийских¹ и скандинавских² древностях, так и на территории древней Руси³. Группа этих изображений типологически восходит к северным древностям и датируется временем в пределах X — начала XII в.

В целом инвентарь позволяет предварительно датировать открытые погребения началом XI в. Погребальный обряд включает местные, прусские, черты и некоторые (сожжение в ладье, оружие, помещенное острием вниз) скандинавские. Особенности, свойственные скандинавскому погребальному обряду, а также находки в могилах предметов скандинавского происхождения свидетельствуют о прямых контактах, существовавших в тот период между прусским племенем сембов и пришельцами с Севера.

В западной части вскрытой площади обнаружено пространство приблизительно овальной формы размерами 7×4 м, вытянутое практически по линии север — юг, со всех сторон ограниченной погребениями (рис. 1). Погребений нет только в юго-юго-восточной части площадки, где ее

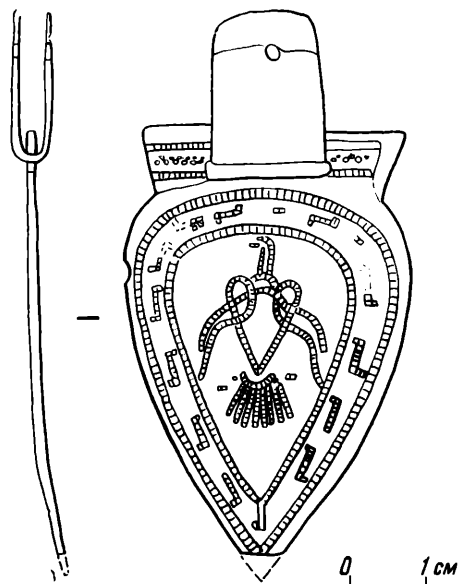

Рис. 2. Щитовидная конская бляха из погребения 10 (прорись)

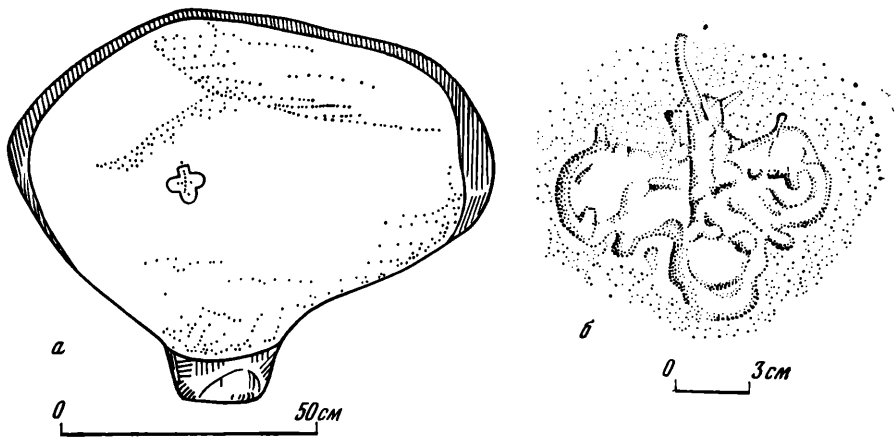

Рис. 3. Валун в северной части ритуального комплекса
 а — общий вид с востока; б — крестовидный знак, изображенный на валуне

край ограничен валунами. Кроме того, камни встречены и в других местах по границе площадки. Поверхность ее ровная со слабым уклоном к югу. Материк здесь отличается большей плотностью по сравнению с остальной площадью раскопа. В северной части площадки обнаружено два небольших кострища (А, Б), представлявших собой вырытые в материке ямы диаметром около 0,3 м и глубиной до 0,32 м. В их придонных частях находился слой глины толщиной 0,1 м, обожженный сверху и перекрытый тонкой прослойкой древесного угля и золы. Над кострищем А обнаружен фрагментированный круговой сосуд с остатками органики. Кострище Б было устроено в канавке глубиной 0,15 м и перекрыто грудой небольших валунов. Подобные канавки, вытянутые в разных направлениях, зафиксированы как к северу от площадки, так и в ее южной части. Заполнение канавок — мелкая утрамбованная галька с песком.

У северо-западного края площадки находится массивный гранитный валун неправильной формы размерами 0,96×0,82 м, лежащий в материке, возвышаясь над ним на 0,1 м (рис. 3, а). В верхней части камень подтесан наподобие двускатной крыши. На поверхности его с востока нанесен плохо сохранившийся знак в виде трехлопастного креста (рис. 3, б).

Другой крупный валун расположен в южной части площадки. Форма его почти квадратная, размеры 0,45×0,45 м, цвет серый. Камень обработан сверху, с западной и восточной сторон и, в отличие от северного, в материк не вкопан.

В 1 м к северу—северо-востоку от этого валуна находится круглая столбовая яма диаметром 0,38 м и глубиной 0,41 м. Еще две овальные ямы глубиной 0,28 и 0,2 м выявлены по западному краю площадки. Какие-либо вещевые находки в пределах площадки не обнаружены.

Описанная площадка может быть интерпретирована только как ритуальный объект — площадь, по краям которой находились культовые камни-жертвенники, кострища — место возжигания жертвенного огня — и скорее всего — священный столб (идол?). Судя по небольшому количеству угля, огонь в кострищах горел не постоянно.

Большие валуны, нередко с разнообразными изображениями, в эпоху средневековья служили объектами поклонения у племен, населявших Прибалтику. Камень, находящийся в северо-восточной части внутреннего вала городища Нива Зеленоградского р-на⁴ и имеющий искусственно подровненную поверхность, упоминается в легендах Самбии XVIII—

XIX вв. Подобный валун имеется и около прусского городища Балъга (Багратионовский р-н). Культовые камни широко известны также на территории Литвы⁵, Латвии⁶ и Эстонии⁷.

Обращает на себя внимание крестовидный знак, выбитый на северном камне Клиновского комплекса (рис. 3, б). Изображение вырублено на наклонной поверхности камня, обращенной в сторону кострища А. По-видимому, изображение нарочно повреждено, тем не менее довольно четко заметен углубленный в гранит на 1 см равносторонний крест с тремя округлыми лопастями. Четвертая, верхняя, часть креста уже остальных и лопасти не имеет. Интересно сравнить это изображение с крестовидными булавками из земли куршей⁸, а также с крестовидными подвесками, распространенными в Польском Поморье⁹ и в Восточной Европе¹⁰. Мотив трехлопастного креста встречается в декоративном искусстве восточных славян еще в начале XIII в.¹¹ Учитывая необычную для христианской иконографии форму этого креста, а кроме того, изображение его на культовом камне в языческом комплексе, можно выдвинуть гипотезу о нехристианских корнях изображений этого типа. Вероятно, прототипом его можно пока условно считать широко известный с древнейших времен восточный орнаментальный мотив «процветший росток»¹².

В первых веках нашей эры конь занял важное место в связанных с загробным миром верованиях западных балтов¹³. Европейские средневековые хронисты сообщают о большой роли коней при свершении пруссами погребального ритуала¹⁴. Эти сведения находят подтверждение в многолетних исследованиях древностей народов юго-восточной Прибалтики¹⁵.

Обязательное присутствие остатков коней (их шкур?), снабженных полным набором парадного снаряжения для верховой езды, позволяет гипотетически связать культовый комплекс с обрядом жертвоприношения коней. При таком решении вопроса получают объяснение канавки — места стока крови при закалывании и свеживании лошадей. Песком и гравием кровь могли засыпать. Поверхность площадки плотно утрамбована копытами лошадей. Несомненно, важную роль при заклинании коня играли валун с крестовидным знаком, кострища, священный столб.

Жертвоприношения коней и захоронения умерших неодновременны. Это видно из несовпадения контуров верхних и нижних ярусов погребальных ям 9, 13 и 20. По-видимому, жертвоприношение осуществлялось на площадке ритуального комплекса после смерти человека, тогда же останки коней клали на дно могильной ямы. Кремация и погребение умерших происходили несколько позже. Эта особенность ритуала описана Вульфстаном (рубеж IX—X вв.): «И есть у эстив (прусов.— В. К.) обычай, что если там умрет человек, он остается лежать внутри (дома) несожженным у своих родственников и друзей в течение месяца, а иногда и двух...»¹⁶.

¹ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 52.

² Mühlen В. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen.— Bonner Hefte zur Vorgeschichte, 1975, Н. 9 (Bonn), Taf. 14, 4—7.

³ Спицын А. А. Владимирские курганы.— ИАК, 1905, 15, рис. 176; Гуцин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. IV.

⁴ Кулаков В. И. Отчет о работе Балтийского отряда в 1976 г. Архив ИА, р-1, д. 6365.

⁵ Tarasenko P. Pedos akmenyje. Vilnius, 1958.

⁶ Graudonis J., Urtans V. Senatnes pedas. Riga, 1961, p. 110—123; Лозе И. Разведка в Южной Курмезе.— АО 1976 г. М., 1977, с. 439.

⁷ Lougas V., Selirand J. Arheologiga Eestimaa teedel. Tallin, 1977, p. 103, 303.

⁸ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия..., табл. XXV, 5; XXIX, 14; Гуревич Ф. Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э.— МИА, 1960, № 76, рис. 62, 6.

⁹ Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vineta. Leipzig; Jena; Berlin, 1976, Abb. 1.

¹⁰ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л., 1954, с. 120.

¹¹ Макарова Т. И. Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975, табл. 13, 16—18.

- ¹² Амброс А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»).— СА, 1965, № 3, с. 18, рис. 4.
- ¹³ Jaskanis J. Orbrządek pogrzebowy zachodnich baltów u schyłku starożytności. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974, s. 250.
- ¹⁴ Scriptores rerum prussicarum, Bd. 1. Leipzig, 1861, p. 53, 54.
- ¹⁵ Куликаускаене Р. Погребения с конями у древних литовцев.— СА, 1953, XVII, с. 222; Kulikauskiene R. Lietuivio kario zigras.— Acta Historica Lituania, VII, 1971, lap. 24, 25.
- ¹⁶ Scriptores rerum prussicarum, Bd 1, p. 733.

В. А. КАНАНИН

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ШУДЬЯ-КАР В ВЕРХОВЬЯХ КАМЫ

Изучение средневековых древностей верховьев Камы представляет определенный научный интерес, поскольку выявляется, что этот регион, изолированный территориально от остальных районов обитания ломоватово-родановских племен, и в культурном отношении характеризуется некоторыми своеобразными чертами. По мнению В. А. Оборина, район верховьев Камы в родановское время следует считать территорией самостоятельной племенной группы, так называемой зюэдинской¹.

В конце прошлого столетия небольшие работы по выявлению и описанию археологических памятников Зюэдинского края² предприняли Н. Г. Первухин³ и А. Н. Шатров⁴. Примерно в этот же период часть вещей отсюда попала в известную коллекцию Теплоуховых. Эти вещи были датированы А. А. Спицыным VIII—X вв.⁵ В 1951 г. разведочная группа под руководством В. А. Оборина провела обследование верховьев Камы⁶. Памятники этого района были включены в изданную И. А. Талицкой карту археологических древностей Прикамья⁷. С 1973 г. планомерные работы в верхнем течении Камы ведет Камско-Вятская археологическая экспедиция под руководством Р. Д. Голдиной.

Сейчас здесь известно 11 городищ, 43 селища, 17 могильников и 6 кладов. Обследование и картографирование памятников показало, что они располагаются преимущественно комплексами, включающими одно-два городища; группу селищ, концентрирующихся вокруг городища; один или несколько могильников. В литературе высказано мнение, на наш взгляд вполне правомерное, что подобные комплексы являлись родовыми территориями или территориями соседских общин⁸. К опорным памятникам одного из таких комплексов относится городище Шудьякар, исследовавшееся в 1974—1976 гг.⁹

Памятник находится на правом берегу Камы, в 280 м к юго-востоку от д. Харино Афанасьевского р-на Кировской обл. Городище площадью 8500 кв. м занимает прямоугольный мыс высотой около 20 м, склоны которого круто спускаются в заболоченные овраги, ограничивающие поселение с трех сторон. Естественную защиту дополняла искусственно возведенная оборонительная система, включавшая вал высотой до 5 м, ров, в настоящий момент сильно заплывший, и две оборонительные траншеи, идущие вдоль склона городища. Поверхность памятника длительное время распахивалась, отчего культурный слой в центре площадки разрушен и сполз по склону. Раскопки велись в северо-восточной части (раскоп I площадью 686 кв. м; рис. 1) и вдоль южного склона (раскоп II площадью 108 кв. м).

Культурные напластования неравномерны. На относительно ровных участках слой прослеживался вглубь до уровня 0,3—0,5 м. Ближе к краю

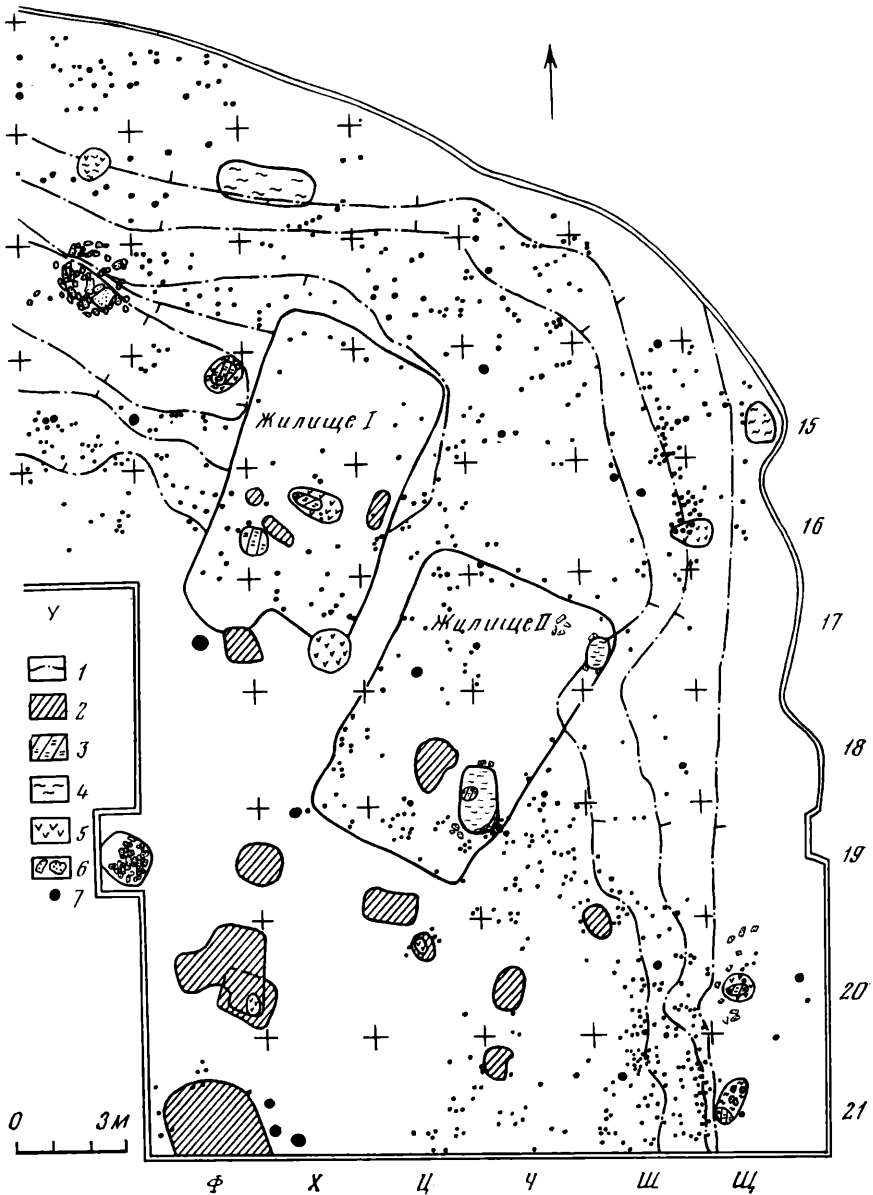

Рис. 1. План сооружений раскопа I

1 — очертания оборонительных траншей; 2 — ямы; 3 — прокал; 4 — зола; 5 — уголь; 6 — камни песчаника; 7 — столбовые ямки

площадки мощность его возрастала от 0,7—0,9 до 1—1,4 м, а в оборонительных траншеях — до 1,6—1,9 м. Выделялись в основном два слоя: темный суглинок толщиной до 1 м, насыщенный зольными включениями и залегавший почти по всей площади раскопов, а под ним, как правило на дне жилищ и в заполнении ям, — плотный темный суглинок с вкраплениями угля и пережженной глины, мощностью 0,1—0,3 м, а в ямах — до 0,9 м.

Раскопками на городище вскрыты остатки двух оборонительных траншей, два жилища, 28 ям и 21 кострище, значительное количество столбовых ямок.

Оборонительные траншеи располагались параллельно краю памятника, непосредственно примыкая друг к другу (рис. 1). Внешняя траншея носила, очевидно, замкнутый характер, поскольку следы ее обнаружены в северной, северо-восточной и южной частях памятника. Обе траншеи хорошо прослеживались в плане, имели четкую профилировку. Ширина внешней траншеи достигала 6 м от края склона, глубина ее 1,5 м от верхней границы материка. Размеры внутренней траншеи составляли соответственно 6,5—8 м и 1,4—1,8 м. Дно траншей округлое, иногда уплощенное, в некоторых случаях у внутреннего края траншей были видны уступы, свидетельствующие об искусственном срезе склона при сооружении котлована. И в той и в другой траншее весьма часты находки костей животных, керамики, вещей, а также остатки кострищ в виде зольных и углистых пятен. Вероятно, помимо основного назначения траншеи использовали и для хозяйственных нужд.

Вдоль внутреннего края траншей отмечены многочисленные (более 500) столбовые ямки — остатки деревянной изгороди, ограждавшей площадку городища. Она состояла из двойного и тройного ряда кольев, размещавшихся довольно часто, но не плотно. Об этом свидетельствует многократно прослеженное расположение ямок в два-три ряда, в линию, перпендикулярную склону. Сохранились следы и от больших мощных столбов, идущих вдоль изгороди на значительном удалении друг от друга. Они, по-видимому, выполняли роль основных креплений оборонительной стенки. Не исключено, что для придания большей прочности изгородь подпиралась с внутренней стороны наклонными кольями, а ряды вертикальных кольев скреплялись горизонтальными столбами: следы тех и других зафиксированы в процессе раскопок. В ряде случаев ямки расположены очень кучно, что может свидетельствовать о неоднократном подновлении изгороди. В целом же оборонительная система городища была весьма мощной и конструктивно достаточно хорошо разработанной.

У северо-восточного края памятника (раскоп I) исследованы остатки двух жилищ, располагавшихся в непосредственной близости друг от друга (рис. 1). Постройки вытянуты с северо-востока на юго-восток и имеют прямоугольные очертания. Котлованы сооружений углублены в материк на 25—30 см. Заполнение их состояло из слоя суглинка, насыщенного зольными включениями, под которым в придонной части жилищ залегал плотный темный суглинок с вкраплениями угля и пережженной глины.

Очертания жилища I выявились на глубине 50 см от уровня современной поверхности и прослеживались вглубь на 40 см. Размеры его 8,5×4,8 м. Представление о характере и планировке сооружения дают связанные с ним три кострища, четыре хозяйственные ямы и несколько десятков столбовых ямок. Два кострища располагались в центральной части постройки, а одно — с внешней стороны, непосредственно примыкая к южному углу жилища. Они состояли из зольно-углистых прослоек и пятен прокаленной глины, имеющих овальные и округлые очертания. Размеры кострищ варьировали в пределах 0,8—1,5×0,8—1,1 м. Мощность слоя не превышала 7 см. Хозяйственные ямы не имели устойчивой формы. Они были углублены в материк на 9—20 см. Размеры их 0,5—1,1×0,5—0,9 м. Три ямы находились внутри жилища, рядом с кострищами, одна была вынесена за его пределы, примыкая к юго-западному краю сооружения, несколько выступающему из общих очертаний. Столбовые ямки, относящиеся к жилищу, располагались преимущественно вдоль стен — с внутренней и внешней сторон. Большинство ямок имело диаметр 4—6 см, глубина 8—20 см. Форма дна коническая.

Жилище II размерами 8×4,75 м было выявлено на глубине 50 см и фиксировалось до уровня 80 см. Столбовые ямки, как и в жилище I, располагались в основном вдоль стен и по углам. В пределах сооружения обнаружено два кострища — в северо-восточном и южном углах. Оба

имели овальную форму, размеры их соответственно составляли $0,8 \times 0,65$ и $1,7 \times 1$ м, мощность слоя 5 см. Возле кострищ встречены крупные обожженные камни песчаника, очевидно от обкладки очагов. В южной половине, рядом со вторым кострищем, найдена хозяйственная яма овальных очертаний размерами $1,3 \times 1$ м при глубине 18 см.

Ямы хозяйственного назначения обнаружены и за пределами жилищ. Из них интересны ямы-кладовки, размеры которых достигали $2 \times 1,5$ м, а глубина 1 м. Они имели прямоугольную форму, стенки их были закреплены досками и кольями, днища иногда выстланы берестой. Об использовании подобных ям для хранения продуктов свидетельствуют найденные в них крупные толстостенные сосуды хозяйственного назначения, бронзовое ведро, зерна полбы-двузернянки и гороха.

Вскрытые на городище жилые сооружения представляли собой слегка углубленные прямоугольные дома наземного типа, с бревенчатой конструкцией стен и, возможно, двускатным перекрытием. Пол был земляным. В центре и по углам жилища размещались круглые или овальные открытые очаги, иногда с каменной обкладкой. Рядом с очагами находились хозяйственные ямы, как правило, небольших размеров. В них нередко находки керамики и костей животных. Крупные ямы-кладовки, предназначенные для длительного хранения продуктов, были вынесены за пределы жилищ.

Материал, собранный в слое городища, представлен многочисленными фрагментами керамики, различными предметами, костями животных.

Глиняные сосуды изготовлены от руки с использованием техники ленточного налепа. В составе теста всех сосудов имеется примесь мелкотолченой раковины. Первичная обработка поверхности, как внутренней так и внешней, производилась щепкой или травой, отчего на поверхности остались заметные следы штриховых линий, расположенных в разных направлениях. При вторичной обработке сосуды заглаживали рукой или мягким предметом. Обжиг костровый, цвет обычно сероватый или светлорыжий. Размеры сосудов различны: от небольших, диаметром 5 см, до весьма крупных, диаметром свыше 40 см. В количественном отношении преобладают сосуды средних размеров, диаметром по венчику 23—30 см. Толщина стенок варьирует от 0,3 до 1,3 см. Форма венчиков разнообразная: округлые и плоские, срезанные наружу и внутрь, заостренные либо утолщенные.

Из 268 фрагментов, прошедших статистическую обработку, удалось реконструировать 137 сосудов. Посуда подразделяется на четыре группы (рис. 2). За основу классификации взята профилировка верхней части сосудов, поскольку в целом форма довольно стандартна: это типичные прикаские чаши с округлым или уплощенным дном.

В группу I вошли сосуды с отогнутой наружу, четко профилированной шейкой, со слабовыпуклым или раздутым туловом (рис. 2, 1—4). Группа II включает сосуды с прямой слабовыраженной шейкой (рис. 2, 5—7). Эти сосуды преобладают (37,8%). Среди них имеются экземпляры с характерным ребром на плечике (рис. 2, 7). Группа III представлена сосудами с вогнутой внутрь шейкой, венчик и шейки которых часто разделены (рис. 2, 8, 9). Их на городище меньше всего (10,2%). В группу IV выделяются низкие чашки (рис. 2, 10—12).

Орнаментировано $\frac{3}{4}$ всех выделенных сосудов. Статистической обработке подверглись сосуды, орнаментальный пояс которых завершен полностью. Орнамент располагается исключительно в верхней части — по венчику, шейке, плечу. Наиболее распространены гребенчатый, шнуровой, ямочный, резной орнамент, пальцево-ногтевые вдавления. Орнамент по венчику (83,5% всех орнаментированных сосудов) — выполнен гребенчатым штампом (рис. 2, 3, 6, 9, 10), насечками (рис. 2, 2), пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 2, 1, 7), ямками (рис. 2, 5, 11), очень редко — шнуром. По шейке и плечикам орнаментировано 56,8% сосудов.

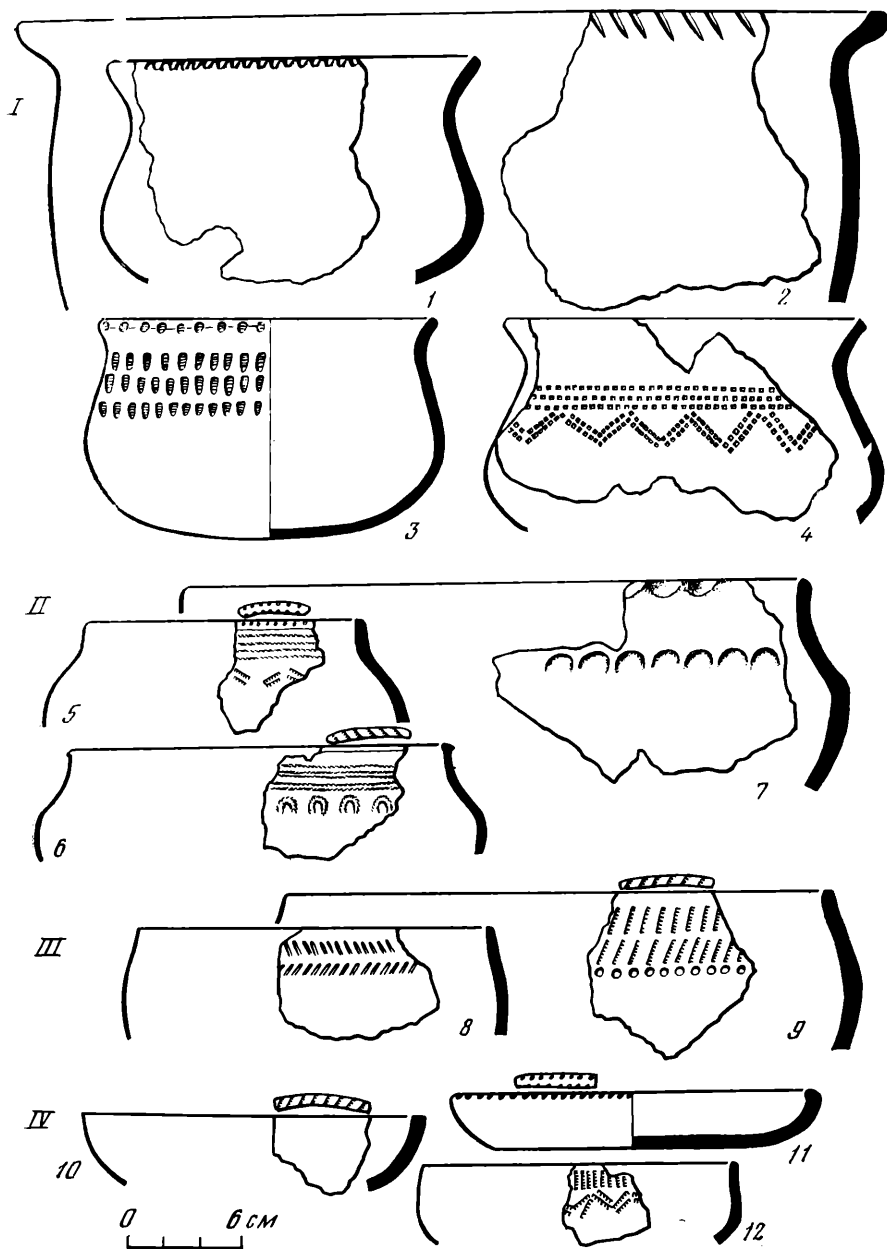

Рис. 2. Керамика групп I—IV городища Шудья-кар (1—12)

В их украшении преобладает гребенчатый штамп (44,2% рис. 2, 3—5, 9, 12), образующий чаще всего узор в виде ряда вертикальных оттисков гребенки и зигзага. Реже встречаются наклонные (рис. 2, 9) либо горизонтальные оттиски. Отпечатки шнура (8%) представляют собой горизонтальные полосы (от 2 до 13), иногда — подковки (рис. 2, 5, 6). Ямочные вдавления круглой, удлиненной и треугольной формы, образующие обычно горизонтальный ряд, имеют 7,5% сосудов (рис. 2, 5, 9, 11). Остальные элементы узора представлены пальцевыми вдавлениями (рис. 2, 7), резными линиями (рис. 2, 8), изредка гладким штампом, розеткой, кружками.

Наибольшее сходство керамика городища обнаруживает с керамикой ломоватовской и родановской культур. Это прослеживается по форме и составу теста (чашевидные сосуды с примесью раковины) и по орнаментации (в ломоватовской культуре преобладает гребенчато-шнуровой узор, в родановской — гребенчато-кружковый)¹⁰.

Определенные черты сходства прослеживаются и в керамике одно-временных памятников на соседних территориях, в бассейне рек Чепца и Вычегда. Общее здесь проявляется в форме сосудов и некоторых типах орнаментальных узоров, хотя в целом сходные элементы восходят, вероятнее всего, к более ранним основам.

Вещевой комплекс городища представлен украшениями, орудиями труда и оружия, бытовыми вещами — всего 129 предметов, изготовленных из бронзы, железа, стекла, кости, глины и камня.

Среди костяных предметов наиболее многочисленную группу составляют наконечники стрел, которые делятся на трехгранные и ромбические в сечении, с хорошо выраженным черешком (рис. 3, 3, 11). Длина пера колеблется от 3 до 7,5 см, длина черешка — от 2 до 5 см. Костяные изделия включают также украшения, среди которых следует выделить девять подвесок-амулетов, изготовленных из зубов, клыков и составных костей животных (рис. 3, 5, 7, 8). Единицами встречены предметы быта из кости: копоушки, проколка, несколько рукоятей для шильев, кочедык, ложило, лопатки-гладилки, пряслице (рис. 3, 1, 2, 4, 6, 10, 12). Найдены кости-заготовки со следами первичной обработки.

Бронзовые вещи представлены в основном украшениями. Это бронзовая витая гривна, сплетенная из проволочных колечек (рис. 4, 35); две фибулы в форме колец с четырех- и шестигранными концами (рис. 4, 30, 32); две шумящие подвески (рис. 4, 13, 15); шесть пряжек (рис. 4, 17—19, 27, 28, 31); поясная накладка прямоугольной формы с заостренным концом (рис. 4, 23); несколько пронизок (рис. 4, 1, 2) и другие вещи.

Из украшений следует также назвать бусы. 19 бусин, изготовленных в большинстве из глухого стекла, желтого, красного и синего цвета, иногда украшенных мозаичными глазками.

Железных предметов найдено 35. Преобладают орудия труда и предметы быта. Среди них — массивный проушный топор с плоским обухом и боковой выемкой с внутренней стороны (рис. 3, 22); длина 13,6 см, ширина лезвия 8,3 см); косы-горбуши; ножи (рис. 3, 21, 25), лезвия которых зачастую сильно сточены; шерсть шильев круглой и четырехгранной в сечении формы, у некоторых сохранились костяные рукояти (рис. 3, 2, 10); фрагмент удила (рис. 3, 20); скобель (рис. 3, 24); калачевидное кресало (рис. 3, 19); висячий съёмный замок цилиндрической формы с ключом к нему (рис. 3, 16). Найдено много железных наконечников стрел. Все они плоские, с хорошо выраженным черешком, с упором на древко (рис. 3, 13, 14, 17) или без него (рис. 3, 18).

При раскопках также обнаружены глиняные и каменные пряслица округлой формы диаметром от 2 до 6 см, толщиной от 0,5 до 1,4 см, 36 тиглей конусовидной формы высотой от 6 до 7,8 см, диаметром от 3 до 5 см, толщиной стенок 0,4—0,8 см, изготовленных из обожженной глины (рис. 3, 23), и большое количество шлака со следами меди и железа.

Ранняя дата городища устанавливается по колоколовидной полусферической подвеске, украшенной поперечными и продольными линиями (рис. 4, 14); прямоугольной вытянутой накладке с одним приостренным концом, узкой продольной прорезью и поперечными насечками у основания (рис. 4, 23) и плоской колесовидной подвеске, украшенной ажурными прорезями (рис. 4, 33). Аналогичные вещи были широко распространены в Прикамье в VII—IX вв.¹¹ Основанием для определения поздней даты памятника служат находки съёмного цилиндрического замка

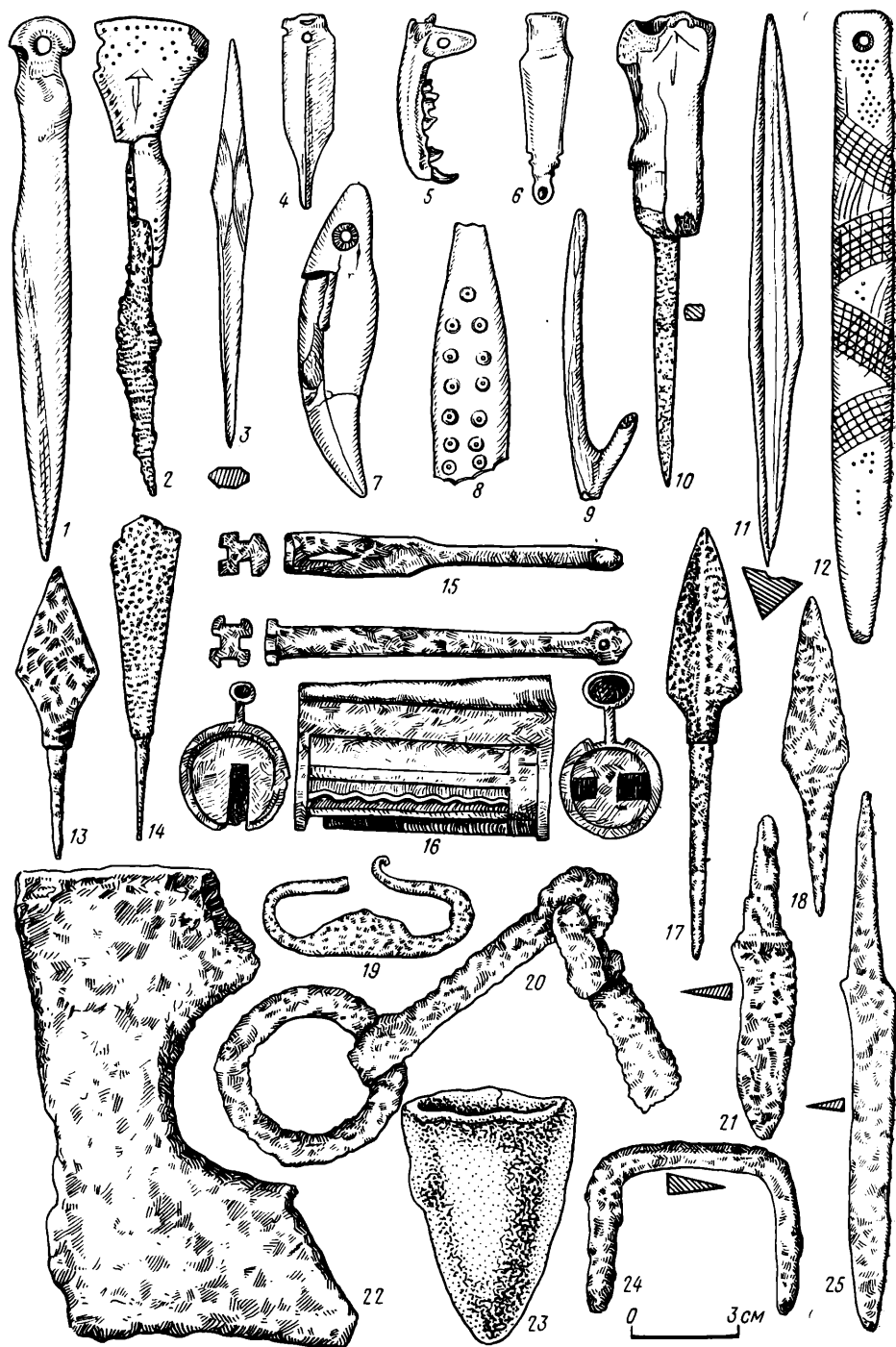

Рис. 3. Вещи городища Шудья-кар

1—12 — кость; 13—22, 24, 25 — железо; 23 — глина

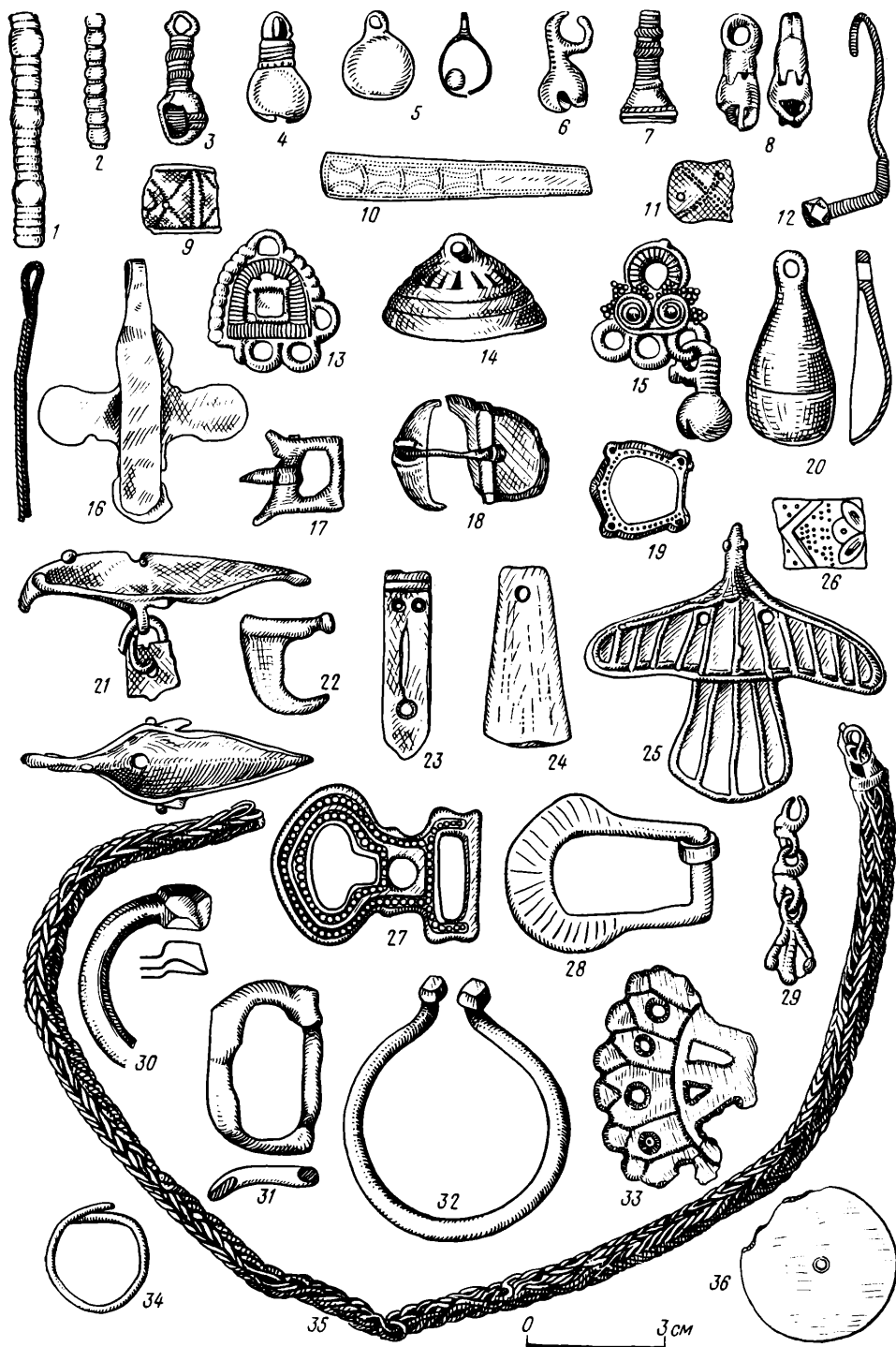

Рис. 4. Бронзовые вещи городища Шудья-кар (1—36)

и двух ключей. Подобные были распространены в Новгороде с XIII до второй половины XIV в.¹² Кроме того, некоторые типы наконечников стрел датируются XIII—XIV вв.¹³ Остальные вещи укладываются в предложенные хронологические рамки. Среди них назовем арочную шумящую подвеску (рис. 4, 13), аналогии которой известны среди материала из погребений Ленского и Петкойского могильников позднего этапа вымской культуры (XII—XIV вв.)¹⁴, а также из Приладожских курганов¹⁵. Фигурка хищной летящей птицы с распростертыми крыльями, покрытой удлинненными линиями, передающими оперение (рис. 4, 25), несомненно является одним из предметов металлической скульптуры так называемого пермского звериного стиля. Подобное изображение летящей птицы было характерно для Прикамья в X—XII вв.¹⁶ Следует также отметить проволочную серьгу, к одному из концов которой крепился куб со срезанными углами (рис. 4, 12). Аналогичные серьги были завезены в Прикамье из Волжской Болгарии в XIII—XIV вв.¹⁷ Калачевидные кресала с завитыми концами (рис. 3, 19) по новгородской стратиграфии датируются X—XI вв.¹⁸ Найденные на памятнике косы-горбуши бытовали достаточно длительное время — с X по XIV вв. Таким образом, вещевой комплекс городища позволяет датировать его VII—XIV вв.

По назначению памятник относится к поселениям, служившим местами постоянного обитания в течение длительного времени. В пользу этого утверждения свидетельствуют значительные по мощности культурные напластования, развитая оборонительная система, жилые и хозяйственные сооружения, богатый вещевой и керамический материал. Данные, полученные при раскопках городища, позволяют рассматривать его как один из опорных памятников при характеристике этнической истории населения верховьев Камы в позднеломоватовское и родановское время.

¹ *Оборин В. А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. — Вопросы археологии Урала, 1970, 9, с. 28, 29.

² Дореволюционное название района Верхней Камы в пределах б. Глазовского уезда Вятской губернии. Ныне — Афанасьевский р-н Кировской обл.

³ *Первушкин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. По следам Чуди в верховьях р. Камы. — МАВГР, 1896, II, с. 13—173.

⁴ *Шатров А. Н.* Археологические сведения о Зюздинском крае. — МАВГР, 1899, III, с. 75—86.

⁵ *Спицын А. А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. — МАР, 1902, № 26, с. 23—34, табл. VII, 5, 7; XII, 5; XIII, 7; XV, 4, 9, 12, 16; XVI, 5; XVIII, 14, 20; XXII, 18; XXIII, 20; XXVI, 11, 27; XXXIII, 3, 9; XXXIV, 25; XXXVI, 1—3, 5, 7, 9—18, 21—26, 30—32.

⁶ *Оборин В. А.* Отчет археологической экспедиции 1951 г. Архив Удмуртского республиканского музея.

⁷ *Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. — МИА, 1952, № 27, № 1434—1485.

⁸ *Оборин В. А.* Этнические особенности..., с. 29.

⁹ *Голдина Р. Д.* Отчеты об исследованиях Камско-Вятской археологической экспедиции в 1974 и 1975 гг. Архив ИА, р-1, д. 5546, 5577; *Кананин В. А.* Отчет об исследованиях городища Шудья-кар в 1976 г. Архив ИА, р-1, д. 6361.

¹⁰ *Голдина Р. Д.* К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников. — В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977, с. 49; *Оборин В. А.* Этнические особенности..., с. 10—13.

¹¹ *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме. — Вопросы археологии Урала, 1970, 9, с. 76, 82, 84, табл. 39, 48; 47, 7, 8; 50, 11—14.

¹² *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 82.

¹³ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. — САИ, 1966, вып. Е1—36, с. 67, 70, 85, табл. 25, 17; 26, 30; 27, 2.

¹⁴ *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. М., 1971, с. 71, 99, табл. 35, 2—4.

¹⁵ *Кочуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 39, табл. 4, 2.

¹⁶ *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь, 1976, с. 20, 21, рис. 9; 12, а.

¹⁷ *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28, с. 53.

¹⁸ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 99.

«ЛИТОВСКИЙ ВАЛ» В СМОЛЕНСКЕ

Древнейшие крепостные сооружения Смоленска, предшествовавшие постройке Федором Конем в начале XVII в. каменных стен, остаются почти не изученными. Незначительные их остатки сохранились до настоящего времени. Некоторые сведения содержатся в письменных и графических источниках. Так, на видах Смоленска 1611, 1627, 1637 гг. (рис. 1—3) изображена черта валов, которая проходит почти параллельно линии годовуновских стен и опоясывает город в его южной части на пространстве от Авраамьевского монастыря на востоке, до Королевского (Сигизмундова) бастиона на западе. Видимо, эти земляные укрепления были более обширными, чем показано на изображениях Смоленска. Смоленский историк Н. Н. Мурзакевич, впервые описавший их в 1835 г., отмечал, что «остатки земляного вала уцелели от Королевской крепости до Молоховских ворот, от Шеинова пролома до Никольских ворот, от Никольской башни до Авраамьевской... и от Шеиновой башни до Богословской (что в предместье) улицы»¹. Это же описание валов в последующее время встречается и у других исследователей города².

Рис. 1. Вид Смоленска на медали, отчеканенной в 1611 г.

Рис. 2. Анонимный план Смоленска 1627 г.

Дореволюционные историки Смоленска датировали вал по-разному. С. П. Писарев полагал, что эти укрепления существовали «еще с первых смоленских князей», а в XV в. высота вала была увеличена литовцами³. Противоположной точки зрения придерживался И. И. Орловский, который считал, что валы возведены литовцами в XV в.⁴ И хотя И. И. Орловский, так же как и С. П. Писарев, не приводил никаких серьезных аргументов в пользу своей догадки, его точка зрения по непонятной причине возобладала и по сей день распространена в литературе по истории Смоленска. Правда, И. Д. Белогорцев высказал предположение, также абсолютно ничем не обоснованное, но позднее поддержанное Н. Н. Ворониным, что валы эти были возведены еще в XII в., когда князь Ростислав в 1134 г. «устроил град великий Смоленск»⁵.

В 1976 г. Смоленская археологическая экспедиция производила обследование участка вала, расположенного в восточной части города, недалеко от Авраамьевского монастыря, у крепостной стены XVII в., между башнями Ворониной и Заалтарной, за домом 12 по ул. Красногвардейской (рис. 4). Основной задачей раскопок было выяснение времени насыпки вала и его устройства.

Работа затруднялась тем, что участок вала на пространстве от Авраамьевского монастыря до Никольских (Еленских) ворот смоленской крепости в конце XIX в. был частично спланирован и продан городскими властями частным лицам под жилую застройку, а земля после срытия вала пошла на засыпку городского рва. Эти действия городских властей вызвали бурный протест со стороны смоленского археолога и историка С. П. Писарева⁶.

Сейчас никаких построек на месте раскопок не сохранилось. Пространство, где располагался вал, заросло травой, а местами — редкими деревьями. Остатки вала распылились и утратили первоначальные очертания. Они представляют собой небольшое всхолмление высотой до 1,5 м и шириной около 25—28 м.

Для обследования вала заложен раскоп площадью 10×2 кв. м, перпендикулярно оси вала в направлении запад — восток. Раскоп заканчивался в 50—80 см от прясла крепостной стены⁷. По всей площади раскопа сверху шел перекопанный слой строительного мусора (рис. 5). В западной части раскопа его пререзали остатки кирпичной стены, продолжение которой выходило на поверхность земли к северу от раскопа. Фундамент этой стены, сложенный из валунов, частично врезался в первоначальную насыпь вала. Общая мощность перекопанного слоя составляла 140 см в восточной части раскопа и 180 см — на остальной площади. Под этим слоем появились следы насыпи вала, состоящей из желтого суглинка и нарушенной в верхней части прослойками битого кирпича и песка.

В центральной части раскопа на глубине 260—350 см была выявлена довольно мощная прослойка серого суглинка с примесью гумуса. Толщина ее колебалась от 34 до 100 см. В южной части раскопа наблюдался резкий перепад уровня залегания прослойки в направлении восток — запад. Ниже слоя гумусированного суглинка лежала непотревоженная часть насыпи вала мощностью 216—250 см, которая в некоторых местах содержала небольшие (диаметр до 10 см) пятна древесного тлена. У основания насыпь вала пререзали две прослойки чистого желтого песка толщиной 2—4 см. Нижняя из них занимала всю площадь квадрата

Рис. 3. План Смоленска, выгравированный Гондиусом в 1637 г.

Рис. 4. Схема расположения раскопа

1 — раскоп; 2 — башня Заалтарная; 3 — башня Воронина; 4 — Спасо-Преображенский собор Авраамьевского монастыря; 5 — дом 12 по ул. Красногвардейской

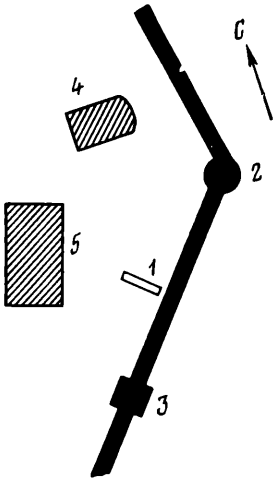
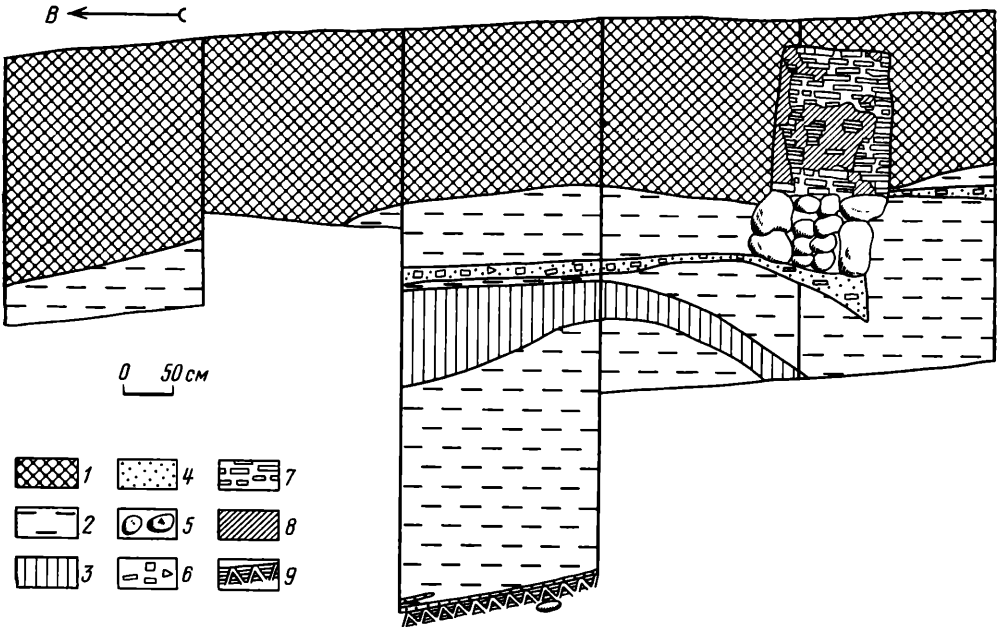

Рис. 5. Профиль южной стенки раскопа

1 — перекопанный слой строительного мусора; 2 — суглинок; 3 — гумусированный суглинок; 4 — песок; 5 — камни; 6 — кирпичный щебень; 7 — кирпичная кладка; 8 — поврежденные участки кладки; 9 — материк

и лежала прямо на материке, который представлял собой глину серовато-желтого цвета с включением камней материкового происхождения.

Выяснилось, что верхняя часть сохранившейся насыпи вала значительно попорчена позднейшими строительными работами, так что непопореженной осталась лишь нижняя часть. Вал был насыпан практически на материке (если не считать тонкую прослойку песка), подошва его залегала на глубине 550—596 см. К сожалению, установить ширину вала, а также отсутствие или наличие внутривальных конструкций не удалось.

Помимо позднейшей керамики в верхнем перекопанном слое и в непопореженной части насыпи вала были найдены следующие вещи: обломок плинфы размерами $7 \times 16 \times 5$ см, фрагмент поливной восточной керамики (по определению Г. А. Федорова-Давыдова — турецкой XVI в.) и на материке — три небольших фрагмента чернолощеной керамики XV—XVI вв. Таким образом, можно полагать, что вал был насыпан на рубеже XV—XVI вв. или скорее всего в XVI в.

Кто возвел эти укрепления, установить точно не представляется возможным. Одним из аргументов в подтверждение своей точки зрения о насыпке вала литовцами И. И. Орловский считал грамоты великих князей литовских Казимира и Александра⁸, полагая, что в них содержится указание об «укреплении» города, предпринятом этими князьями в конце XV в.⁹ Действительно, в грамотах говорится об укреплении смоленской крепости, именуемой «замком», но не с помощью постройки новых оборонительных сооружений, а путем благоустройства города и привлечения жителей разными льготами и милостями. О возведении новых укреплений никаких сведений нет.

В 1499 г. великий литовский князь Александр, предвидя войну с Московским государством, укрепил, как сообщает летопись, Витебск, Полоцк и Смоленск и оставил там гарнизоны¹⁰. Можно было бы предположить, что новая черта валов возведена в Смоленске именно в то время (тем более что это сочетается с данными археологии), если бы не одно обстоятельство. Русские летописи, описывая второй поход Василия III на Смоленск в июне 1513 г. с целью присоединения его к Московскому государству, сообщают, что гарнизон города и его жители совершили против осаждавших войск князя вылазку «за город за валы на бой», которая закончилась для них поражением¹¹. Большой интерес для освещения этого эпизода представляет отрывок из неизвестной летописи, посвященный походам Василия III на Смоленск и содержащийся в Иоасафовской летописи. Этот отрывок, как и основная Иоасафовская летопись, датируется самым началом 20-х годов XVI в.¹², что позволяет относиться к нему с большим доверием. В рассказе о втором походе Василия III и вылазке смолян из крепости содержится деталь, которая отсутствует в других летописях. В то время как остальные источники лишь констатируют факт выхода смолян из города за валы, в этом отрывке подчеркивается, что они вышли из города за валы к «пречистое Аврамьевской»¹³. «Пречистая Аврамьевская» — это Авраамьевский монастырь, основанный в начале XIII в. и находившийся за пределами города вплоть до возведения этой новой черты валов. Таким образом, следует вывод, что в 1513 г., т. е. за год до присоединения Смоленска к Московскому государству, вал еще не был насыпан. Правда, можно предположить, что такой объем работ мог быть выполнен литовцами и в течение этого года, но для этого, очевидно, необходимы были благоприятные условия, которых как раз и не было. Так, в сентябре 1513 г. войска Василия III опять подступили к Смоленску и осаждали город до тех пор, пока «приспе осень, дни студены а корму конского скудно бе», после чего в конце ноября возвратились в Москву¹⁴. Во время этой осады войска московского князя вели усиленный обстрел города из пушек и пищалей в течение многих дней, чем нанесли городу серьезные повреждения: была разбита «Крыношевская (Крылошевская. — Н. С.) стрельница... и многие места разбиша»¹⁵. По-видимому, после этого подступа к Смоленску литовцы, засевшие в нем, больше думали о ремонте старых, разрушенных укреплений, чем о возведении новых. К тому же через семь с половиной месяцев, из которых четыре-пять приходились на период, когда земля была промерзшей и непригодной для насыпки вала, в июле 1514 г. Василий III вновь подошел к Смоленску в третий раз и после непродолжительной осады взял город. Отсюда следует, что литовцы не могли возвести эти укрепления в течение 1513 г. Однако в русских летописях нет прямого указания и на деятельность московских князей, связанную с насыпкой вала. Правда, в источниках под 11 сентября 1514 г., т. е. через 40 дней после вступления Василия III в Смоленск, есть сведения о том, что князь «поустроил свою отчину град Смоленск»¹⁶. Но очевидно, что за столь малый срок вал насыпан быть не мог. Видимо, эти мероприятия были связаны скорее с ремонтом разрушенных укреплений или с улаживанием каких-либо других дел. В какой-то степени эти события

проясняют иностранные источники. Сигизмунд Герберштейн во время своего путешествия в Московию в 1526 г. отмечал, что Смоленск после присоединения был укреплен московским князем¹⁷. К сожалению, нельзя достоверно представить себе характер этих работ: были ли они связаны с возведением новых укреплений или соответствовали деятельности князя, отмеченной отечественными источниками. Можно только утверждать, что новые укрепления были воздвигнуты не во время литовского захвата Смоленска, как считалось ранее. Учитывая же археологическую датировку вала — XVI в. — и свидетельства письменных источников, можно полагать, что вал был насыпан после присоединения в 1514 г. Смоленска к Московскому государству.

Судя по видам Смоленска начала XVII в. и описанию Н. Н. Мурзакевича и других историков города, вал шел вдоль линии годуновских стен не сплошной полосой, а с перерывами в нескольких местах, видимо для проезда, так как эти перерывы соответствовали Никольским (Еленским), Молоховским и Копытецким воротам. По оборонительным качествам вал этот не уступал годуновским стенам. На изображениях города начала XVII в. видно, что по высоте он был почти равен стенам каменной крепости. С. П. Писарев отмечал, что высота вала в восточной части города у Никольских ворот равнялась высоте каменной стены, исключая зубцы¹⁸. Такой же высоты достигает и сохранившийся до настоящего времени вал и в западной части города, в Парке культуры и отдыха. В результате археологического обследования вала установлено, что подошва его в данном месте залегала на глубине около 6 м от поверхности земли. Принимая во внимание изображения валов на видах города и описание их С. П. Писаревым, можно полагать, что высота вала до его срытия в конце XIX в. равнялась 10—12 м. Но следует отметить, что реконструировать высоту вала на всем его протяжении не представляется возможным.

Дореволюционные историки Смоленска считали, что этот вал до постройки каменной стены был укреплен дополнительно деревянными стенами и башнями¹⁹. Герберштейн писал, что нагорная сторона крепости укреплена тыном, отмечая при этом, однако, что прибрежная часть крепости выстроена из дуба (видимо, здесь подразумевались деревянные стены и башни)²⁰. Это же описание укреплений Смоленска находим и у Матвея Меховского (1517 г.), который говорит о городе как о замке, выстроенном из дуба и защищенном рвами²¹. Антоний Поссевин (1580 г.) не упоминает о тыне, но отмечает, что крепость окружена насыпью, укрепленной плетнем, в отверстие которого вставлены пушки²².

Таким образом, в верхней, нагорной, части города земляные валы, несомненно, были укреплены тыном, а не деревянной стеной. Это подтверждают и виды Смоленска XVII в. Кроме того, отметим суждение Ф. Ласковского, утверждавшего, что размеры сохранившегося в Смоленске земляного вала свидетельствуют о существовании в городе не деревянных стен, а земляной крепости с тыном²³. Учитывая высоту тына, стоявшего на земляной насыпи, можно предполагать, что валы с тыном по высоте были одинаковы с крепостью Федора Коя и ничуть ей не уступали.

Эта линия обороны сыграла большую роль во время осады Смоленска в 1609—1611 гг. Гетман Станислав Жолкевский, принимавший участие в осаде города, в своем дневнике пишет: «за стеной тут же непосредственно был старый вал..., во времена предков наших бывший сильнейшим оплотом крепости, нежели эта каменная стена... Столь высокий вал служил препятствием ко входу в крепость»²⁴ и не раз спасал смолян, когда каменные стены не выдерживали²⁵.

- ¹ *Мурзакевич Н. Н.* Достопамятности города Смоленска.— ЖМНП, 1835, VIII, 12, с. 517.
- ² *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 77; *Орловский И. И.* Смоленская стена 1602—1902 гг. Смоленск, 1902, с. 7.
- ³ *Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 8.
- ⁴ *Орловский И. И.* Смоленская стена..., с. 7, 8.
- ⁵ *Белогорцев И. Д.* Кирпичные постройки XII в. в Смоленске.— МИСО, 1963, 5, с. 145; *Воронин Н. Н.* Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде.— ВИ, 1975, № 2, с. 207.
- ⁶ Продажа валов возле Никольских ворот по Авраамьевской улице.— Смоленский вестник, 1898, 12 марта; Протест гласного и местного археолога С. П. Писарева.— Смоленский вестник, 1898, 15 марта. Остатки вала до настоящего времени сохранились только в западной части смоленской крепости, в городском Парке культуры и отдыха (б. Лопатинский сад).
- ⁷ В четырех квадратах раскопа были приостановлены работы на глубине 230—270 см и доведены до материка только в квадрате 3.
- ⁸ Опубликовано в кн.: *Никитин П. Е.* История города Смоленска. М., 1848, приложение, с. XVII—XXIX.
- ⁹ *Орловский И. И.* Смоленская стена..., с. 8.
- ¹⁰ Хроника Быховца. М., 1965, с. 113.
- ¹¹ Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 161; ПСРЛ, 1965, т. 13, с. 16.
- ¹² Иоасафовская летопись, с. 12.
- ¹³ Там же, с. 193.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Иоасафовская летопись, с. 165; ПСРЛ, т. 13, с. 21.
- ¹⁷ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908, с. 19.
- ¹⁸ Протест гласного и местного археолога С. П. Писарева.
- ¹⁹ *Писарев С. П.* Княжеская местность..., с. 78; *Орловский И. И.* Смоленская стена..., с. 7, 8.
- ²⁰ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки..., с. 111, 112.
- ²¹ *Мезовский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936, с. 108.
- ²² *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918, с. 244.
- ²³ *Ласковский Ф.* Материалы по истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858, с. 227.
- ²⁴ Рукопись Станислава Жолкевского. Изд. П. Мухановым. СПб., 1895, с. 168.
- ²⁵ Дневник осады Смоленска польским королем Сигизмундом III в 1609, 1610 и 1611 гг.— В кн.: *Бутурлин Д. П.* История Смутного времени в России в начале XVII в., ч. III. СПб., 1846, с. 223—224.

В. Г. ПУЦКО

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ РЕЛЬЕФ В СОФИИ КИЕВСКОЙ

Изумляющая искусством исполнения мраморная инкрустированная спинка митрополичьего престола в алтарной апсиде Софийского собора в Киеве¹ имеет частично стесанный по краям рельеф (рис. 1). На это обстоятельство обращали внимание исследователи, отмечавшие вторичное использование мраморной плиты².

Это интересное само по себе произведение каменной пластики важно для изучения вопроса использования в киевском строительстве XI в. ранневизантийских мраморов³.

Беломраморный рельеф (размеры 72×108 см) имеет заключенную в прямоугольное обрамление композицию, которая состоит из круга с вписанной в него хризмой, или шестиконечным крестом⁴ с двумя фланкирующими его крестами. Последние соединены с кругом волной стелбля, имеющего на концах листья плюща. Рельеф резбы невысокий, тщательно отшлифованный, и следовательно, предположение, что плита могла быть испорчена при обработке, отпадает. Тем более выглядит странным.

что строители собора могли пренебречь столь совершенно выполненной работой и, стесав края довольно толстой мраморной плиты, обратить ее в спинку кресла. Почему понадобилось выполнить инкрустацию спинки по мрамору, тогда как для украшенных таким же способом поручней использован пирофиллитовый сланец серо-лилового тона, а не окрашенный в коричневый цвет мрамор? Думается, прежде всего потому, что было найдено единственно удачное применение для рельефа, когда мрамор был дорогим материалом.

Мраморный рельеф типологически существенно отличается от украшающих парапеты хор шиферных плит, хотя среди них есть со сходными орнаментальными мотивами. Известно, что в пластике IX—XI вв. нередко использовали модели времени Юстиниана⁵, но их стилистические отличия от произведений VI в. достаточно очевидны. Именно они и не позволяют видеть в рельефе на оборотной стороне спинки митрополичьего престола изделие, современное Софийскому собору.

Мраморные плиты с аналогичными рельефными изображениями известны. К их числу относятся рельефы алтарной преграды церкви Климента в Риме, датированные 514—523 или 533—535 гг.⁶, саркофаг Сант Барбазано в Равенне⁷, плита преграды или же октогонального ограждения в церкви Мцхетского Джвари (рис. 2)⁸, фрагменты мраморной алтарной преграды из Херсонеса, хранящиеся ныне в Историческом музее в Москве⁹, а также фрагментарно сохранившаяся мраморная плита, обнаруженная при раскопках базилики VI в. в Суводоле, где она занимала место в алтарной преграде¹⁰. Покольку рельеф оборотной стороны спинки митрополичьего престола Софии Киевской входит в этот же ряд произведений каменной пластики VI в., особенно сближаясь с мраморными плитами из Мцхетского Джвари и Суводола, представляется наиболее вероятным его первичное использование в качестве парапета алтарной преграды.

В свое время Н. Е. Макаренко аргументированно показал, что находящийся в Софийском соборе большой мраморный саркофаг изготовлен в VI—VII вв., а в 1054 г., когда умер Ярослав Мудрый, использован для

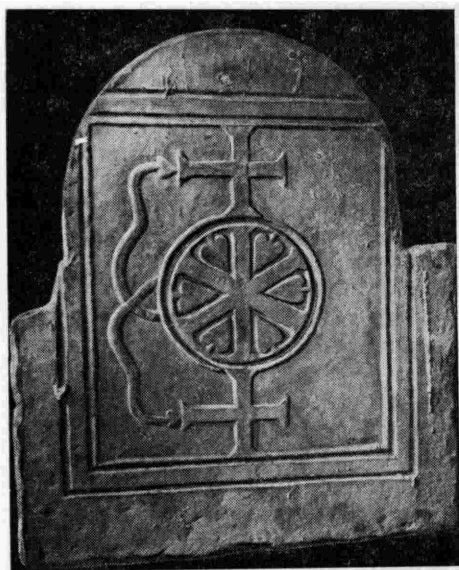

Рис. 1. Рельеф на оборотной стороне спинки митрополичьего трона в Софии Киевской. Мрамор. VI в.

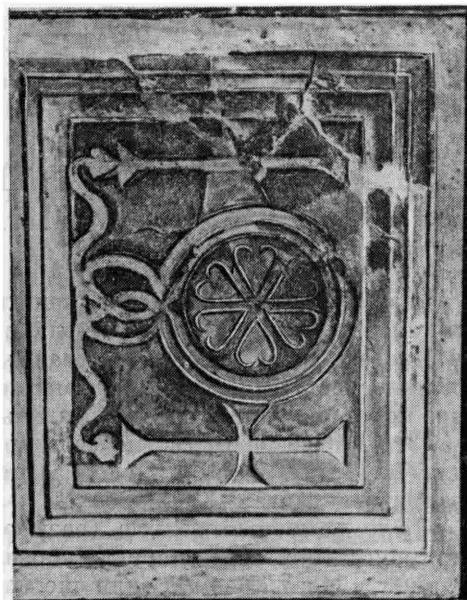

Рис. 2. Мраморный рельеф из Мцхетского Джвари

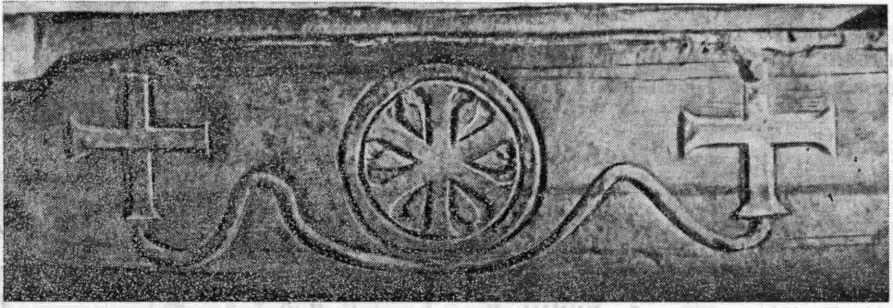

Рис. 3. Мраморный саркофаг в Софии Киевской. Деталь.

погребения вторично¹¹. В этом саркофаге исследователь склонен был видеть памятник малоазийского происхождения. Судя по материалам, всплывшим в исследовании о константинопольской скульптуре А. Грабара¹², саркофаги и мраморные плиты с аналогичными мотивами для столицы Византии не были характерными. Зато мы их встречаем преимущественно там, где сильны были влияния культуры христианского Востока: в Грузии, Херсонесе, Македонии, а для VI в. также в Риме и Равенне. Заметим, что композиция, сходная с находящейся на рассматриваемом рельефе, украшает и крышку саркофага Ярослава Мудрого.

Другой мраморный саркофаг в Софийском соборе Киева с аналогичным изображением на стенке (рис. 3)¹³ явно свидетельствует о появлении в Киеве в XI в. резных мраморов VI в., вывезенных, очевидно, из захваченного Владимиром в 989 г. Херсонеса. Именно в VI в., при Юстиниане, начался интенсивный процесс христианизации населения Крымского полуострова, вызвавший широкое строительство храмов¹⁴. Огромное количество мраморных деталей доставлялось из императорских мрамороломов и мастерских на острове Проконнесе, недалеко от Константинополя. Если предположить, что пласты и глыбы привезенного сероватого с голубыми прожилками мрамора были обработаны в Киеве, то не странным ли покажется то, что перед нами почти исключительно юстиниановские образцы? Думаем, что гораздо логичнее предположить здесь вторичное использование указанных изделий, составивших военную добычу русских.

Летописец особо отмечает две статуи и бронзовую квадригу коней, подобную вывезенной венецианцами из Константинополя и установленной на фасаде Сан Марко. Они были взяты Владимиром из Херсонеса¹⁵. Квадрига была поставлена на площади Бабина торжка, за Десятинной церковью¹⁶. Таким образом, предположение о вывозе из Херсонеса резных мраморов, нашедших в Киеве новое применение, получает подтверждение.

Каменная пластика, обильно представленная в Десятинной церкви и Софийском соборе, затем, с середины XI в., встречается только в Дмитриевском монастыре (рельефы святых всадников) и в соборе Печерского монастыря. К началу XII в. в декоре киевских храмов исчезает не только мрамор, но даже и резьба по шиферу. Культивировавшиеся при Владимире и Ярославе Мудром новые византийские формы так и остались официальным искусством, рассчитанным на определенную социальную среду¹⁷. В скульптуре на киевской почве не были созданы местные традиции, и это служит одним из показателей ее ограниченного развития. Находимые в усадьбе Софии Киевской обломки мрамора сами по себе еще не говорят о том, что существовала хорошо налаженная художественная обработка этого материала. Такие обломки должны были появиться и при приспособлении ранневизантийских рельефов для новых целей, подобно использованному для спинки митрополичьего трона.

Наличие произведений пластики VI в. в декоре Софии Киевской заставляет выделить их в отдельную группу, определив ее отличия от рельефов времени Ярослава Мудрого.

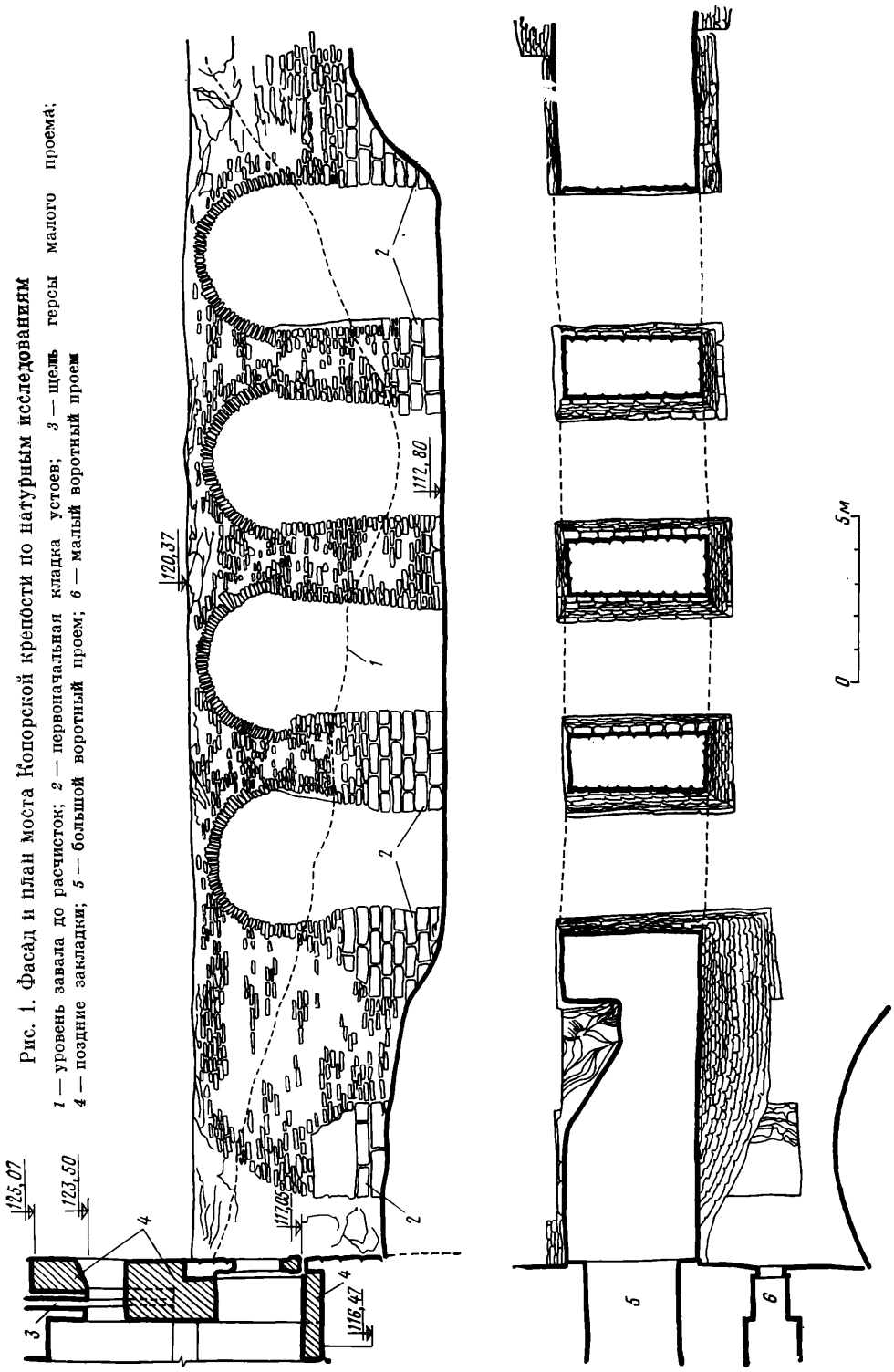
- ¹ *Айналов Д. В.* Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви.— Труды XII АС, т. III. М., 1905, с. 10; *он же.* Лекции по истории древнерусского искусства. Киев; Царьград; Херсонес. Симферополь, 1919, с. 127; *Шероцкий К. В.* Киев. Путеводитель. Киев, 1917, с. 47; *Каргер М. К.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода.— Труды Всесоюзной академии художеств. 1947, т. I, с. 35, рис. 25; *он же.* Древний Киев, т. II. М.; Л., 1961, с. 205, табл. XXXIII; *Кресальный Н. И.* Софийский заповедник в Киеве. Киев, 1960, с. 93, 94, табл. после с. 256; *Логвин Г. Н.* София Киевская. Киев, 1971, с. 10, табл. 103.
- ² *Нельговський Ю. А.* Матеріали до вивчення первісного вигляду оздоблення інтер'єра Софії Київської.— В кн.: Питання історії архітектури та будівельної техніки України. Київ, 1959, с. 25; *он же.* Мраморы Софии Киевской.— В кн.: София Киевская. Киев, 1973, с. 61; *Кресальный Н. И.* Софийский заповедник..., с. 140, рис. 121; *Історія українського мистецтва*, т. I. Київ, 1966, с. 226 (текст Г. Г. Мезенцевой).
- ³ *Макаренко М.* Скульптура й різьбярство передмонгольських часів.— В кн.: Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва, I. Київ, 1930, с. 27—96.
- ⁴ Иногда этот мотив, включающий своего рода шестилопастную розетку, рассматривают еще как колесо, составленное из шести сердец с направленными к центру острями.
- ⁵ *Максимовић Ј.* Јустинијански модели у скулптури од IX до XI века.— В кн.: Зборник Светозара Радојчића. Београд, 1969, с. 163—171.
- ⁶ *Schultz B.* Die Kirchen auf der Insel Torcello. Berlin, 1927, S. 3, 4: Abb. A. B; Taf. 1; *Braun J.* Der Christliche Altar, Bd II. München, 1924, S. 667, Taf. 368; *Rivoira G. T.* Le origin della architettura Lombarda e della sue principali derivazioni nel paesi d'Oltr'Alpe, v. I. Roma, 1901, fig. 441.
- ⁷ *Colasanti A.* L'art byzantin en Italie. Milano, 1912, pl. 62; *Venturi A.* Storia dell'arte italiana, t. I. Milano, 1901, fig. 202.
- ⁸ *Чубинашвили Г. Н.* Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948, с. 84, табл. 29; *Шмерлинг Р.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, с. 60—62, табл. I, 1. Размеры рельефа 95×114 см.
- ⁹ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 151, рис. 55, 2.
- ¹⁰ *Месеснел Ф.* Ископанья у Мариовском Суводолу.— Гласник Скопског научног друштва, 1932, кн. XI, с. 208, сл. 11. Размеры рельефа 85×126 см.
- ¹¹ *Макаренко М.* Скульптура й різьбярство..., с. 52—71.
- ¹² *Gabbar A.* Sculptures byzantines de Constantinople (IVe — Xe siècle). Paris, 1963.
- ¹³ *Макаренко М.* Скульптура й різьбярство..., с. 72—73, рис. 17.
- ¹⁴ *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес, с. 29.
- ¹⁵ В Ипатьевской летописи под 988 г.: ...«медяне две капици и 4 кони медяны, иже и ныне стоять за святоу Богородицею, яко же не ведуще мвять я мряморяны суща» (ПСРЛ, т. 2, 1962).
- ¹⁶ *Айналов Д. В.* Летопись о начальной поре русского искусства.— В кн.: Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1903 г. СПб., 1904, с. 19.
- ¹⁷ *Сычев Н.* Искусство средневековой Руси. Л., 1929, с. 180.

И. А. ХАУСТОВА

ВОРОТНОЕ УСТРОЙСТВО КРЕПОСТИ КОПОРЬЕ

Крепость Копорье — один из интереснейших памятников древнерусского оборонного зодчества. Она неоднократно упоминалась в литературе¹, но вплоть до 1960-х годов здесь не было проведено ни обмеров, ни натурного исследования. Комплексное изучение крепости было начато в 1966 г. силами Ленинградской областной реставрационной мастерской и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР². Работа, обобщающая изучение памятника, еще впереди. В настоящей статье мы остановимся лишь на реконструкции воротного устройства крепости XVI в.

Рис. 1. Фасад и план моста Копорской крепости по натурным исследованиям

1 — уровень завала до расчисток; 2 — первоначальная кладка угостев; 3 — щель герсы малого проема; 4 — поздние закладки; 5 — большой воротный проем; 6 — малый воротный проем

Характерная особенность ее состоит в наличии двух расположенных рядом, но разных по ширине воротных проемов (рис. 1, 5, 6). Такое решение не было характерно для древнерусских крепостей, зато широко применялось в оборонительном зодчестве Франции, Венгрии, Чехии и других западноевропейских стран на протяжении всего средневековья. По-видимому, это было вызвано необходимостью иметь открытыми только малые ворота, предназначенные для прохода пешехов, оставляя закрытыми большие как наиболее уязвимые.

Для того чтобы реконструировать воротное устройство Копорской крепости, необходимо понять принципы действия подъемного моста, существовавшего в XVI—XVII вв. Теперешний мост состоит из четырех арочных пролетов и подходит только к большому проему. Кладка устоев и арок сильно повреждена. Часть моста, примыкающая к крепости, имеет провал. Основания устоев засыпаны землей на 1,5—4 м (рис. 1, 1).

По старым описаниям и чертежам можно проследить состояние моста начиная с первой половины XVII в. На гравюрах Олеария он изображен на каменных опорах с бревенчатым настилом. На одном рисунке видно восемь опор, на другом — 11. На чертежах 1730 г. (план и разрез) показано восемь опор.

С начала XIX в. и до 1873 г. мост представлял собой стену с одним пролетом в центре. Четыре арочных пролета он получил при последней перестройке в 1873—1874 гг. Поиски начались с расчистки оснований существующих устоев. При этом выяснилось, что во всех устоях сохранилась более ранняя кладка из крупных, хорошо отесанных камней (рис. 1, 2). Центральный пролет был засыпан землей, а в трех остальных сохранялись остатки закладок между столбами. Береговой устой до конца не расчищен. Можно предположить, что он скрывает еще один пролет. В процессе расчистки моста около крепостной стены удалось обнаружить, что между крепостью и первым устоем существует пролет шириной 2 м, глубиной 7,66 м. Первый устой имеет размеры в плане 2,83×6,70 м, второй, трапецевидной формы, — 2,80—2,70×6,35—6,65 м. Пролет между ними — 3,20 м. Следующие устои в своем основании имеют размеры 2,90—2,97×5,05—5,10 м с пролетами 3,64—4,35 м. Первые два устоя были срублены по высоте наполовину и в начале XVIII в. засыпаны землей и мусором от разборки зданий внутри крепости. Среди этих завалов встречаются керамика, шведские и русские монеты, черные монохромные поливные изразцы XVI—XVII вв.

Историк шведской фортификации В. Мунте указывает, что в 1704 г. русские укрепили Яму и Копорье валом³. Возможно, как раз в то время срубили устои, с двух сторон от моста насыпали земляные валы и установили на них пушки.

Судя по шведскому чертежу XVII в., мост перед двумя входами имел уширенную площадку. Исследования подтвердили, что первые два устоя являлись опорами этой площадки.

Дальнейшее изучение было продолжено у малого заложенного проема (рис. 2). Зондаж помог установить ширину и глубину ниши, куда убирали подъемный мост (рис. 2, 4). Ее ширина 1,61 м, глубина около 1 м. Весь же проем имел ширину около 1,40 м. При исследовании части малого прохода, примыкавшего к проему, куда ныне можно попасть только из первого боя Южной башни, обнаружено, что там первоначально не было перекрытия. Пол этой камеры на 4,5 м ниже уровня прохода. Размеры помещения в плане 157×280 см. В наружной стене под узким (ширина 1,40 м) проемом совершенно неожиданно обнаружился еще один проем шириной 0,63 м и высотой 1,65 м (рис. 2, 8). Закрывался он дверью, для навески которой служили два сохранившихся кованых подстава. Причем толщина стен ниже отметки прохода резко сокращается — с 1,80 до 0,8 м. Поэтому скорее всего нижняя передняя стенка камеры служила опорой для поворотного моста с противовесом. Вертикальный и горизонт-

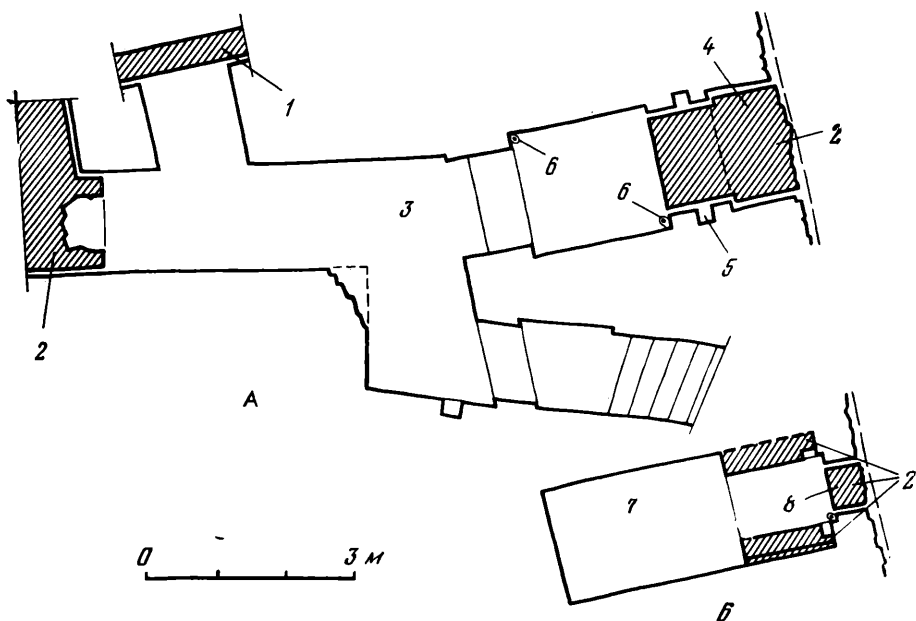

Рис. 2. Планы малого прохода и нижней камеры

1 — кирпичный футляр 1867 г.; 2 — закладки известняком во второй период строительства; 3 — малый проход; 4 — ниша для подъемного моста; 5 — щель для герсы; 6 — подставки для навески ворот; 7 — нижняя камера; 8 — проем под мостом; А — план на отметке 121,5 см; Б — план на отметке 118 см

тальный швы дали возможность определить, что толщина моста равнялась 40 см. Внутренние стены камеры облицованы чистотесаным известняком.

В стенах не обнаружено никаких гнезд от первоначальных перекрытий, но надо иметь в виду, что стена, противоположная входу, в верхней своей части имеет большие обрушения.

Все эти наблюдения позволяют считать, что подъемный мост малого прохода был сооружен по принципу «качели на одной оси». Нижняя же камера служила местом, куда опускался противовес и где находился механизм лебедки, при помощи которого поднимался мост. Подобное устройство моста с противовесом и нижней камерой использовалось в некоторых западноевропейских замках⁴.

Чтобы определить существование герс для закрывания большого и малого проемов, на уровне третьего яруса воротного комплекса были заложены шурфы и зондажи. В результате над большим проходом выявлена щель шириной 0,14—0,17 м, длиной 3,87 м (рис. 3, 7), засыпанная щебнем. Расчистка на глубину 1,10 м показала, что в щели находится кованая герса длиной 2,74 м, зажата кирпичной кладкой (рис. 3, 9). Горизонтальные прутья герсы продеты в вертикальные и расположены на концах. Сечение горизонтальных прутьев 7×3 см, расстояние между ними 20 см. В местах отверстий для горизонтальных прутьев вертикальные расширяются до 10 см, а в промежутках суживаются до 8 см. Толщина каждого прута 3 см. Над верхним горизонтальным прутом они поднимаются на 22—26 см. Вертикальные прутья расположены друг от друга на расстоянии от 6 до 38 см. Герса поднималась за два кольца, прикрепленных на четвертых прутьях, считая от краев. Круглое сечение каждого кольца имеет диаметр 3—3,4 см, диаметр самого кольца 22 см. Слева и справа от щели наружная стена утолщается на 64 см, на торцах

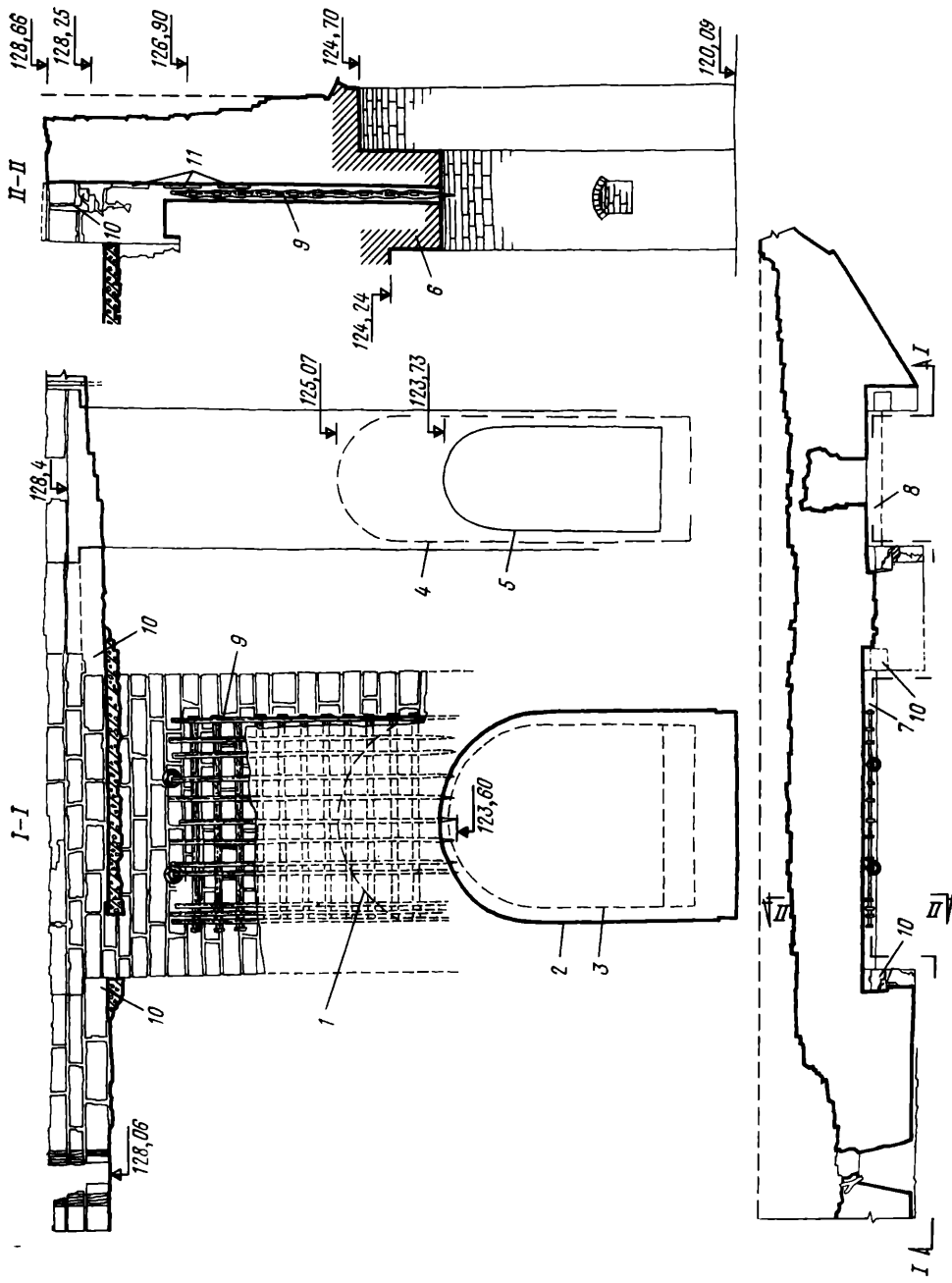

Рис. 3. Разрезы и планы щелей для герс большого и малюго проемов по натурным исследованиям

- 1 — сохраняющаяся арка ниши для подъемного моста;
- 2 — существующий большой воротный проем;
- 3 — предполагаемый воротный проем;
- 4 — существующая заложенная ниша для подъемного моста;
- 5 — существующий малый воротный проем;
- 6 — кирпичный футляр 1867 г.;
- 7 — щель для большой герсы;
- 8 — щель для малой герсы;
- 9 — герса;
- 10 — уступы;
- 11 — амортизационные швы

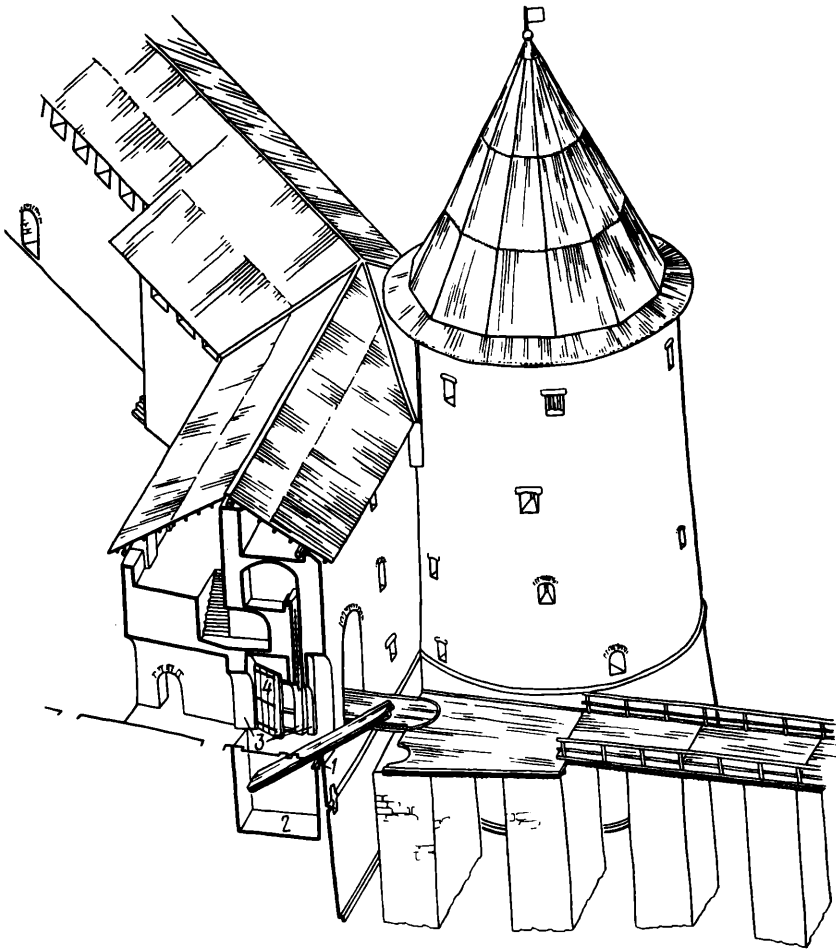

Рис. 4. Реконструкция воротного устройства крепости Копорье

1 — поворотная ось подъемного моста; 2 — нижняя камера; 3 — лопатки; 4 — ворота

имеются уступы в 22 и 27 см (рис. 3, 10), в одном из них вытесано гнездо размерами $13 \times 21 \times 27$ см для бруса (рис. 3, 10). Щель герсы начинается ниже уступа на 1,02 м и отгораживается от внутреннего помещения 40-сантиметровой стеной.

Тонкая наружная стенка щели сооружена в перевязку с более толстой стеной, но при этом сделан «амортизационный» шов толщиной 3 см (рис. 3, 11); для того чтобы не было разрушений стены в момент сбрасывания герсы. Аналогично левому уступу с правой стороны существовал такой же, но он был частично сбит при консервационных работах 1887 г.

При разборке кладки над малым проходом удалось выявить уступы с гнездами, аналогичные описанным. Частичная разборка закладки малого проема открыла щель для герсы (рис. 3, 8). Между уступами у большой и малой герсы сохранился остаток поперечной стены шириной 113 см.

Решетки поднимались с помощью ворота, от которого шла цепь, накручивавшаяся на вал, зажатый брусьями. Последние устанавливались в упомянутых специальных гнездах. Длина большого бруса 4,40 м, малого — 2,30 м. Клиновидные концы герсы, замурованные в кладку арки большого воротного проема, позволяют определить размеры всей решетки

ки: ее высота 3,57 м, ширина — 2,74 м. Сама щель имеет длину 3,85 м, ширину — 0,17 м. С двух сторон от нее имеются зазоры по 50 см. Таким образом, можно предположить, что противовесы опускались по щели с двух сторон от герсы.

Что касается малого проема, то там герса не сохранилась: надо полагать, что она была вынута во время закладки проема. Верхнее помещение над ним также заложено, но хорошо сохранившиеся щель и проем позволяют весьма точно определить размеры герсы: длина щели 1,84 м, высота малого проема равна высоте большого — значит, длина малой герсы 3,57 м, ширина — не меньше 1,57 м, так как ширина проема 1,37 м.

Рассмотрим теперь помещение малого прохода над нижней камерой (рис. 2, 3). На расстоянии 2 м от хода на боковых стенках имеются вертикальные лопатки. Размеры их в плане 1,00×0,10 (рис. 4, 3). Они словно повисают на уровне отметки пола прохода. Под этой отметкой стенки нижней камеры выступов не имеют. Следовательно, лопатки служат своеобразным стопором для настила моста, перекрывающего нижнюю камеру.

Кроме лопаток, на этих стенах прослеживаются по три ряда горизонтальных штраб размерами 5—8×10—12 см. Затем там имеются кованые подставы, по три с каждой стороны (рис. 2, 6). Штрабы размещены на уровне этих подставов. Значит, кроме герсы и мостового полотна, проем имел еще и ворота (рис. 4, 4), причем ворота навешивались на противоположных стенах и закрываться одновременно не могли. Для более плотного прилегания ворот к стенам и были устроены штрабы, в которые заходили поперечные брусья, скреплявшие полотнища.

Сказанное позволяет определить последовательность работы защитно-заградительных устройств воротного проема Копорской крепости.

В случае приближения неприятеля в первую очередь сбрасывалась герса, затем закрывались первые ворота, поднимался мост, плотно прикрывая всю нишу, одновременно в нижнюю камеру опускался противовес, оставляя настил над ней (попадание в нижнюю камеру осуществлялось, по-видимому, через люк в настиле и деревянную лестницу), далее закрывались вторые ворота.

Возможен и второй вариант, когда в нижнюю камеру опускался не только противовес, но вся вторая половина моста, однако тогда не совсем понятно, как закрывались вторые ворота. Но при любом варианте нижняя камера предназначалась только для противовеса моста и ни при каких обстоятельствах не могла играть роль «волчьей ямы».

Итак, в Копорье XVI в. был подъемный мост, работавший по принципу качелей, и герсы, управлявшиеся из помещений третьего яруса воротного комплекса. Решетка над большим проемом — единственный сохранившийся образец во всех крепостях северо-запада Восточной Европы.

¹ Основные результаты обследований и изучения крепости в предшествующий период изложены в работах В. А. Богусевича (Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладогои, Порхова и Копорья. Новгород, 1940, с. 36—48) и В. В. Косточкина (К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV — начала XVI в. — МИА, 1958, № 77, с. 101—120; Новые данные о крепости Копорье. — СА, 1960, № 3, с. 262—271; К вопросу о мастерах крепости Копорье. — В кн.: Древнерусское искусство XVI—XVII вв. М., 1962, с. 206—214).

² Историко-архивные исследования провел ст. научный сотрудник ЛОСНРПМ М. И. Мильчик, архитектурно-археологические — архитекторы ЛОСНРПМ под руководством автора статьи, археологические раскопки — ст. научный сотрудник ЛОИА О. В. Овсянников.

³ Munthe W. Kungl. Fortifikationens historia. Stockholm, 1905, 14, Bd 3b, s. 451.

⁴ Viollet le Duc E. Dictionnaire raisonne de l'architecture française du XIe an XVIe siècle..., v. 2. Paris, 1875. По этому же принципу архитектором Львовской СНРПМ Л. М. Дмитриевич восстановлены входы в средний и нижний замки города Мучачева.

КАМЕННЫЕ ШАТРОВЫЕ ХРАМЫ СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

Каменное строительство в Сийском монастыре (Архангельская обл.) началось в конце XVI в. возведением Троицкого собора. Под руководством присланного из Москвы мастера Захара в 1588—1592 гг. были заложены фундаменты храма («Мастер Захар подошву завел и сваи набил и камнем до половины выбутил») ¹. К 1598 г. постройка была «недоделана сведена до верхних сводов», и освящение ее произошло только в июле 1606 г. ²

Каменное зодчество на Севере начиналось с освоения того архитектурного наследия, которое в столице уже выкристаллизовалось в классические формы и не вызвало сомнений ни в религиозном, ни в художественном отношении. Обращение заказчика к Москве и московским образцам (присылка мастера, возведение собора «в Вознесенскую меру, что в Девиче монастыре в Москве» ³, изготовление кирпича для стройки в «государеву меру» ⁴, а также облик самого памятника полностью подтверждают это. Троицкий собор — обширная, почти квадратная в плане постройка с трехчастным алтарем и папертью во всю длину западного фасада. Четыре столба крестчатой формы несут систему сводов и традиционное пятиглавие.

Натурное изучение в 1975 г. дало новые материалы для исследования двух шатровых построек монастыря — Благовещенской и Трехсвятительской церквей ⁵.

Оба здания появились в тот период, когда шатровое зодчество Москвы успело не только сформироваться в устойчивое стилевое направление, но и обнаружить симптомы упадка. Шатер из строго функциональной формы в XVII в. превратился в декоративную и полностью утратил какую-либо роль в решении интерьера. Но именно в это время из столицы шатровый тип храма проникает в каменное строительство Севера. Однако его распространение здесь никогда не было столь широким, как в московском каменном зодчестве или в деревянной архитектуре Севера. Сийские храмы представляют серьезный интерес как довольно редкие по типу в практике северного строительства.

Еще в 1593 г. царский указ предписывал строить «каменной большой храм» и одновременно каменную колокольницу ⁶, но возведение последней затянулось более чем на 50 лет.

В 1638 г. началось строительство теплой Благовещенской церкви (рис. 1) с трапезной и келарской ⁷. Его вела присланная из Москвы артель каменщиков ⁸. К 1641 г. церковь была «состроена по верхние окна, что в церкви и в трапезе и в келарской до оконных нижних порогов», а в 1644 г. — закончена ⁹. В донесении сийского игумена новгородскому митрополиту сообщалось, что в завершении церкви «стопа вверху каменная сажень шти до маковицы» (в шатре был устроен придел во имя Михаила Малеина) ¹⁰.

Церковь, трапезная и келарская поставлены на высокий подклет. Нижняя часть храма — четверик с двучастным алтарем, занимающим и в нижнем и в верхнем этаже почти такую же площадь, как и собственно церковь. Подклетная часть перекрыта цилиндрическим сводом, а верхняя — сомкнутым четырехлопатовым. Над сводом четверика, на массивном кирпичном кольце покоится невысокий восьмерик, стены которого в местах сопряжения граней обработаны лопатками ¹¹. Продолжением восьмерика служит кирпичный шатер с главкой в завершении. Одна из самых интересных особенностей здания — главки над юго-восточным и северо-восточным углами четверика, соответствующие двучастной компо-

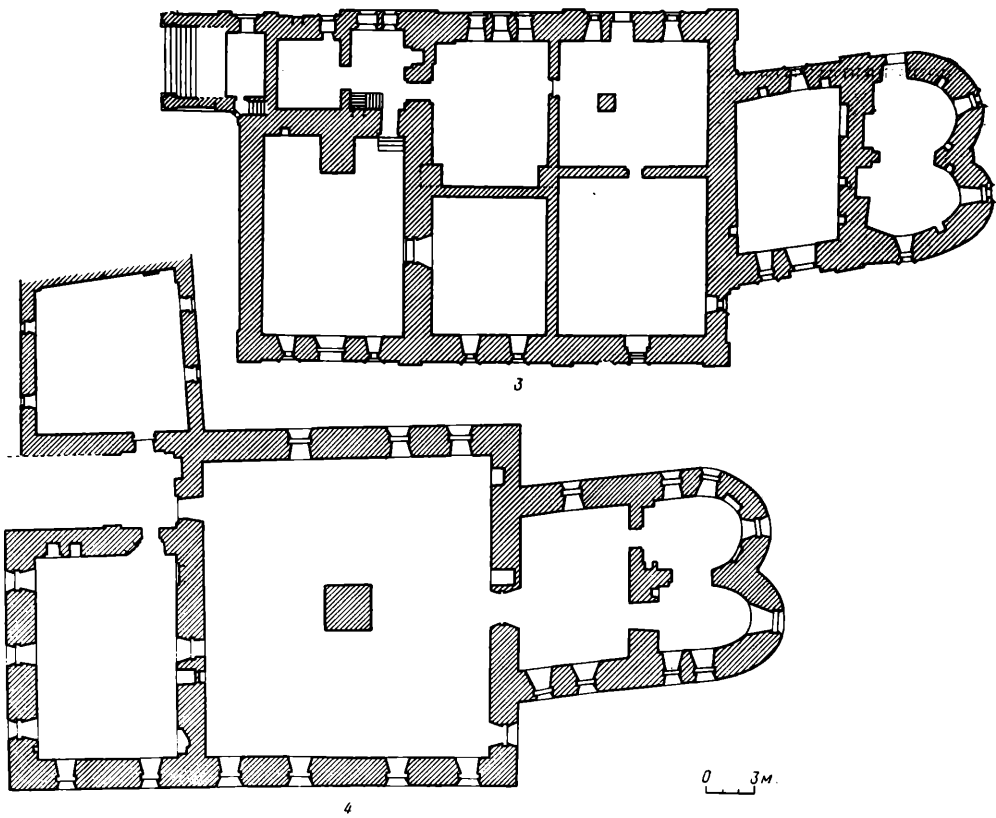
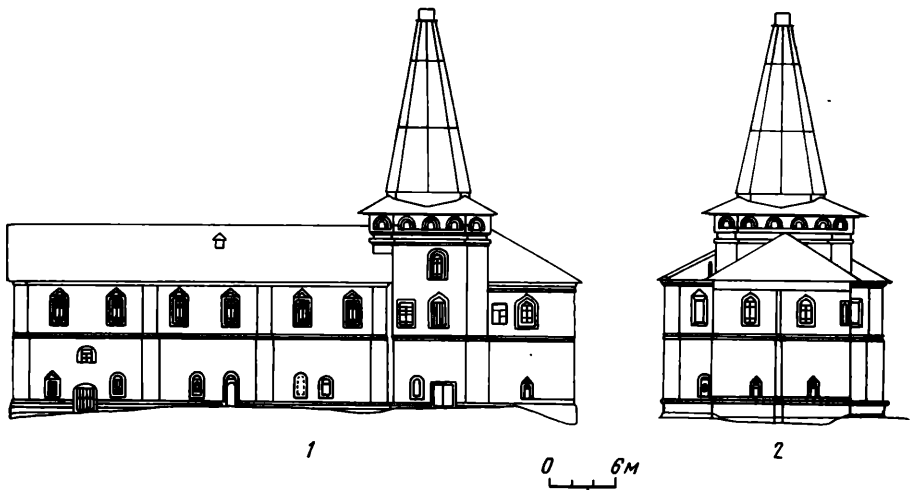

Рис. 1. Благовещенская церковь

1 — южный фасад; 2 — восточный фасад; 3 — план второго этажа; 4 — план первого этажа

зиции алтаря. Ныне под поздней кровлей сохранились лишь кирпичные постаменты кубической формы и основание двух глухих барабанов (т. е. первоначально храм был трехглавым). Эта особенность имеет аналогии в архитектуре Москвы XVI—XVII вв. Ближе других по времени и характеру приема — церковь Покрова в Медведково: центральный шатер фланкируют сразу четыре декоративные главы по углам четверика. В этой церкви — одной из ранних шатровых построек первой половины XVII в. — отчетливо наметилась тенденция к компромиссному соединению шатрово-

то и традиционного завершения храма. Московские строители, возводившие Благовещенскую церковь, были знакомы с этим приемом и лишь частично видоизменили его (трехглавие вместо пятиглавия). Похожий прием использован и строителями Дивной (Успенской) церкви Алексеевского монастыря в Угличе (1628 г.), только вместо боковых глав, как в Благовещенской церкви, в угличском храме применены шатры.

Нижний этаж трапезной и келарской состоит из нескольких помещений хозяйственного назначения, перекрытых цилиндрическими и комбинированными сводами с многочисленными распалубками. Помещение верхнего этажа трапезной — огромный зал, лишенный декора, в центре его четырехгранный столб, несущий своды довольно сложного типа. Это — комбинация крестовых и сомкнутых сводов с распалубками.

Крыльцо трапезной примыкает к северной части западного фасада и состоит из двух лестничных маршей, перекрытых цилиндрическими сводами на ползучих арках на шестигранных столбах. Видны следы перделок позднего времени.

В целом храм Благовещения вполне органично вписывается в историко-архитектурный контекст первой половины XVII в.

Вероятно, после завершения работ на Благовещенской церкви было начато строительство каменной колокольни. Любопытно, что именно патриарх Никон, посетивший Сийский монастырь в 1654 г. и повелевший завершить строительство колокольни и наименовать ее в честь трех московских святителей¹², в данном случае оказался причастным к возведению одного из последних каменных шатровых храмов.

Храм-колокольня, как и все здания монастыря, пострадал во время пожара 1658 г., и «каменное дело после пожара строил колокольню достроил и часовую палатку... и подмастерьем был келар старец Паисий...»¹³. Освящение церкви произошло в 1661 г.¹⁴

Церковь Трех святителей (рис. 2; 3) представляет собой довольно сложный архитектурный организм — это ярусная постройка со ступенчато-нарастающим ритмом объемов. Основу первых двух ярусов здания составляет мощный четверик, опоясанный двухэтажной галереей (рис. 2). Нижний этаж четверика перекрыт цилиндрическим сводом с шельгой по оси восток — запад и опоясан открытой (позднее заложеной) галереей на квадратных в плане столбах. Галерея перекрыта цилиндрическими сводами. Верхний этаж четверика, собственно храм, ныне полностью утрачен. Обмерами 1975 г. удалось зафиксировать следы его стен и остатки портала на западной стороне. Судя по фотографиям XX в. (рис. 3), помещение церкви поднималось на высоту до первого яруса звона, освещалось в верхней части немногочисленными окнами и, вероятно, было перекрыто сомкнутым сводом¹⁵. Сохранилась со значительными утратами лишь галерея, которая опоясывала церковь. Галерея была хорошо освещена (по пять окон на каждом фасаде), в западной, южной и северной ее частях располагались библиотека и архив (эти части хорошо читаются на плане и выделяются рисунком оконных проемов). Ярус звона раскрывался тремя проемами на каждом из четырех фасадов, причем средний проем по высоте и ширине был больше боковых. Каждый из фасадов этого яруса завершался двускатной кровлей, а в целом получалось довольно необычное для зданий подобного типа восьмискатное покрытие. Поставленный на четверик невысокий восьмигранник образовывал второй ярус звона. Постройку завершал шатер с главкой на глухом барабане.

Из галереи первого этажа в церковь (и выше — к колоколам) вела внутрискатная лестница, начинавшаяся у северо-западного угла четверика, а с улицы в храм входили по каменному крыльцу, ныне несохранившемуся.

Организация стены отличается простотой: плоскость ее, не обремененная украшениями, прорезана строгими лопатками. Столбы нижнего яруса

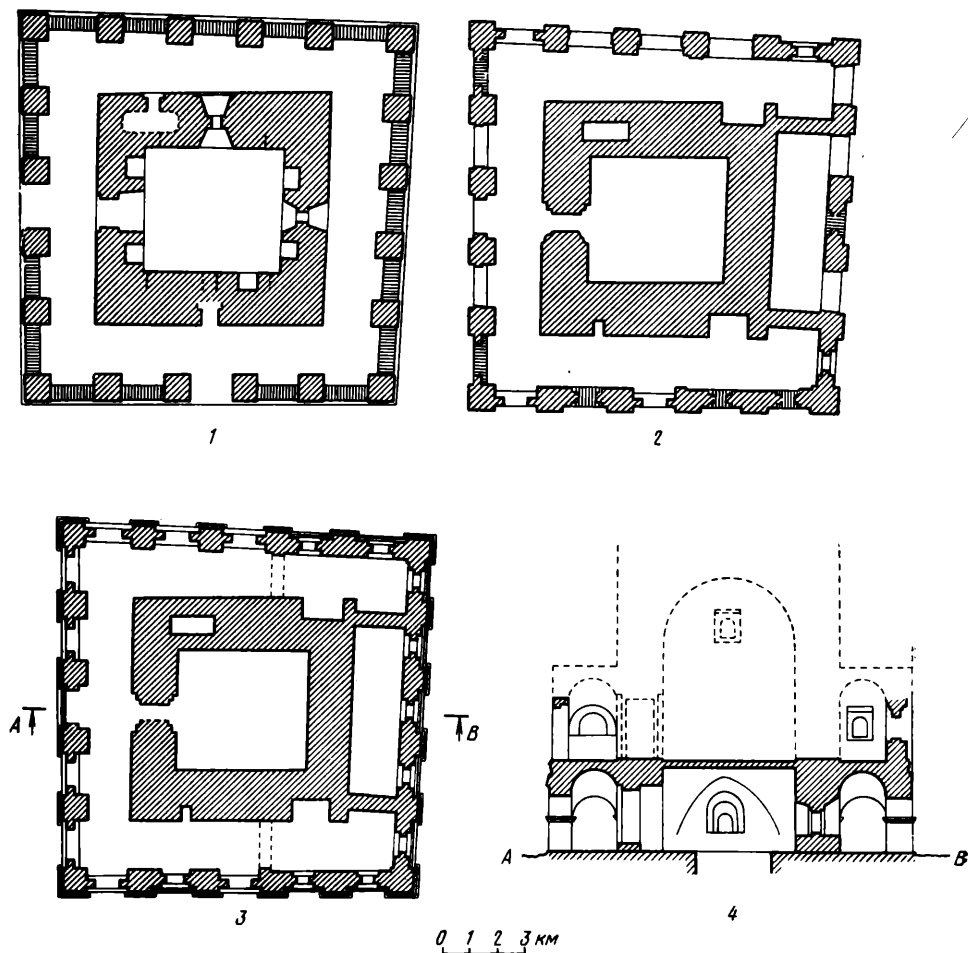

Рис. 2. Трехсвятительская церковь

1 — план первого этажа; 2 — план второго этажа; 3 — реконструкция плана второго этажа; 4 — разрез церкви по оси восток — запад

галереи имеют простые капители. Горизонтальные тяги на границе первого-второго этажей усложнены поребриком. Двойная горизонтальная тяга проходит и на уровне перекрытия церкви, четко показывая на фасаде различное назначение помещений верхнего и нижнего ярусов. Столбы звона и восьмерика имеют капители упрощенного рисунка, правда с довольно сложной раскреповкой в местах сопряжения граней восьмерика. В описных книгах XVII в. храм-колокольня описывается без деталей: «Колокольня каменная шатровая, на кладовых палатах... Поверх кладовых палат под колоколами церковь... У тое колоколни во особой палатке часы боевые уклады заморского дела самого изрядного художества»¹⁸.

Столпообразные сооружения, которые могут служить прообразом сийской колокольни, известны с XIV—XV вв. Это церкви Иоанна Лествичника в Московском Кремле (1329 г.), Иоанна Милостивого в Твери (начало XV в.), Григория Армянского в Хутынском монастыре под Новгородом (1445 г.). В XVI в. храмы этого направления делаются компактнее по объемно-пространственному решению и выразительнее по художественному образу: это — колокольня Ивана Великого (1508 г.) и Хутынский столп (1535 г.). Последняя постройка, описанная Павлом Алеппским, представляла собой композицию из убывающих по величине

Рис. 3. Трехсвятительская церковь. Фото начала XX в.

восьмигранников, имела двухъярусную галерею и храм в середине главного восьмерика. Вероятно, такого же типа здание было построено в Николо-Пешношском монастыре.

С распространением в первой половине XVI в. шатра в качестве венчающей формы каменных храмов ярусные столпообразные постройки видоизменяют верх, употребляя шатер вместо традиционной главки на барабане: Распятская колокольня Александровой слободы (70—80-е годы), позднее Спасская церковь в Киржаче (1656 г.), колокольня церкви Рождества Христова в Ярославле (1644 г.)¹⁷.

Храм-колокольня Сийского монастыря не повторяет ни одну из названных построек, хотя в типологическом отношении близок к ним. Отличие заключается в восьмискатном покрытии четвертика. Этот прием сближает постройку с новгородскими и псковскими храмами XVI в. Однако использование его в Сийском монастыре навеяно скорее приемами и формами деревянной архитектуры конца XVI—XVII в. (например, церкви Нило-Столбенской пустыни, Ширковской на озере Пено).

Оба шатровых храма Антониево-Сийского монастыря, отличаясь присущими только им особенностями, не выпадают из общерусского архитектурного развития XVI—XVII вв. Они представляют своеобразную северную вариацию на тему, хорошо известную по памятникам Москвы и прилегающих земель. Одновременно они свидетельствуют о довольно медленном, но неуклонном процессе оформления местных строительных артелей, которые скажут свое слово несколько позднее — в конце XVII — начале XVIII в.

- ¹ *Макарий*. Исторические сведения об Антониеве Сийском монастыре.— ЧОИДР, 1878, кн. III, с. 31.
- ² РО БАН, Архангельское собрание, Д-375, л. 3об, 67об.
- ³ *Макарий*. Исторические сведения..., с. 31.
- ⁴ РО БАН, Д-375, л. 33об. Формат кирпича Троицкого собора: 30×16×8,5; 31,5×16×8; 30×14×9; 32×15×9 см.
- ⁵ Работы проводились Северо-Двинским архитектурно-археологическим отрядом, организованным ЛОИА и Архангельским областным отделением ВООПИК.
- ⁶ *Амосов А. А.* Сотные грамоты Антониеву Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг.— В кн.: *Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник*, 2. Вологда, 1972, с. 235.
- ⁷ РО БАН, Сборник документов XVI—XVII вв., Д-375, л. 73. Формат кирпича: 29—31×13,5—15×7—8 см.
- ⁸ Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902, с. 84.
- ⁹ РО БАН, Переписная книга Сийского монастыря 1641 г., Д-379, л. 637об.
- ¹⁰ Краткое описание..., с. 119—121; *Макарий*. Исторические сведения..., с. 17.
- ¹¹ В «Истории русского зодчества» (т. IV. М., 1955, с. 167) ошибочно утверждается, что шатер поставлен прямо на четверик. Эта неточность объясняется тем, что ныне шатер и восьмерик скрыты под поздней обшивкой.
- ¹² Краткое историческое описание..., с. 126.
- ¹³ РО БАН, Д-375, л. 81. Формат кирпича: 31,5×14×7; 30,5×14,5×7; 32×14×7,5; 31×14×5,5 см.
- ¹⁴ *Макарий*. Исторические сведения..., с. 17.
- ¹⁵ ИАК, 1911, 41 (Вопросы реставрации, 8), с. 137.
- ¹⁶ РО БАН, Книги описные Сийского монастыря 1692 г., Д-287, л. 70.
- ¹⁷ *Всеобщая история архитектуры*, т. 6. М., 1968, с. 133, 138.

ХРОНИКА

О. В. ОВСЯННИКОВ

О РАБОТЕ СЕКТОРА СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1976—1977 ГГ.

В 1976—1977 гг. коллектив сектора славяно-финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, подразделенный на три творческие группы, разрабатывал следующие фундаментальные научные направления: I — история славян; II — история культуры древней Руси; III — средневековая археология Северо-Запада РСФСР, история финно-угорских племен и их связи со славянами¹.

Начнем с первого направления. Е. А. Горюнов в 1976 г. завершил работу «Днепровское Левобережье в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.», которую он в 1977 г. успешно защитил в качестве кандидатской диссертации. Работа представляет собой оригинальное исследование, в котором впервые введены в научный оборот памятники V—VII вв., обнаруженные и раскопанные автором на территории Днепровского Левобережья. Воссоздана целостная картина культурно-исторического процесса на Днепровском Левобережье в III—VII вв. Можно отметить важность заключений, касающихся характера и ареала памятников киевского типа, происхождения колочинской и пеньковской культур, южных элементов в пеньковской культуре и ее связей с памятниками волынцевского типа. Е. А. Горюнов в 1977 г. завершил тему «Селище Хитцы (к вопросу о периодизации пеньковской культуры)». Е. А. Горюнов совместно с М. М. Казанским представил доклад «Широкопластинчатые фибулы VII—VIII вв.» Авторы считают, что сложение фибул этого типа в Среднем Поднепровье происходило под сильным влиянием художественных традиций Византии и Подунавья.

Стажер-исследователь М. М. Казанский в 1977 г. выступил с докладом на тему «Взаимоотношения оседлого и кочевого населения Среднего Поднепровья в VI—VII вв. н. э. (история вопроса)», в котором были рассмотрены основные точки зрения по данной проблематике, а также предпринята попытка локализации некоторых племен юга Восточной Европы по письменным источникам VI—VII вв. н. э. Выступавшие в обсуждении Ж. Н. Выжарова (Болгария), Е. А. Горюнов, А. Л. Якобсон и М. А. Тиханова отметили сложность изучения процессов взаимоотношений кочевников и славян в период раннего средневековья и актуальность задач, поставленных в докладе.

В 1976 г. к сектору были прикреплены аспирантка Г. А. Усова (тема «Черняховские памятники Днепровского Левобережья») и Л. Г. Паничева («Архитектурно-декоративная керамика Белоруссии XIV—XVII вв.»).

В области второго направления исследователи занимались изучением древнерусского зодчества и археологией городов. В 1976 г. была закончена фундаментальная работа Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта «Зодчество Смоленска XII—XIII вв.» Это — итог многолетнего совместного труда. Монография построена на совершенно новом материале, полученном в результате археологических исследований обоих авторов. В исследовании раскрыта яркая картина развития смоленской архитектурной школы — одной из наиболее самостоятельных и прогрессивных, но в то же время наименее изученных школ древней Руси. С 1977 г. П. А. Раппопорт работает на сводом САИ «Памятники древнерусского зодчества». Необходимость в обобщающей работе, в которой была бы сделана сводка всех известных и исследованных памятников каменного зодчества домонгольской Руси, очевидна.

А. Л. Якобсон в 1976 г. завершил монографию «Закономерности в развитии средневековой архитектуры» на материале архитектуры Византии, Греции, югославянских стран, древней Руси, Закавказья и Средней Азии в IX—XV вв. Следует отметить значимость темы, слабо разработанной как в советской, так и в зарубежной историко-архитектурной науке. Автор охватил широкий круг вопросов, что позволило ему наметить общие закономерности в развитии зодчества отдельных стран. С 1977 г. А. Л. Якобсон начал работать над темой «Закономерности в развитии раннесредневековых архитектур (V—IX вв.)» на материале архитектуры центральных областей Византии, Балкан, Греции, Малой Азии, Сибири, Закавказья. Он выступил с докладом на тему «Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры Византии». М. В. Малевская в 1976—1977 гг. работала по теме «Зодчество западно-русских земель второй половины XIII—XIV в.» и доложила разделы своей темы: «Архитектурные памятники Волыни» и «Архитектурные памятники Галичины и Черной Руси».

Ф. Д. Гуревич с 1976 г. занимается темой «Детинец древнего Новогрудка». Сделано два доклада: «Характеристика культурного слоя детинца древнего Новогрудка» и «Ремесленная деятельность и внешние связи жителей новогрудского детинца». К. В. Павлова продолжила изучение материалов, добытых во время раскопок городища Осовик Смоленской обл. Она прочитала доклады о жилых и хозяйственных комплексах городища, а также о занятиях его древних обитателей (сельское хозяйство, скотоводство, охота, рыболовство).

В 1977 г. к сектору были прикреплены аспирантка О. А. Кондратьева (тема «Косторезное ремесло древней Руси IX—XI вв.») и А. А. Пескова («Жилища и оборонительные сооружения древнего Изяславля»).

Перехожу к деятельности сотрудников, занимающихся археологией Северной Руси и историей славян и финнов. А. Н. Кирпичников прочитал доклад о Ладожской крепости конца IX — начала X в. Выступавшие в прениях подчеркнули особый интерес новых полевых изысканий в Старой Ладоге и необходимость дальнейшего изучения вопросов происхождения этого древнейшего русского города. Подчеркивалось, что историю Ладоги при всей этнической сложности ее культуры нельзя отрывать от истории восточного славянства. Другой доклад А. Н. Кирпичникова — «Крепости бастионного типа в средневековой России» — обосновывает новооткрытое направление военного строительства Московского государства. В 1977 г. А. Н. Кирпичников завершил тему «Каменные крепости Новгородской земли». В подготовленной к печати монографии детально изучены крепости в Ладоге, Орешке, Кореле, Тиверском городке, Копорье, Ямгороде, Порхове. Автору удалось во многом уточнить, детализировать, а порой и значительно дополнить наши представления о развитии каменного военного зодчества древней Руси. Работа является серьезным исследованием по истории военно-инженерного искусства древней Руси. По итогам этой работы выдвинуто предложение

о создании вокруг Ленинграда кольца музеефицированных крепостных ансамблей и о создании в Старой Ладoge архитектурно-исторического музея-заповедника.

О. В. Овсянников в 1976—1977 гг. выполнил три темы: «Археологические комплексы Ладogi XVI—XVII вв.», «Основные этапы сложения северорусского города (Архангельский север, XIV—XVII вв.)», «Миниатюры и планы С. Ремезова как исторический источник», в которых исследовал вопросы русского города периода позднего средневековья.

Е. Н. Носов в 1976 г. завершил работу над кандидатской диссертацией «Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.», которую успешно защитил в 1977 г. Обсуждение диссертации на заседании сектора подтвердило, что работа Е. Н. Носова представляет большой интерес, ибо в ней рассмотрена и хронологически систематизирована интереснейшая группа памятников, включающая Новгород, Старую Ладogu, сопки. Работа явилась несомненным шагом вперед в разработке проблемы освоения славянами северо-западных земель. С 1977 г. Е. Н. Носов работает над темой «Проблема сложения раннегородских центров в Приильменье в русской и советской историографии». В докладе «Происхождение Новгорода в русской историографии» он рассмотрел широкий круг источников и показал, что постепенно в работах историков складывалось представление об особом пути возникновения Новгорода, формировании его территории.

Е. А. Рябинин в 1977 г. завершил рукопись выпуска САИ «Зооморфные подвески Северной Руси X—XIV вв.» В работе впервые собран исчерпывающий материал, датировано и классифицировано около 1100 зооморфных подвесок, найденных на территории Руси и за ее ближайшими пределами. Автор предложил этническую интерпретацию материала, раскрыл сложную магическую семантику изучаемых украшений с учетом данных о культах животных у финно-угров, славян и балтов. Работа построена с привлечением не только археологических, но и исторических, и этнографических материалов, что позволило всесторонне показать и объяснить роль зооморфных изображений в системе идеологических представлений средневекового населения Восточной Европы.

В. А. Назаренко продолжает работу над темой «Курганы Приладожья X—XIII вв.» Он сделал доклад «Хронология погребального обряда приладожских курганов», который вызвал оживленное обсуждение. Автор сделал попытку восстановить реальную последовательность развития погребального обряда приладожской курганной культуры. Выступавшие (Г. С. Лебедев, Е. А. Рябинин, В. П. Петренко) отметили оригинальность методических приемов автора и убедительность сделанных им исторических выводов.

Успешно закончили аспирантуру Н. В. Хвоцинская и В. А. Кольчатov. Диссертация Н. В. Хвоцинской «Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (по материалам погребальных памятников)» посвящена исследованию древностей этого важного в истории Руси региона. Н. В. Хвоцинская систематизировала обширный пласт курганных древностей, характеризующих материальную культуру одного из значительных районов Северо-Западной Руси. В работе выделено несколько групп памятников, анализ которых показал особенности формирования древнерусской культуры в отдельных регионах. Особое место в работе уделено изучению контактов финно-угорских и славянских племен.

В. А. Кольчатov представил диссертацию на тему «Водская земля в XI—XIV вв. (по археологическим данным)». В работе рассмотрены курганные комплексы. Автор разработал типологию фибул, височных колец, браслетов и других находок. Он наметил исторические этапы развития культуры древних обитателей Ижорского плато. На заседаниях сектора заслушаны также доклады В. П. Петренко («Обзор литературы по

археологии Латвии за 1976—1977 г.»; «Топография Ладоги VIII—X вв.»; «Новые находки с руническими надписями из Старой Ладоги»), В. И. Кильдюшевского («Керамика Новгорода. Опыт классификации»).

В работе сектора часто принимают участие специалисты из других научных учреждений. Выступили с докладами Е. Л. Гороховская (Киев) — «Памятники киевского типа в северной части Среднего Поднепровья»; Р. М. Гаряев (Москва) «К вопросу об ориентации древнерусских церквей»; И. В. Дубов (ЛГУ), О. М. Иоаннисян (Инспекция охраны памятников Управления культуры Леноблисполкома) — «К вопросу о ранних укреплениях города Ярославля»; Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. (Киев) — «Новые археологические исследования древнего Киева»; Г. М. Штендер (Новгород) — «Новые открытия в соборе Антониева монастыря в Новгороде»; Л. Г. Паничева (Минск) — «Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV—XVII вв.»; Д. А. Дрбоглав (Москва) — «К вопросу о чтении надписей на западноевропейских средневековых мечях XIII в.»; М. Ф. Рожко (Львов) — «Крепость Тустань»; М. Е. Васильев (Пушкинские Горы) — «Городище Дубровы Новоржевского р-на Псковской обл.»; Н. В. Якимова (Ленгинпротеатр) — «О некоторых особенностях исторического развития Вологды».

В соответствии с перспективной программой сотрудничества в области естественных и общественных наук между СССР и Финляндией в Ленинграде в ноябре 1976 г. успешно проведен первый советско-финляндский симпозиум по археологии на тему «Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья». В работе приняли участие ученые Ленинграда, Москвы, Таллина, Риги и Петрозаводска, а также зарубежные гости из Хельсинки и Турку. Всего было заслушано восемь докладов советских ученых и семь — исследователей из Финляндии². Элементом северной мифологии в материальной культуре древней Руси посвятил свое выступление академик Б. А. Рыбаков. Биармы — такова тема доклада проф. К. Ф. Мейнандера. На симпозиуме с советской стороны также выступили В. В. Седов, А. Н. Кирпичников, Л. А. Голубева, И. П. Шаскольский, И. В. Дубов, Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, с финской стороны докладчиками были А. Эря-Эско, П. Л. Лехтосало-Хиландер, А. Л. Хирвилуото, У. Сало, М. Хурре, К. Карпелан. Доклады будут напечатаны в специальном сборнике «Финно-угры и славяне».

Состоявшийся после докладов обмен мнениями показал, что советские и финляндские ученые достигли известного схождения взглядов в решении ряда исторических проблем, среди которых следует назвать: происхождение и расселение северных славянских и финских племен, контакты Новгорода с чуждью, изучение древней истории карел и города Корелы, определение скандинавского влияния на материальную культуру финнов и славян, семантика и орнаментация археологических находок, становление городов, поселений и торговли в зоне славяно-финских контактов. Во время симпозиума состоялось заседание новообразованной смешанной Советско-Финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии, на котором был обсужден и принят план совместной работы советских и финляндских ученых на 1977—1981 гг. Предусматривается проведение симпозиумов в Хельсинки по теме «Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна» и в Ленинграде — по проблемам изучения неолитических культур. В целом проведение симпозиума показало плодотворность советско-финляндского научного диалога в области археологии и заложило долгосрочную конструктивную основу для продолжения таких встреч. В 1976 г. сектор стал коллективным членом Общества советско-финляндской дружбы.

В 1977 г. сотрудники сектора провели встречу со студентами-славистами и преподавателями университета г. Орхус (Дания). На этой встрече состоялся обмен информацией о новейших археологических находках.

В 1976—1977 гг. все сотрудники сектора активно участвовали в работе конференций и симпозиумов. Среди них назовем конференцию «Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья» (организована Историческим факультетом ЛГУ), VII Всесоюзную конференцию по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии, Международный конгресс «Славянская керамика V—VIII вв.» В 1976—1977 гг. сотрудники сектора опубликовали книги А. Н. Кирпичникова «Военное дело на Руси», О. В. Овсянникова «Крепость Копорье», П. А. Раппопорта в соавторстве с А. Смирновой «Архитектурные достопримечательности Смоленска». Проведено обсуждение незавершенной монографии П. Н. Третьякова «Очерки древней истории славян». В ближайшее время работа П. Н. Третьякова будет подготовлена сотрудниками сектора к печати.

Сотрудники сектора ведут насыщенные и результативные полевые изыскания. Отметим, в частности, что авральные спасательные работы проводились в Старой Ладого, Пскове, Полоцке, Львове, на территории Архангельской, Ленинградской, Псковской, Новгородской областей РСФСР, а также Сумской и Полтавской областей УССР.

¹ О структуре и творческих группах сектора славяно-финской археологии подробнее см.: *Кирпичников А. Н.* О задачах и работе сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1974—1975 гг.— КСИА, 1977, 150, с. 107—111.

² Более подробно см.: *Кирпичников А. Н., Носов Е. Н.* Первый советско-финляндский симпозиум по археологии.— ВИ, 1977, № 7, с. 187—189.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 АС — Археологический съезд
 АО — Археологические открытия. М.
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ВЭИНИП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.
 ЖМНИП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра ГрузФАН СССР. Тбилиси
 ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
 ЛОСНРПМ — Ленинградская областная специальная научно-реставрационная мастерская объединения «Реставрация»
 МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАР — Материалы по археологии России
 МИСО — Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПГАЛ — Памятники грузинской агнографической литературы. Тбилиси
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>С. В. Белецкий.</i> Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города)	3
<i>И. В. Дубов, О. М. Иоаннисян.</i> К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения)	19
<i>А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин, И. В. Дубов, В. А. Назаренко.</i> Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения	24
<i>С. С. Какабадзе.</i> К изучению грузинской культовой архитектуры IV—VI вв.	38
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Каменные могилы Подляшья и древний Дрогичин	45
<i>Л. Г. Паничева.</i> Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV—XVII вв.	53

Публикации

<i>К. И. Красильников.</i> Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце	60
<i>В. П. Петренко.</i> Сопка у с. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г.	69
<i>Е. А. Рябинин.</i> Исследование 1975 г. на Ижорской возвышенности	76
<i>А. А. Юшко.</i> Археологические памятники бассейна р. Пахра	82
<i>В. И. Кулаков.</i> Ритуальный комплекс в могильнике у Клиновки	87
<i>В. А. Кананин.</i> Исследования городища Шудья-кар в верховьях Камы	92
<i>Н. В. Сапожников.</i> «Литовский вал» в Смоленске	101
<i>В. Г. Пуцко.</i> Ранневизантийский рельеф в Софии Киевской	107
<i>И. А. Хаустова.</i> Воротное устройство крепости Копорье	110
<i>В. А. Булкин, О. В. Овсянников.</i> Каменные шатровые храмы Сийского монастыря	117

Хроника

<i>О. В. Овсянников.</i> О работе сектора славяно-финской археологии в 1976—1977 гг.	123
Список сокращений	127

Средневековые древности Восточной Европы

КСИА, вып. 160

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы О. М. Гуськова, В. Д. Прилепская
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ф. А. Дебабов

ИБ № 15240

Сдано в набор 29.08.79. Подписано к печати 7.12.79. Т-17869. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 2500 экз. Тип. зак. 2262. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10